Краснодарский университет МВД России

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ: ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Материалы
IX Международной научно-практической конференции

(24 ноября 2022 г.)

Краснодар
2022

УДК 316.485.26+323.284
ББК 66.3(2Рос)3
П834

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
С. Ф. Самойлов, доктор философских наук, профессор (председатель);
А. С. Бондаренко, кандидат психологических наук
(заместитель председателя);
С. А. Павлова, кандидат психологических наук, доцент (секретарь);
Л. В. Карнаушенко, доктор исторических наук, профессор;
В. В. Колбасин

Противодействие экстремизму и терроризму: философские, П834 социологические и политологические аспекты : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (24 ноября 2022 г.) / редкол.: С. Ф. Самойлов, А. С. Бондаренко, С. А. Павлова и др. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2022. – 272 с.

ISBN 978-5-9266-1871-3

В сборнике представлены материалы IX Международной научно-практической конференции, состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 24 ноября 2022 г., в которых раскрываются научные проблемы, возникающие в различных областях знания в процессе исследования проявлений терроризма и экстремизма.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 316.485.26+323.284
ББК 66.3(2Рос)3

ISBN 978-5-9266-1871-3

© Краснодарский университет
МВД России, 2022

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНОВ РАДИКАЛИЗМА, ФУНДАМЕНТАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

Ладушкин Сергей Иванович,
доцент кафедры
философии и социологии ФГКОУ ВО
«Санкт-Петербургский университет МВД России»,
кандидат философских наук, доцент

ЛОГИЧЕСКАЯ АНОМИЯ И КОГНИТИВНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Психология субъектов экстремистских видов деятельности давно находится в фокусе внимания профильных специалистов, занятых исследованиями социальных причин экстремизма как общественного явления, а также тех, кто работает в сфере профилактики экстремистских настроений в обществе для предотвращения противоправных действий. Значительный прогресс достигнут в плане понимания особенностей индивидуальной и коллективной психологии принятия решений субъектами экстремистской деятельности, выявлена объективная логика взаимосвязи экстремизма с политическими, экономическими, религиозными процессами в обществе.

Намного меньше внимания в современных исследованиях уделяется логике мышления экстремистского субъекта, специфике тех когнитивных процессов, которые постепенно формируют в человеке предрасположенность к экстремизму, влияют на его мировоззренческие ориентиры и однажды приводят его к совершению противоправных действий. В этом плане современные исследования экстремизма и терроризма (как его крайней формы) все так же далеки от построения комплексной науке об экстремизме и терроризме – «террологии», как иногда называют это будущий проект[1].

[1] Олефиренко С.П., Барышников С.Г. Логико-гносеологические проблемы построения террологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 30(245). Философия. Социология. Культурология. Вып. 22. С. 121–128.

Существуют объективные причины, затрудняющие комплексное исследование феномена экстремизма и терроризма в рамках когнитивных наук. В лице террористической угрозы человечество сталкивается, как представляется, с поистине инфернальным злом, настолько шокирующим своей беспринципной и бессмысленной жестокостью психологию обывателя, что естественной реакцией на очередное сообщение в информационном поле о террористической атаке оказывается лишь психологическая боль и экзистенциальные страдания. Эта коллективная боль должна быть немедленно отреагирована в психологическом плане на личностном и на общественном уровне, должно свершиться справедливое возмездие в ответ на злодеяния, и для логико-когнитивного анализа ситуации зачастую просто не остается ни времени, ни сил, ни желаний. Нередко субъект экстремистско-террористической деятельности объявляется вне закона, расчеловечивается в своей преступной активности, наделяется монструозными психологическими чертами, моральной невменяемостью и прочими атрибутами, свидетельствующими скорее об эмоциональной экзальтации выносящих такие оценки людей, нежели представляющими собой действительный научный портрет террориста.

Вторая причина неспособности коллективного разума к серьезной логико-когнитивной рефлексии экстремизма и терроризма заключается в повсеместном принятии правила, передают обычно в выражениях вроде «с террористами не ведут переговоров, их уничтожают» и «хороший террорист – мертвый террорист», и т. п. В самом деле, когда на кону стоят жизни невинных людей, а порой и интересы национальной безопасности, единственно разумным кажется решение о немедленной и безоговорочной ликвидации непосредственной террористической угрозы в лице исполнителя террористического акта. Признавая на практике вынужденную правильность такого жесткого и бескомпромиссного реагирования, приходится признать, что такие решения совершенно бесполезны в плане научного понимания причин экстремистско-террористических явлений. К тому же те немногочисленные судебные процессы над непосредственными исполнителями террористических актов, которые доведены до приговора, зачастую проходят в условиях

недостаточной информационной огласки, учитывая тот опасный общественный резонанс, который могут вызывать подобные события.

Все это в итоге приводит к тому, что логико-когнитивный аспект экстремизма и терроризма остается мало изученной темой. Вместо научной логической рефлексии над терроризмом как общественным явлением мы имеем разного рода психологии терроризма, идеологии терроризма, даже мифологии терроризма, но отнюдь не понимание собственной логики этого опаснейшего общественного явления. Практический разум, стремящийся препятствовать террористической угрозе, превалирует над теоретическим разумом, призванным увидеть это опасное явление во всей безжалостной логике его возникновения и существования. Парадокс ситуации заключается в том, что без изменения тенденции к безусловному уничтожению того, что признается всем цивилизованным миром как чрезвычайная угроза всему миру, человечество не придет к искоренению таких явлений, как экстремизм и терроризм.

Вопрос о логике терроризма как объективного феномена в социально-политической сфере имеет в своем составе два взаимодополняющий аспекта – объективная логика террора и субъективная логика мышления и поведения террориста. Первый аспект – это те интересы отдельных людей, социальных групп, государственных объединений, которые в всей совокупности своих переплетений создают условия для возникновения терроризма. Такие условия вполне поддаются научному наблюдению, социологическому и политологическом анализу, статистической обработке, теоретическим генерализациям, хотя и наталкиваются регулярно на препятствия объективному исследованию, которые состоят в скрытности любого террористического проекта на стадии его вынашивания и подготовки экстремистами и террористами.

Однако любой, даже самый дерзкий террористический замысел, так и останется безумным проектом, если не найдутся конкретные люди, готовые воплотить его в фактическом преступном деянии. Какова субъективная логика мышления и действования субъекта экстремизма и терроризма? – этот вопрос достаточно полно исследован психологами и социологами, но в

нем намного меньше определенности относительно специфики логики мышления террориста (в более широкой постановке вопроса – логики экстремального мышления). Особый научный интерес в связи с этим представляет собой логика мышления суицидального террориста, превращающего себя в инструмент и орудие устрашения общества. Именно суицидальный терроризм, являясь наиболее экстремальной формой терроризма, содержит в себе ту мировоззренческую, идеологическую и логическую матрицу, смысловая развертка которой лежит в основе всей совокупности известных на сегодняшний день форм терроризма.

Исследователи логики экстремистского мышления едины в оценке его как мышления девиантного, ненормального, отклоняющегося от нормы, в том числе, от логической нормативности[1]. Такая характеристика, будучи принципиально верной, вместе с тем не является эвристичной, она обладает слишком слабыми прогностическим функциями, не позволяя решить главную задачу научного исследования экстремизма и терроризма – такого понимания их оснований и причин, которое позволит действенным образом предотвратить возникновение экстремистской идеологии и террористических деяний не только на стадии их осуществления конкретными исполнителями, но и на стадии их идейного зарождения и формирования.

В логической науке существует давняя традиция изучения нормы и отклонений от нее в интеллектуальных мыслительных процессах. Начатое еще в античности исследование логических парадоксов, паралогизмов и софизмов, было продолжено в современной символической логике[2]. В неклассической логике существует разделение логических теорий на нормальные и ненормальные. Например, в модальной логике говорят о нормальных, ненормальных и супернормальных модальных системах, отличающихся друг от друга наборам логических постулатов и своими дедуктивными возможностями. Во всех

[1] Барышников С.Г. Сущность террористической деятельности: социально-философское осмысление // Наука и современность. 2011. № 12-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-terroristicheskoy-deyatelnosti-sotsialno-filosofskoe-osmyslenie (дата обращения: 01.11.2022).

[2] Haak, Susan. Deviant Logic, Fuzzy Logic: beyond the Formalism. The University of Chicago Press. Chicago and London. 1996.

этих случаях понятие «нормальности/ненормальности» логического исчисления используется терминологически, а не оценочно. Логики намеренно строят ненормальные исчисления, предназначенные для решения вполне нормальных логических задач, рационально сформулированных и эффективно разрешимых. Однако в мышлении экстремистов и террористов имеются несомненные отклонения от логической нормы, которые не могут быть исчерпывающе описанными средствами формальной логики. Экстремистскому мышлению присущи, помимо логической девиантности, разного рода когнитивные искажения и отклонения. Системные нарушения когнитивно-логической сферы интеллектуальной активности субъектов экстремистского мышления, коренящиеся не только в случайных паралогизмах и отдельных предумышленных софизмах, но лежащие еще глубже, в самой среде логического экстремистского мышления, позволяют говорить о возникновении и распространении феномена логической аномии – принципиальном отличии норм экстремистского мышления от стандартов логической нормативности рационального субъекта. Взятые в своем активном аспекте, в аспекте превращения когнитивных отклонений и логических ошибок в соответстующую отклонениям девиантную деятельность, проявления логической аномии становятся основой для когнитивного экстремизма как логической субкультуры, в которой аномия в отношении рациональных норм и принципов становится новой «анти-нормой»[1].

Рассмотрим подробнее эти системные факторы логических девиаций, характерных для рассуждений, свойственных экстремистскому мышлении.

Усредненная логика экстремистского мышления обладает рядом характерных черт, требующих к себе внимательного отношения со стороны исследователей. Первой специфической чертой мышления экстремиста является логическая ригидность, когнитивная негибкость, проявляющаяся на всех уровнях логического мышления, хотя и разными способами, и

[1] Charles, Robert B. Narcotics and Terrorism: Links, Logic, and Looking Forward. Issues in American National Security Since 9/11ю Chelesea House Publishing. 2004. P. 100–103.

аналогичная мышлению зависимых людей. Так, на уровне понятийного мышления обнаруживается почти повсеместная подмена понятий идеологемами. Поскольку экстремистское мышление акцентуировано на сверхценности и сверхзначимости отдельных идей, имеющих почти сакральное значение (безразлично, негативно или позитивно окрашенное), то подавляющая часть понятий функционирует в экстремистском дискурсе не в аспекте учета их логических характеристик (содержания и объема), а в аспекте их полезности/бесполезности для перспективы достижения сверхзначимой цели. Прямым следствием этой ценностной акцентуации является подмена таксономических и мереологических отношений между понятиями как элементам суждений их ассоциативными сочетаниями. Акцентуированный субъект выстраивает в своем дискурсе не отношения между понятиями как таковыми, но отношения идеологем к сверхзначимой цели, в результате чего понятийные границы этих идеологем становятся подвижными и лишенным определенности. Следует особо подчеркнуть, что ригидность мышления в целом в этом случае напрямую зависит от подмены понятийной определенности ассоциативной неопределенностью.

Осуществив сознательную или невольную подмену понятий идеологемами, экстремистски мыслящий субъект лишает себя возможности корректно мыслить и в суждениях. Ближайшим образом это выражается в неспособности контролировать распределенность терминов в простых категорических суждениях. Вместе с тем, эта характеристика терминов в составе суждений принципиально важна для осуществления таких повсеместно используемых логических операций с суждениями, как обращение и противопоставление. Характерным следствием этого дефекта мышления экстремиста является произвольная генерализация количественных характеристик суждений с измененным порядком терминов в них. Чаще всего эта неспособность к контролю над количественным аспектом обращенных суждений приводит к формулировке тождества субъекта и предиката в тех случаях, где на самом деле имеют место лишь частные случаи таксономических включений понятий других друга.

Ситуация лишь усугубляется в тех случаях, когда субъект эетремистского дискурса пытается рассуждать в непосредственных умозаключениях с учетом истинностных значений суждений. Здесь проявляется типичный класс логических ошибок, практически неизбежный для мышления в идеологемах с размытыми понятийными характеристиками. Не умея контролировать количественный аспект суждений, такой субъект обязательно будет смешивать в рассуждениях разные виды логической противности (контрарность, субконтрарность и контрадикторность). Вместе с тем указанные отношения между суждениями различаются условиями своей совместимости как по истине, так и по лжи. Практическим следствием этой дефективности мышления экстремиста является его неспособность видеть частичные совпадения своей радикализированной мысли с мышлением его оппонентов. Печальный парадокс ситуации заключается в том, что экстремист при этом оказывается в «логическом антимире»: там, где есть все логические основания для сближении с мыслями противника-оппонента в формате противоположностей, экстремист видит лишь непримиримое противоречие; там же, где позиции в диалоге действительно логически непримиримы, экстремист привычно делает неоправданные генерализации до противоположности (или столь же неоправданные таксономические ограничения до отношения субконтрарности), в результате чего иллюзорным образом начинает видеть общность в тех суждениях, которые в силу своей противоположности не дают никаких логических оснований для их сближения.

Однако именно в среде опосредованных умозаключений логические дефекты экстремистского мышления выявляют его аномичность самым контрастным образом. Вся палитра силлогистических рассуждений сводится обычно к двум-трем простейшим модусам, логическая связь терминов в которых угадывается даже нетренированной интуицией здравого смысла. Чаще всего силлогистическая связь подменяется при этом элементарной конкатенацией суждений, завершающимся произвольным итогом с псевдологическими связками вроде «значит», «поэтому», и пр. Рассуждения в форме сложных силлогизмах, особенно в условно-категорических и в

разделительно-категорических дают наибольшее количество ошибочных выводов и поспешных умозаключений. Общая доля ошибочных следствий увеличивается пропорционально количеству отрицательных суждений, включенных в экстремистский дискурс, и приобретает характер тотальной ошибочности в случае контрафактических суждений.

Очевидно, что все указанные дефекты экстремистского мышления, не являются исключительной его особенностью и достаточно распространены и в среде вполне рациональных субъектов обычной человеческой коммуникации. Но в том и заключается важная особенность экстремистского субъекта, что в силу своих искаженных ценностных установок он изымает себя самого из пространства логической нормативности, давая себе (или получая от внешних авторитетов) право на произвольное обращение с нормами рациональной мысли, замещая их в рассуждениях весьма примитивным набором логических шаблонов. Культивирование подобной упрощенности логики мышления и рассуждения в соответствующих кругах формирует, как было сказано выше, особую маргинальную субкультуру, которую можно с полным основанием характеризовать как среду, в которой вызревает когнитивный экстремизм разного рода, находящий потом объективации в любой подходящей для него социальной форме[1].

Представляется, что существует лишь один действенный способ противостояния этой когнитивной упрощенности, служащей питательной почвой для логической аномии как утраты способности к восприятию норм рациональности в качестве регулятивных принципов практического действования. И этот способ заключается в неуклонном повышении планки логической и когнитивной нормативности, которую следует культивировать в социальной коммуникации, особенно в сфере образования.

[1] Fleury E. On Absolute War. Terrorism and the Logic of Armed Conflict. New York, London. 2019. P. 163–166.

Филиппов Антон Александрович,
первый заместитель начальника
финансово-экономического управления
Пензенского государственного университета,
кандидат социологических наук

ПОДРОСТКОВЫЙ И СТУДЕНЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МАРКЕР ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема формирования мировоззрения молодого поколения в нашей стране имеет особую актуальность по причине того, что различные глобализационные процессы, происходящие в современном обществе, так или иначе оказывают влияние и на сущность и структуру российского общества. При этом такие процессы зачастую имеют двойственный характер, они оказывают как положительное, так и отрицательное воздействие на социум. К таким процессам мы можем отнести, в первую очередь, глобализацию, демократизацию, информатизацию. Данный процессы привносят в жизнь современной личности как несомненные достоинства, так и становятся причинами развития различных общественных противоречий, усугубляют существующие проблемы, инициируют социальные конфликты.

Одним из таких явлений, активное проявление которого спровоцировали мировые трансформационные процессы и которое является исторически сформированным общественным феноменом, можно назвать экстремизм и его распространение. Данный феномен имеет характер социально-политического явления: он развивается благодаря существующим в обществе противоречиям между отдельной личностью, обществом в целом и государством.

Важно отметить, что благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий экстремизм получил новый инструмент для распространения, что в разы повышает его общественную опасность. Экстремистская деятельность, основанная на радикальных взглядах, представляет собой

опасность для нормального функционирования общественных институтов и может привести к дестабилизации государственного строя, что не раз отмечалось в научных исследованиях, посвященных различным элементам экстремизма.

Отдельно следует отметить, что экстремизм как социально-политический феномен и вопросы, связанные с сущностью данного феномена, его аспектами, влиянием на общество и государство, формами деятельности экстремистов, видами идеологии, не раз становились предметом оживленных дискуссий в научном сообществе и исследований представителей различных областей знания.

К теме экстремизма обращались Негин В.В., Самойлов С.Ф., Кудрин В.С. и Григорьева Е.И. Важно сказать, что при анализе научно-исследовательской литературы нами выявлено, что отдельные темы – например, философский аспект экстремистской деятельности или ее представленность в правовом поле государства, пользуются у исследователей особой популярностью. А другие вопросы, также непосредственно связанные с экстремизмом и экстремистской деятельностью, остаются практически не раскрытыми.

Одним из таких вопросов является соотношение подросткового и студенческого экстремизма и функций института образования. В связи с этим мы предлагаем рассмотреть проявления экстремизма в указанных возрастных группах в контексте представления их как маркера дисфункциональности института образования.

В качестве определения понятия «экстремизм» в контексте нашего исследования будем ориентироваться на ту характеристику, которую дала ему Мазина О.Н.: «…экстремизм в подростковой среде представляется как асоциальный механизм разрешения накопившихся противоречий в обществе в плоскости конфессиональных, межнациональных и других социальных отношений…»[1]. Также установлено, что оптимальный возраст вовлечения молодежи в экстремистскую деятельности – от 14 до

[1] Мазина О.Н. К вопросу о профилактике молодежного экстремизма в образовательной среде // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-profilaktike-molodezhnogo-ekstremizma-v-obrazovatelnoy-srede (дата обращения: 03.11.2022).

18 лет, когда процесс формирования мировоззрения находится в наиболее активной фазе.

При этом вступление в группировки, носящие экстремистско-националистический характер, и реализация экстремистской деятельности охватывает всю возрастную категорию молодежи – от 14 до 35 лет.

Обращение к указанной теме исследования считаем актуальным в связи со следующими факторами:

Во-первых, подростки и студенты вузов, иными словами – молодежь – сами по себе являются маркерами общественных изменений, противоречий и настроений в силу своих психологических и демографических особенностей. Это наиболее подвижная социальная группа, которая также отличается повышенной восприимчивостью к влиянию и различного рода воздействиям. Как показывают результаты уже проведенных исследований[1], молодежь – основная группа населения, используемая для реализации экстремистской деятельности.

Во-вторых, среда образовательных учреждений, не важно, какого уровня – будь то вуз или общеобразовательная школа – являются основной социальной средой, в которой происходит процесс социализации личности, формируются ее мировоззренческая позиция, жизненные принципы и ориентиры.

В связи на институт образования дополнительно возлагается обязанность по воспитанию у обучающихся социально одобряемых и значимых качеств. Проникновение же экстремизма в среду молодежи может означать недостаточно эффективное выполнение институтом образования возложенных на него обязанностей по формированию личности обучающегося.

В-третьих, зачастую коллектив образовательной организации – особенно в крупных городах и центрах – состоит из большого числа народностей, что влечет за собой взаимодействие представителей различных конфессий, культур, менталитетов. Зачастую конфликты внутри таких коллективов, начавшиеся как ссора между двумя людьми на основе личной неприязни, перерастают в конфликт между национальностями,

[1] Кудрина Е.Л., Кудрин В.С. Основные тенденции молодежного экстремизма в современной социально-культурной ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 32. С. 205–212.

когда у конфликтующих сторон начинает формироваться отрицательный стереотипный образ всех представителей конкретной народности по личному отношению к соперников конфликте. Вследствие этого именно такие коллективы представляют собой поле для распространения экстремистской идеологии, вовлечения молодых людей в деятельность экстремистских организаций.

Условиями, благодаря которым вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность становится возможным, являются в основном психологические факторы становления личности. Главными «рычагами» давления в руках вербовщиков становятся личностные установки молодого человека на самоутверждение в коллективе, привлекательность романтизированного риска, жертвенности, желание стать «спасителем».

Процесс вербовки становится можно считать проведенным успешно, когда у молодого человека сформированы иллюзорные представления о себе как о значимой личности, без участия которой невозможно добиться справедливости.

Действенной альтернативой к процессу вербовки является формирование у молодого поколения высокого уровня социальной ответственности и активности, гражданской позиции и патриотических чувств, основанных не на желании «свергнуть режим», а на понимании важности государственно-политической стабильности как основы нормального функционирования общественных институтов.

Институт образования помимо своей основной функции в силу причин, указанных выше, должен также реализовывать и воспитательную функцию, направленную на обеспечение когнитивной безопасности личности от распространения идеологии экстремизма.

Дисфункциональность института образования в контексте распространения среди молодых людей экстремистской идеологии и вовлечение их экстремистскую деятельность является ярко выраженным социологическим маркером, свидетельствующим о различных проблемах в осуществлении образовательными организациями их деятельности и возможных внутренних противоречиях.

В первую очередь это свидетельствует о том, что в образовательной организации не создано условий для развития у обучающихся толерантности, взаимного уважения, терпимости по отношению к представителям иной культурной и конфессиональной традиции. Также это является отражением ситуации в обществе за пределами института образования – в политике, духовной сфере, нравственном воспитании молодежи.

В связи с тем, что наилучшее средство борьбы с экстремизмом – это его своевременная профилактика – образовательные учреждения должны принимать меры, направленные на эффективную реализацию данной деятельности. Несмотря на то, что распространение экстремистской идеологии в образовательной среде является основным признаком того, что институт образования не реализуют функции по защите сознания молодежи в экстремизма, образовательная среда не является первопричиной этого. Первым социальным институтом, в котором начинает формироваться личность будущего экстремиста, является семья. Именно поэтому главной задачей института образования как социального института является пресечь проявления экстремистских идей и воспитать в индивиде такие социально-значимые качества как патриотизм, гражданственность, толерантность.

Новосельцева Виктория Анатольевна,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России,
кандидат филологических наук

Султыгов Або Мусаевич,
курсант 4 курса
Краснодарского университета МВД России

О МЕТОДОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ

В век глобализации наибольшую угрозу для современного российского общества представляет массовое распространение в нем идеологии экстремизма. Наиболее благоприятные условия для ее распространения представляет многонациональное общество, так как открывается широкий спектр возможностей для разжигания этнических и религиозных конфликтов, что в последующем приводит к нарушению целостности общества, разрушению конституционного строя РФ, мира, возникновению опасности для жизни и здоровья граждан, экономическому и духовному кризису общества.

По данным из материалов МВД России, за январь – декабрь 2021 зарегистрировано 1057 преступлений экстремистской направленности, что больше на 26,9% по сравнению с 2020 годом[1].

В работе Нарыкова Н.В., Светикова С.А. «Социальное неравенство как фактор радикализации и криминализации современного российского общества» приводятся данные экспертного опроса 34 специалистов – представителей органов исполнительной власти, силовых структур, института образования, здравоохранения, средств массовой информации. Проводившийся в Москве, Краснодаре и Ростове-на-Дону экспертный опрос показал, что в современном обществе

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года. мвд.рф/reports/item/28021552

присутствуют проявления правового, политического и экономического неравенства[1].

В результате анализа ответов экспертов на 15 вопросов и их комментариев, призванных обозначить собственную позицию специалистов, представляющих различные социальные сферы, ученые пришли к следующему выводу: сублимация экономического, политического и правового неравенства в провозглашение национального, расового или религиозного неравенства возможна, во-первых, при наличии манипуляторов, во-вторых, при наличии социальных групп, имеющих низкое положение в обществе и стремящихся изменить свой социальный статус.

Эксперты считают, что серьезную опасность представляют постоянные попытки возбуждения национальной и религиозной розни. Представители правоохранительных органов должны выявлять и пресекать попытки идеологических манипуляций конфликтогенным потенциалом социального неравенства, а также превращения естественных социальных противоречий в стратегию «поиска виновных» на групповом уровне.

Нам представляется необходимым изменить механизм противодействия экстремизму в российском обществе. На данный момент в России преобладает непосредственное реагирование представителей правоохранительных органов и силовых структур на конкретные проявления экстремизма: создание и распространение экстремистских материалов при непосредственном контакте или в сети Интернет, пропаганду экстремистской идеологии в СМИ, публикацию на различных интернет-сайтах и в социальных сетях материалов, содержащих уничижительные характеристики тех или иных национальных, религиозных групп, призывы к действиям, направленным на возбуждение национальной и религиозной розни. Выявление экстремистских материалов и пресечение экстремистской деятельности не способны решить проблему последовательного роста числа преступлений экстремистской направленности на территории РФ.

---

[1] Нарыков Н.В., Светиков С.А. Социальное неравенство как фактор радикализации и криминализации современного российского общества: монография. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017.

На наш взгляд, нужно прежде всего бороться с предпосылками возникновения и развития экстремизма, осуществлять поиск и контролировать деятельность представителей радикально настроенной молодежи, считающих себя незаслуженно обделенными в современном российском обществе, лишенными юридических прав, материальных возможностей и социальных гарантий, то есть тех, для которых понятия богатства и успеха никак не связаны с необходимостью и потребностью интеллектуального и духовного роста и развития, тяжелого труда и служения обществу. Тем самым правоохранительные органы будут эффективно препятствовать таким молодым людям объединяться в группы, которые впоследствии при наличии манипулятора и налаженной коммуникации смогут вести экстремистскую деятельность.

Кроме того, надо вести постоянную работу в СМИ, в том числе при непосредственном участии талантливых молодых людей, направленную на изменение существующих в сознании современной российской молодежи ценностей и идеалов, сводящихся к потреблению и индивидуализму и являющихся следствием распространения в России массовой культуры. Возрождение национальных культур народов, проживающих на территории РФ, с их морально-этическими кодексами, воспитание уважения к духовно-нравственным нормам своей религии и религии других народов у молодых людей в современной России будет способствовать преодолению культурной ограниченности молодежи, ее интеллектуальному и духовному развитию, что само по себе уже является сдерживающим фактором для распространения экстремистской идеологии.

Таким образом, исследование данных экспертного опроса 34 представителей органов исполнительной власти, силовых структур, института образования, здравоохранения, средств массовой информации, проводившегося в Москве, Краснодаре и Ростове-на-Дону, позволяет нам сделать вывод о том, что наличие манипуляторов и социальных групп, недовольных своим положением в обществе, дает возможность преобразовать проявления правового, политического и экономического неравенства, объективно присутствующие в современном

российском обществе, в проявления экстремизма, включающие пропаганду экстремистской идеологии, а также публикацию материалов, содержащих призывы к действиям, направленным на возбуждение национальной и религиозной розни. Практикующиеся в настоящее время в правоохранительных органах и силовых структурах методы противодействия экстремизму, сводящиеся к выявлению экстремистских материалов и пресечению экстремистской деятельности, не способны решить проблему последовательного роста числа преступлений экстремистской направленности на территории РФ. Поэтому необходимо использовать и другие методы борьбы с предпосылками возникновения и развития экстремизма, предусматривающие поиск и контроль деятельности представителей радикально настроенной молодежи, а также формирование в сознании современной российской молодежи высоких духовно-нравственных ценностей и идеалов, являющихся сдерживающим фактором для распространения экстремистской идеологии.

Некрасов Денис Евгеньевич,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии
Рязанского филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И МОТИВАЦИОННЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭКСТРЕМИЗМА

Руководствуясь социально-правовым подходом, можно утверждать, что в качестве одного из объектов любого экстремистского посягательства их организаторы всегда избирают конкретные взгляды, как ценность, существенно отличающиеся от их убеждений. Экстремисты отрицают всякое инакомыслие от своих суждений, стремясь преподнести свои взгляды с целью внесения кардинальных изменений в существующие общественные отношения в той или иной сфере, используя при этом крайние способы и, оправдывая их применение.

Практика показала, что именно целенаправленная организация проявлений устойчивых крайних взглядов обусловливает формирование соответствующей идеологии, которая Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года отнесена к компоненту факторного комплекса экстремизма. Данная разновидность криминогенной идеологии обусловливает существование экстремистских движений, их пополнение, характер и направленность их деятельности. К сожалению, этот опасный продукт встречается в разные исторические периоды, в различных обществах, а его корни имеют свойство надолго задерживаться в социальной почве. Это можно продемонстрировать на примере фашизма, последователи которого имеются в обществе и по сей день.

В зарубежных трудах, еще «на заре» исследования названного феномена указывалось, что в некоторых случаях приверженность лиц к экстремистским взглядам обусловливается, в первую очередь, поиском единения с себе

подобными, принадлежности к группе[1]. Поддержка подобными людьми экстремистских взглядов объясняется распространенной точкой зрения, в соответствии с которой аргументация экстремизма обращена не к разуму, а к предрассудкам людей[2]. Известные примеры экстремистских проявлений даже без углубленного анализа позволяют согласиться с указанными выводами. Во многом именно это и обусловливает преимущественно организованный характер экстремистской деятельности и достаточно быстрый процесс приобщения к ней других лиц. Одержимость идеи «правоты» своих взглядов часто обусловливает видение происходящего вокруг через призму этой экстремистской идеологии, к подгону под ее критерии различных жизненных ситуаций и процессов.

Профессор В.Н. Кудрявцев, исследуя мотивационные механизмы у наиболее опасного типа экстремиста – террористов, утверждал, что им свойственно преобладание эмоций над разумом, непосредственных реакций над осмыслением ситуации, предвзятость оценок[3].

Экстремизм является разновидностью вредоносного участия в общественных отношениях и к числу его системообразующих признаков следует относить цель, при достижении которой, экстремизм предполагает искаженное представление о действительности и (или) механизмах изменения этой действительности. Имеющаяся при этом крайность суждений, безапелляционность, неминуемо проявляется в противоправном поведении, как правило, в насилии, применяемом в качестве, распространенного в этих случаях крайнего способа.

Приведенные доводы позволяют сделать вывод, что экстремистская деятельность, представляя практическое воплощение экстремизма как явления, имеет две группы составляющих его признаков: субъективные (убеждения, установки, взгляды, отвечающие признакам крайности, специфической мотивации и целях) и объективные (отражаемую в деятельности по выражению и отстаиванию своих убеждений, преимущественно насильственным образом).

---

[1] См.: Heberle R. Social movements. N.Y., 1970. P. 113.

[2] См.: Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения // Правоведение. 2003. № 3. С. 236.

[3] См.: Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: НОРМА, 2007. С. 34.

С учетом названных характеристик, очевидно, что большая часть экстремистских деяний описана законодателем в качестве преступлений, совершаемых по мотивам ненависти либо вражды в отношении этнической, расовой, религиозной, политической и какой-либо иной социальной группы. Именно при реализации в поведении мотивации ненависти и вражды к какой-либо социальной группе, и связанным с ними явлениями, проявляется экстремизм, что следует из социальной и психологической природы этого феномена. Таким образом, подобные мотивы правильно использованы в уголовном законе в качестве основных, системообразующих конструктивных признаков преступлений экстремистской направленности. Характеристики указанной низменной мотивации, в том числе высокий потенциал криминального поведения, виды его проявления, на наш взгляд, должна исключать иные формы ответственности, кроме уголовной. Однако на сегодняшний момент законодателем предусмотрены различные ее формы.

Приведенные мотивы являются продуктом крайне искаженной психологии в области восприятия и соблюдения норм человеческого общежития. Поэтому экстремистов следует относить к группе лиц, обладающих особенными негативными свойствами, проявившимися в преступном поведении или проявление которых потенциально возможно. И именно поэтому они требуют особых механизмов при организации процесса исполнения наказаний, включая необходимость отдельного содержания от других категорий осужденных, специальных методик воспитательного воздействия, позволяющих скорректировать идеологическую и мотивационную основу поведения.

Учет сущности, видов, идеологической и мотивационной основы экстремизма должен сориентировать субъекта противодействия на первоочередное установление конечной цели экстремиста, его мотивов, четкое уяснение, какие именно убеждения проявились в конкретном деянии. Полагаем, что если применительно к конкретной ситуации недостаточно обстоятельств, свидетельствующих о проявлении мотивов ненависти или вражды, утверждать об экстремистской направленности преступления неправильно, даже при, иногда,

«видимых» признаках экстремизма. Например, нападение на иностранного студента не может служить основанием для изначальной экстремистской окраски преступления[1].

Исследование практических примеров показало, что на иностранцев, обучающихся в России нападают чаще всего для хищения денежных средств, коих у некоторых достаточно, учитывая цель пребывания в другом государстве. Если обнаружен исключительно корыстный мотив, то оценка деяния в качестве экстремистского отпадает.

В настоящий момент мы являемся очевидцами как идеологическая основа проявлений экстремизма в условиях развивающихся информационно-коммуникационных технологий, увеличивающихся масштабов их использования гражданами все больше уходит, как и многие другие виды преступлений, в Интернет.

Все активнее эта среда используется для распространения экстремистских взглядов и практики. Отмечается усиление экстремистского воздействия на те сферы, которые наиболее активно развиваются, представляют повышенную ценность и должны обеспечиваться большим уровнем защиты. В качестве примера можно привести несовершеннолетних. Относительно новыми экстремистскими движениями, посягающими на эту часть социума являются суицидальные общности, группы, развивающие идеи криминальной субкультуры в качестве ключевой, применения массовых насильственных акций (в т. ч. вооруженных).

Существенной, относительно распространенной проблемой стали экстремистские акции, организуемые под воздействием культивируемых экстремистами протестных настроений, многие из которых организуются зарубежными противниками российской государственности.

Уродливую экстремистскую идеологию возможно победить только посредством бережного взращивания и поддержания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, причем на всех уровнях общества, и, прежде всего, в среде несовершеннолетних и молодежи.

---

[1] См.: Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения // Правоведение. 2003. № 3. С. 236.

Стрелецкий Яков Ильич,
профессор кафедры
военно-политической работы в войсках (силах)
Краснодарского высшего
военного авиационного училища летчиков,
кандидат философских наук, профессор

РУСОФОБИЯ И ТЕРРОРИЗМ – ПРИЧИНЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

«России просто-напросто предложили самоубийство, отречение от самой основы своего бытия, торжественного признания, что она не что иное в мире, как дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления»
Ф. Тютчев

Познание социальных явлений, как известно, имеет свои особенности среди которых – их уникальность и особая сложность, обусловленные множеством факторов различного порядка. Здесь переплетены государственные, национальные, классовые, религиозные и другие интересы, которые, порой, не только не совпадают, но являются противоположными и даже несовместимыми. Такие нередко приводят к войне, вооруженным конфликтам, например, к Специальной военной операции (СВО) Вооруженных сил России на Украине. Познать сущность этой операции на эмпирическом уровне отражения, на уровне явления невозможно. Тут необходим объективный теоретический анализ. Реализовать последний в аспекте исследования причин СВО и составляет цель данной публикации. Заинтересованному читателю предлагается анализ этих причин осуществить в следующих социальных сферах.

В политической. Ее стратегия разработана еще в 1890 г. контр-адмиралом вооруженных сил США Альфредом Мэхеном в его концепции «Петля анаконды», рассчитанной на геополитическое удушение нашей страны русофобами еще в начале XX века. Реализации этих планов тогда помешали Первая, Вторая мировые войны, рост могущества Советского Союза в

послевоенные годы… Но «голубая мечта» осталась. Более того, с распадом СССР создались для Запада условия для «решения проблемы» с Россией. Как отметил Президент В.В. Путин, «Силам, которые исторически проводили и проводят курс на сдерживание России, такая самостоятельная, огромная страна не нужна. Они полагают, что она представляет для них по факту своего существования опасность».

Ныне политические лидеры Запада осознают, что стереть Россию с политической карты мира военной силой невозможно и опасно – наша страна обладает мощнейшим ракетно-ядерным потенциалом, в том числе гиперзвуковым оружием, аналогов которому в мире не существует. Учитывая последнее, русофобы избрали методологию гибридной войны – развала РФ «мирными средствами», среди которых «цветные революции» на постсоветском пространстве. И самая удобная, и самая результативная из них была осуществлена Западом под руководством США в феврале 2014 г. – «майданный» госпереворот в Киеве, который обошелся Госдепу, по словам заместителя его госсекретаря Виктории Нуланд, всего в 5 млрд. долларов. К власти в «незалежной» прорвались националисты, притом, неофашистской ориентации, которые с властных трибун открыто и демонстративно заявляли о своих планах в отношении нашей страны. Например, депутат Верховной Рады Ирина Фарион, от партии «Свобода» витийствовала: «У нас один путь – уничтожить Москву, ради этого мы живем, ради этого и пришли в этот мир, чтобы уничтожить Москву. Уничтожить не просто москалей на наших землях, а черную дыру европейской безопасности, которую нужно стереть с карты мира». А известная в русофобских кругах киевская журналистка Светлана Крюкова призывала вернуть Крым Украине, Сахалин и Курилы – Японии, Грузии – Абхазию и Северную Осетию, Германии – Калининград, а командующий ВСУ Виктор Залужный грозился прокатиться на танке по Красной площади[2]. Эти и подобные им воинственные заявления-призывы не могли иметь место быть без всесторонней, в первую очередь, военно-стратегической поддержки киевского режима коллективным Западом. С другой стороны, «вся в долгах, как в шелках», погрязшая в коррупции Украина нужна Западу в одном качестве –

как геополитический таран против России в целях реализации США однополярного мира под их руководством. С этой целью накачивали Украину оружием, боевой техникой, всесторонне подгоняли ее военную инфраструктуру под стандарты НАТО.

В сфере этно-культурологической. Культура, информационное пространство Украины особенно после «майдана», приобрели ярко выраженный русофобский характер, что объективно просматривается, по крайней мере, в следующем. Во-первых, в реализации украинского национализма в его бандеровском варианте. Ведь в 2015 г. Верховная Рада возвела в ранг национальных героев лидеров и всех членов Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), то есть тех, кто воевал на стороне Третьего рейха в составе дивизии СС «Галичина» и батальона «Нахтигаль». Недобитые бандеровцы, вернувшиеся домой после «хрущевской оттепели» начала 60-х, дали потомство, которое, оказавшись во властных структурах «незалежной», развернули идейно-политический курс «лицом к Западу, задом – к России». Этой стратегии последовательно придерживались почти все ее президенты – Кравчук. Кучма, Порошенко…

Во-вторых, в системной и последовательной трансформации украинского национализма в неофашизм, который, по определению отечественного эксперта Виталия Аверьянова, «должен быть определен, как «либерал-фашизм». Причем, что интересно, он является несамостоятельным – это филиал американского и западноевропейского либерал-фашизма, являющегося сегодня едва ли не самой влиятельной и амбициозной идеологией в мире». Его концепция разработана американским политологом Джоном Голдбергом в книге «Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы». Для бандеровской власти Украины этот вариант фашизма стал привлекателен тем, что по своей природе он небиологичен. Высшая раса в нем определяется не цветом кожи, а «историко-социальным отбором». При его украинском варианте русские считаются неполноценными, подлежащими люстрации, своего рода, социальной стирилизации. Отсюда полагается, что денацификацию как одну из целей СВО, придется расширить,

дополнить и углубить дефашизацией. Необходимость последней подтверждается ежедневно в ходе этой операции.

В-третьих, постмайданная киевская власть взяла курс на зачистку культурного, медийного пространства от «агентуры Кремля» – русского языка, классической русской и советской художественной литературы, музыки, киноискусства и даже балета. Закрыты все вещающие на русском телеканалы, уничтожаются и оскверняются памятники советским воинам-освободителям, с одной стороны, а с другой, возводятся в ранг национальных героев пособники гитлеровцев, внедряется нацистская символика, в которую разрисовывает себя не только боевики «Азова». На Украине, резюмирует Президент В.В. Путин, «Продолжается курс на дерусификацию и принудительную ассимиляцию. Людям, которые считают себя русскими и хотели бы сохранить свою идентичность, язык, культуру прямо дали понять, что на Украине они чужие». При этом отметим, что ни руководство, ни «свободные от политики» СМИ Запада эту дискриминацию, что называется, в упор не видят. Неслучайно, (уже в который раз?!) в декабре 2021 г. только два государства наложили вето на проект ООН, запрещающий восхваление нацизма – США и Украина. Обойдемся здесь без комментариев.

В гуманитарной сфере, особенно по отношению к народу Донбасса, киевский режим проводит практику терроризма и геноцида. Ведь его жители для постмайданной власти стали объектом социальных экспериментов над «чужими». Они были лишены элементарных прав человека – от родного языка, до права на саму жизнь. Только за 7 лет от круглосуточных бомбардировок ВСУ территорий ДНР и ЛНР погибло более 13 тыс. и ранено 33 тыс. мирных граждан, большинство из которых – это старики, женщины, дети.

Отметим – важно и показательно – терроризм и геноцид системно осуществлялись не только на практике, но и обрели свое концептуальное оформление и активно транслировались СМИ. Так, в декабре 2017 года лидер Украинской националистической организации «Братство» Дмитрий Корчинский в эфире телеканала «112 Украина» заявил, что при захвате Донбасса Киеву надо будет думать не о людях, а

исключительно о территориях: «Территория нам нужна, но те люди, которые там находятся и поддерживают оккупантов, не нужны нам!».

Последнее со всей очевидностью подтвердилось уже в ходе нашей СВО – бомбежки осуществлялись по нарастающей, то есть усиливались по мере освобождения территории Донбасса, велись днем и ночью, причем, по жилым кварталам, по школам, больницам, родильным домам, рынкам. Более того, антигуманный характер необандеровского режима проявился и в отношении к жителям самой «незалежной». Ведь не только боевики «Азова» и других бандформирований, но и регулярные армейские части ВСУ применяли тактику террористов – устанавливали танки, САУ, другую тяжелую боевую технику и оружие в подъездах жилых домов, а людей насильно загоняли в подвалы, то есть брали в заложники в качестве живого щита. Все это, как и издевательство над российскими пленными, их пытки и расстрелы не нашли отражения в ведущих Западных СМИ, а тем более – в оценках НАТОвских политиков, равно как и в осуждениях на уровне ООН. Зато буча вокруг населенного пункта Буча Киевской области – постановочные фейки о якобы зверствах наших военных были восприняты на Западе «с должным вниманием» и очередной волной русофобии.

В сфере военно-стратегической наша СВО приобретает характер не только превентивной, но необходимой и даже неизбежной. Аргументируем этот тезис в следующих основных положениях. Во-первых, политическое и военное руководство ведущих стран Запада нарушило основополагающий принцип ООН – не обеспечивать безопасность одних в ущерб безопасности других. Напомним, что 6 марта 1991 г. в Бонне на переговорах представителей СССР и США с участием руководства двух Германий, Франции и Англии было обещано не продвигать НАТО на Восток «ни на один дюйм». Однако в пяти волнах его расширения альянс пополнился Польшей, Румынией, Венгрией, Прибалтийскими республиками, а в апреле 2006 г. было принято решение о процедуре вступления в него Грузии и Украины. В этих условиях руководство РФ заявило, что «выбор способов обеспечения безопасности не должен создавать угрозы для других государств, а вступление Украины в НАТО – это

прямая угроза безопасности России». Но нас не услышали. Не услышали даже тогда, когда в декабре 2021 г. руководство нашей страны предложило заключить Договор о европейской безопасности.

Во-вторых, фактически Украина уже была зоной НАТО. Там строились его военные базы – в Очакове, Одессе, проводились широкомасштабные военные учения, инструкторы блока обучали и тренировали личный состав ВСУ, а после майдана в «незалежную» хлынул поток западного оружия и боевой техники. Только за прошлый год США оказали ей «военную помощь» в 650 млн. долларов, в с 2014 г. более чем на 2,7 млрд. долларов. Более того, киевский режим планировал обзавестись своим ядерным оружием. Об этом свидетельствует специальная программа на реализацию которой до 2031 г. было выделено 200 млрд. гривен. Как заявил глава Совета национальной безопасности А. Данилов, «Украина не может ждать от наших партнеров, будут или нет они предоставлять нам то или иное вооружение. Наша задача – сделать вооружение собственного производства». Независимые эксперты соглашаются, что научный и материально-технический потенциал Украины вполне достаточен для производства «грязной атомной бомбы».

В-третьих, милитаристский курс киевского руководства, с одной стороны, и масштабные поставки западного оружия, с другой, привели к тому, что ВСУ на конец 2021 г. стали третьей европейской армией после российской и турецкой. Накачав мускулы, свидетельствует полковник армии США Ричард Блэк, «Украина собирала войска для нападения на Донбасс. В этот момент Путин, увидев готовность украинской армии к нападению, решил упредить. Так что это не было какой-то заранее спланированной атакой». И действительно, как подтвердилось в процессе СВО, генштабом ВСУ нападение на ДНР и ЛНР было спланировано на 8 марта 2022 г.

Полагается, что даже в рамках осуществленного выше анализа есть достаточно оснований для следующих выводов. Во-первых, объективными причинами СВО Вооруженных сил России на Украине явилась реальная угроза безопасности нашей стране, исходящей из перспектив принятия «незалежной» в

НАТО. Во-вторых, СВО по своему военно-стратегическому аспекту является превентивной, а по социально-политическому – справедливой, что прослеживается в следующих дискурсах:

– в онтологическом – обеспечение безопасности и социального бытия новых государственных образований – ДНР и ЛНР;

– в антропологическом – сохранение жизни народа Донбасса, возможности его социокультурного развития;

– в аксиологическом – защита русского мира в этих республиках: его духовных, традиционных ценностей, охватываемых понятием «русская цивилизация».

В-третьих, Украина нужна Западу, особенно США, в качестве геополитического антироссийского тарана для ослабления нашей страны как условия последующей нейтрализации Китая с целью сохранения однополярного мира под американским лидерством и контролем.

Янбухтин Раиль Маратович,
доцент кафедры социально-гуманитарных
и экономических наук
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат социологических наук, доцент

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И РАДИКАЛИЗМ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ

В современных условиях актуализируются вопросы противостояния действиям религиозного экстремизма и радикализма, совершенствования деятельности государственных и негосударственных субъектов в направлении профилактики и предупреждении преступлений и правонарушений экстремистского характера. По-прежнему проблема религиозного экстремизма и радикализма сохраняет свою актуальность в российском обществе.

Россия многонациональная и многоконфессиональная страна и недооценивать, а тем более игнорировать проблему религиозного радикализма недопустимо и крайне опасно.

Анализ литературы, посвященной проблеме религиозного экстремизма, позволяет отметить, что в этой области исследований имеются проблемы теоретического и практического характера, касающиеся сути феномена религиозного экстремизма, его оснований, профилактики и предупреждении действий религиозной экстремистской деятельности (Л.А. Баширов, В.А. Бурковская, В.И. Власов, А.В. Дмитриев, А.В. Журавский, А.Г. Залужный, А.И. Кудрявцев, Е.Н. Плужников).

Можно отметить, что рассмотрение вопросов противодействия распространения религиозного экстремизма и радикализма в контексте развития культуры межнациональных и межконфессиональных отношений не стало устойчивым предметом специальных научных исследований.

В этой связи требуется вновь рассмотреть проблему религиозного экстремизма и радикализма в контексте обеспечения национальной безопасности, охраны общественного порядка, контроля преступности как актуальную в теоретическом и практическом отношениях тему.

Проявление радикальных взглядов и подходов к имеющимся проблемам общественной жизни может быть связано с имеющимися радикальными организациями, партиями и их идеологией. На примере религиозно-политического движения «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (запрещена на территории Российской Федерации, согласно законодательству Российской Федерации) можно видеть, что экстремистская идеология включает в себя ряд характерных признаков: основывается на «правильном» понимании проблем и противоречий современного общества, верном толковании религиозной доктрины или догматов веры, владении «истинным знанием», представлении об «идеальным государстве», исключительных путях и средствах его построения и воплощения в настоящее время.

На основе таких основных элементов идеологии экстремизма строится радикальная и непримиримая в социальной жизни позиция, исключающая размышления, диалог, всестороннее обсуждение имеющихся проблем и противоречий.

Как отмечается в литературе, экстремистская религиозная организация по своей организационной форме строится как тоталитарная секта, имея такие черты как «идеократию, харизматическое лидерство, жесткая иерархическая структура, тотальный контроль за деятельностью членов организации и их психикой с помощью деструктивных психотехнических приемов, сочетание благопристойной маскировки и конспиративной закрытости, сочетание формальной и неформальной структуры (формальная организационная иерархия секты) подкрепляется неформальными психологическими связями между ее членами»[1].

С позиции политологического знания вполне оправдано можно вести речь о том, что для ряда религиозных организаций те или иные религиозные постулаты могут лишь служить прикрытием своих политических интересов, средством осуществления контроля сознания людей, способом оказания давления на личность. Тем самым, камуфлируя свои интересы, экстремистские религиозные организации, возбуждают распри на религиозной основе, нацелены на дестабилизацию общественного порядка, изменение конституционного строя.

Причем деструктивные действия могут осуществляться неявно посредством оказания психологического воздействия на личность, ограничением конституционных прав и свобод человека, разрушения семейных ценностей. К подобной деятельности деструктивного характера можно отнести представителей таких тоталитарных религиозных объединений как приверженцы неоязычества, оккультизма, сатанизма и других группировок. В практике таких религиозных объединений проявляется религиозный фанатизм, совершаются обряды, которые наносят вред физическому, психическому, моральному, духовному здоровью их последователей.

Следует отметить, что основой для проявления религиозного радикализма могут являться не только тоталитарные секты, но и традиционные религии. Потенциальную опасность для общества и национального государства, их культурному, цивилизационному и социально-

[1] Кадиева А.М. Религиозный экстремизм: сущность, причины, пути преодоления: автореф. дис. … канд. филос. наук / А.М. Кадиева. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2009. 23 с.

политическому построению могут нести не только исламский радикальный фундаментализм, но и фундаментализм присущий таким религиозным конфессиям как христианский, протестантский, иудейуский и др.

В этих и других религиозных конфессиях могут содержатся такие религиозные идеи, правила и действия верующих, которые в той или иной степени противостоят общественным и государственным устоям, порядку и социальным институтам. Кроме того те или иные религиозные верования выступая в качестве идеального восприятия окружающего мира могут вызывать неприятие устоявшихся социальных стереотипов, стандартов или других религиозных вероучений.

В случае же проявления экстремистской деятельности как в рамках одной религиозной конфессии, так и в отношении к другим религиям состоит в том, что в качестве своей основная цели будет выступать утверждение своих религиозных постулатов и догматов, приводящей к устранению иных религиозных идей, их насильственное присоединение к своему религиозному вероисповеданию.

Религиозный экстремизм и радикализм тесным образом связаны с клерикализмом и религиозным фундаментализмом. Как известно, наиболее ярые экстремисты и радикалы нацелены на построение отдельного государства, в котором традиционные религиозные и правовые нормы будут заменены фундаментальными основами «истинной» религии, очищенной от чуждых наслоений и заимствований.

В качестве важного условия противодействия распространения религиозного экстремизма и радикализма выступает политика государства, направленная на упрочение национального единства и согласия в России, развитие культуры межнациональных и межконфессиональных отношений.

К числу существенных факторов, способным оказать активное противодействие распространения религиозного экстремизма и радикализма, выступает формирование и развитие культуры межнациональных и межконфессиональных отношений в Российской Федерации, что позволяет создать необходимое пространство межнационального единства и согласия. Культивирование в российском обществе ценностей доверия, уважения, согласия, равноправия, справедливости, ответственности

и свободы служит установлению прочных и взаимовыгодных отношений между народами России. Ориентация на традиционные духовно-нравственные ценности российского общества и обеспечение в обществе единства и согласия на пути взаимовосприятия и взаимоуважения культурных систем является основой стабильности и безопасности в обществе.

Для успешного противостояния распространения религиозного экстремизма и радикализма органам государственной и муниципальной власти необходимо осуществлять грамотные действия, обеспечивающие в регионах страны в целом политическую стабильность и правопорядок.

Для образования подобного согласия и общности необходимо наличие нечто общего для всех народностей и конфессий, то есть таких идей и ценностей, которые бы объединяли всех людей, проживающих на территории нашего государства. Такими некими объединяющими элементами являются идеи о духовно-нравственных ценностях, духовной сущности личности, национальном единстве и согласии, о многонациональном народе России, дружбе и единстве народов, память об исторических достижениях и победах, духовных и культурных основах, роли и значении многонациональной Российской Федерации в истории мирового сообщества, которые бы нашли свое отражение в положениях нового федерального закона о многонациональном народе России или указов Президента Российской Федерации о стратегиях развития российского общества как особой формы культуры и цивилизации в современном мире.

Завершая рассмотрение вопроса, посвященного рассмотрению противодействия распространения религиозного экстремизма и радикализма, важно подчеркнуть, что развитие культуры межнациональных и межконфессиональных отношений служит основой межнационального единства и межконфессионального согласия в современном российском обществе. Национальное единство и межконфессиональное согласие является непременным условием обеспечения общественной и государственной безопасности, включая эффективное противостояние проявлениям религиозного экстремизма и радикализма.

Никулин Антон Геннадьевич,
начальник кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент

ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

В «Декларации принципов терпимости», принятой резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 5.61 от 16 ноября 1995 года, говорится: «терпимость означает уважение, принятие и понимание разнообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов выражения человеческой индивидуальности. Терпимости способствуют знания, открытость, общение, свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это не терпимое отношение к несправедливости, не отказ от своих или уступка чужим убеждениям, не снисхождение или снисхождение, а активная позиция, признание и уважение прав и свобод человека. Взгляды одного человека не могут быть навязаны другим: свобода придерживаться своих убеждений и предоставление этого права другим, отказ от догм и абсолютных истин, признание различий людей во внешности, социальном статусе, речи, поведении, ценностях и праве жить в мире, сохраняя свою индивидуальность. В результате возможности для достижения согласия между людьми расширяются за счет обогащения их собственного опыта и вариативности общения с другими людьми, кроме нас. Толерантность – это гармония многообразия, критерий развития и культуры личности. Толерантность способствует воспитанию индивидуальной ответственности, ответственности за свою судьбу и ответственности за судьбу мирового сообщества»[1].

Между тем общество живет по своим собственным принципам и нормам, выработанным не столько непримиримыми идеологами. Поэтому спор между непримиримыми идеологическими врагами, представляющими сторонников

[1] Декларация принципов терпимости, принятая резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 10.09.2021).

толерантности и антитолерантности[1], по сути, не имеет ничего общего с проблемой толерантности в ее практическом аспекте. Этот спор может длиться вечно, и ни одна из сторон не одержит в нем окончательной победы.

Одним из ярких проявлений интолерантности является «скуллшутинг» – стрельба и нападения в школах. По данным открытых источников в России с 2014 года по настоящее время было зафиксировано 17 случаев стрельбы и нападений в школах и колледжах с различной географией:

Москва, Московская область: 3 февраля 2014 года, март 2017 года, 5 сентября 2017 года, 1 ноября 2017 года, 29 ноября 2017 года

Брянск - декабрь 2014 года,

Находка - 18 марта 2016 года

село Агвали (Дагестан) 24 апреля 2017 года

Волгоград - 25 октября 2017 года

Пермь - 15 января 2018 года, 20 сентября 2021 года

поселок Сосновый Бор (Бурятия) 19 января 2018 года

Стерлитамак (Башкирия) 18 апреля 2018 года

Керчь - 17 октября 2018 года

Благовещенск (Амурская область) - 14 ноября 2019 года

Казань - 11 мая 2021 года

Ижевск - 26 сентября 2022 года

Отсчет статистики случаев стрельбы и нападений в школах и колледжах США ведется с 26 июля 1764 года, когда в Гринкасле (Пенсильвания) школьный учитель Енох Браун и девять его учеников были убиты и скальпированы индейцами. Затем в период с 1764 по 1900-ые было установлено 38 случаев стрельбы в учебных заведениях, унесших 41 жизнь. За первые 40 лет 20 века в школах США произошло 53 инцидента с использованием огнестрельного оружия в учебных заведениях, которые стоили жизни 40 человекам. Однако только с января 2009 года по май 2018 в США произошло не менее 288 случаев стрельбы в школах. К примеру, в Канаде и во Франции за тот же период было зафиксировано по два случая стрельбы на

[1] Акифьева Р.Н. Понятие толерантности: многообразие значений // Толерантность: введение в понятие / под общ. ред. А.Ю. Сунгурова. Санкт-Петербург: ЮТАС, 2008. С. 31–44.

территории школ, в Германии – один, в Мексике – восемь случаев, в Индии – пять, в Афганистане – три, в Китае, Турции – по одному. А согласно статистке, которую приводит The Washington Post в 2021 году в американских школах произошло 34 случая стрельбы, что является самым высоким показателем за год, начиная с 1999-го.

Анализ случаев стрельбы и нападений в российских и американских школах и колледжах показывает схожесть мотивов и возможных причин.

Безусловно, мышление подростка не зрело, более эмоционально, и сопровождается импульсивностью и агрессией. Тем самым основными мотивами выступает ответная реакция на издевательства, преследования или угрозы. Причем, в последнее время «преследование» и «травля» переместились в область интернета и социальных сетей. Кибербуллинг осуществляется в разы проще и намного эффективнее – количество наблюдателей не ограничивается одним промежутком времени и может постоянно увеличиваться.

«Травля» и «преследования», помимо реальных форм своего выражения, может иметь или дополняться психической установкой «униженного и оскорбленного» человека, склонного к явному преувеличению своих неудач, выявлению их преднамеренного и целенаправленного характера, что формирует психическое состояние постоянно преследуемого человека, над которым совершаются акты насилия, дискриминации и неуважения. Такие установки, в свою очередь, при их патологическом психическом развитии могут найти выражение в так называемом стремлении «оставить след в истории», «славе» о себе через акты насилия, «отмщения» своим обидчикам, акты, через которые будет продемонстрирована «значимость» личности преступника, через которые будет разорвана цепь неудач, унижений, преследования, будь они вымышленные или действительные.

Безусловно, нельзя списывать со счетов и психические расстройства.

Важным фактором в анализе мотивов и возможных причин стрельбы и нападений выявляется фактор владения оружием: в большинстве случаев преступники имели оружие и использовали

его до совершения нападения, хотя, и не угрожали своим целям непосредственно перед атакой. Чаще всего эти преступления не были внезапными, импульсивными действиями, а более или менее тщательно планировались заранее.

В современном мире значительное количество радикалистских и экстремистских проявлений связано с особенностями межнациональных отношений, однако, зачастую радикализм и экстремизм не имеют под собой оснований в межэтнических конфликтах, а наоборот, провоцируют конфликты. Межэтнические конфликты становятся «искусственными», не имеющими в своей основе межнациональных противоречий.

В мире живут народы и этнические группы, отношения между которыми исторически обусловлены конфликтами. Это может быть связано с историческими особенностями их военно-политических отношений, спецификой их конфессиональной принадлежности, культурными, языковыми и даже социально-психологическими факторами. В то же время представители этих этнических групп находятся в самом тесном социальном взаимодействии. Как избежать конфликтов в такой ситуации?

Люди подвержены влиянию экстремальных социальных и психологических установок. Исследуя вопросы психопатологии и политической психологии экстремизма, его социокультурные предпосылки, а также опираясь на имеющиеся статистические данные[1], можно отметить, что экстремальные социально-психологические установки не вызывают насилия и чаще выражаются в личной неприязни.

Обществу навязываются крайние идеологические установки, которые находят свое выражение в идеологических спорах, имеющих широкий общественный резонанс. Для нашей страны очень важно изучить проблему националистического экстремизма, который под влиянием естественного хода истории претерпевает постоянные идеологические изменения[2]. Однако

[1] Решетников М.М. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии борьбы с терроризмом / под ред. М.М. Решетникова. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020.

[2] Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Националистический экстремизм. Российский экстремизм, генезис развития, современное состояние // Психология. Исторические и критические обзоры и современные исследования. Т. 9. № 6-1, 2020. С. 111–116.

крайние идеологические установки также не вызывают насилия. В чем же тогда причина межэтнического насилия в современном обществе?

Принципы толерантности в современном обществе выражают единственно приемлемый способ сосуществования многонационального, многоконфессионального населения. Глобализация как процесс сближения народов, рас, языков, культур является объективным и необратимым процессом. Тем не менее, это не должно приводить к всеобщему объединению, основанному на одной «идеальной» модели, и не должно выражаться в полном космополитизме[1]. Этот поиск компромиссов не имеет универсальных рецептов. Это процесс поиска и развития. Этот поиск должен выявлять общее, а не отделять частное, но он не должен нарушать права особенного определять частную жизнь.

Частная жизнь должна строиться на принципах уважения своих особенностей как представителя этнической группы, нации, конфессии, культурных и семейных традиций, на знании и уважении истории своего народа и своего рода[2]. Это выражается в возможности общаться на родном языке, возможности развивать свою культуру, возможности совершать религиозные обряды и отмечать традиционные праздники. Без уважения к себе как к самодостаточной, свободной, развивающейся личности не будет уважительного отношения к окружающим членам общества. Однако самоуважение во многом зависит от того, насколько терпимым будет ко мне общество, насколько оно позволит мне развить в себе это уважение, насколько я смогу оставаться таким, какой я есть, в силу особенностей, присущих мне от рождения.

[1] Коробанова Ж.В., Крылов А.Ю., Дедов Н.П., Буянова С.М. Социально-психологические факторы толерантности современной молодежи. Монография. Прометей, 2021.

[2] Хомяков М.Б. Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал № 2(6). 2011. С. 25–33.

Царь Василий Вячеславович,
преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки
Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь

Давидович Владислав Витальевич,
курсант
Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Сегодня проблема терроризма и экстремизма в различных их проявлениях, в силу своих высоких темпов развития, рассматривается в мировом сообществе как наиболее острая и требующая внимания. Терроризм и экстремизм являются большой угрозой для национальной безопасности, экономического роста, социального и политического благосостояния любого современного государства. В более широком смысле данные негативные явления влияют не только на одно государство, но и значительно замедляют развитие мирового сообщества, как единое целое, приводит к увеличению уровня конфликтности.

Терроризм и экстремизм не простые явление. И, следовательно, в противодействии им не бывает легких решений и однозначных методов. Терроризм и экстремизм – на протяжении всей истории развития государств в их постоянном взаимодействии, был, есть и будет врагом, так как даже после полной зачистки очагов их проявлений внутри государства угроза террористических актов не исчезает.

Следует различать эти два понятия: терроризм и экстремизм. Данные понятия находятся в особой близости между собой, но в тоже время причины возникновения, последствия и методы противодействия терроризму и экстремизму имеют огромные различия. Терроризм является переходным и составным понятием экстремизма и экстремистской деятельности.

Современная наука не имеет однозначного определения понятия «экстремизм», в мировой практике нет единого отношения. Этимология происходит от латинского «крайний», что можно считать приверженным крайним суждениям и мерам.

Экстремизм (от латинского extremus – крайний) – это теория и метод достижения религиозных, национальных, социально-политических целей посредством запрещенных нормами права и морали способов. Под этими способами понимается запрещенное законом применение силы, насилия, различные в своем проявлении посягательство на права и свободы человека и гражданина. Экстремист – это не просто правонарушитель, это «идейный» преступник, убежденный в своей правоте, где достижение целей, поставленных своими убеждениями он видит не только законными методами, но и легко допускает их достижения противозаконными действиями, что в свою очередь может свидетельствовать об отклонении от типичного правосознания граждан и о его криминальной направленности. Терроризм же, в свою очередь это сложное социально-политическое и криминальное явление, обусловленное внутренними и внешними противоречиями общественного развития и в свою очередь является переходящим из экстремизма.

Основными мотивами развития, как терроризма, так и экстремизма являются материальный, идеологический, политический, социальный, экономический и религиозный мотивы, где под мотивами понимаются основные причины возникновения, цели, которые преследуются и идеи, которые заложены в той или иной деятельности.

Экстремизм и терроризм в своей сущности направленны в первую очередь на национальную безопасность и целостность государства, на насильственное изменение основ конституционного строя, пропаганду насилия и развития межнациональной борьбы, возбуждение социальной, расовой, религиозной, национальной вражды.

Экстремизм- это само по себе опасное явление в обществе. Терроризм как проявление экстремизма приводит к глобальным проблемам мирового сообщества, массовой гибели людей, вражде наций, дестабилизации аппарата управления государства,

угрозе территориальной целостности и конституционному строю государства.

Терроризм, как крайняя форма проявления экстремизма, является тяжким преступлением и находит закрепление в уголовном законе любого государства. Ответственность за акты экстремизма и терроризма приближается к отметке максимум, что говорит и наглядно указывает на значимость данной проблемы в современном обществе и государстве.

Противодействие терроризму и экстремизму можно рассматривать как единую целую систему и, исходя из неразрывной связи этих понятий не следует разделять методы противодействия, так как при противодействии экстремизму государство также противодействует и терроризму.

Противодействие терроризму и экстремизму это не только задача государства и его органов управления, но и задача граждан этого государства. Тенденции и темпы развития экстремистской и террористической деятельности напрямую и косвенно зависят от политики, четкой позиции и деятельности политических партий, общественных и религиозных объединений государства. В любом государстве противодействие экстремистской и террористической деятельности можно рассматривать как совместную деятельность и объединение усилий как гражданского общества, так и органов государственного управления, направленную на укрепление и развитие экономического, социального благосостояния страны, а также деятельность, направленную на повышение экономического роста и уровня национальной безопасности, суверенитета как национального так и государственного, соединяющихся в единый целый механизм.

Противодействие экстремизму и терроризму напрямую зависит от политики государства. Это связанно с тем, что данная деятельность зачастую находит свою реализацию для достижения каких-либо политических целей, свержения политического режима в государстве. С противодействием в развитии экстремизма и терроризма в государстве, непосредственно связан правовой режим, сложившийся внутри государственной системы. Правовой режим включает в себя: закрепление данных и схожих понятий в законодательстве и праве, закрепление

ответственности и разработка разных нормативно-правовых актов содержащие политику, основы и направления деятельности государства в сфере противодействия экстремизму и терроризму, закрепление норм и ответственности за преступления, связанные с экстремистской и террористической деятельностью в уголовном и административном законодательстве государства, разработка различных концепций противодействия этим негативным явлениям.

Так, например, в Республике Беларусь Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2013 г. № 658 утвердило Концепцию борьбы с терроризмом в Республике Беларусь, где закреплены основные принципы, методы, направления борьбы с терроризмом, как крайней мерой экстремизма.

Из выше всего сказанного можно сделать акцент на том, что одним из методов противодействия экстремизма будет являться установление определенного правового режима и закрепление ответственности в законодательстве за любое проявление такой деятельности.

Противодействие терроризму и экстремизму можно рассматривать как деятельность государства в двух направлениях: профилактика и пресечения данной деятельности.

Под профилактикой экстремизма и терроризма следует понимать деятельность государственных органов и проводимые ими мероприятия, направленные на повышение и развитие индекса человеческого потенциала и правосознания, как индивида, так и социальных групп, так и общества в целом.

Сюда же можно отнести донесения до общественных масс глобальности и опасности данных явлений в любых их проявлениях, пропаганда поведения соответствующего предписаниям в праве и ведение политики государства направленной на мирное разрешение конфликтов как в мировом сообществе, так и во взаимодействии с отдельными государствами- примером может служить закрепление в Конституции Республики Беларусь принципа невмешательства государства в конфликты.

К профилактике экстремизма и терроризма будет относиться устранение общесоциальных причин и условий,

способствующих террористической деятельности, минимизация влияния экстремистской и террористической идеологии, которая может поспособствовать решению граждан, провести различные изменения в государстве путем насилия, оказание профилактического влияния на лиц, которые склоны к такой деятельности, обеспечения определенного уровня правового регулирования в сфере оборота оружия, химических и взрывчатых веществ, обеспечения достаточного уровня защищенности объектов и лиц, подлежащих антитеррористической защите, воспрепятствование свободному распространению и доступу к информации о способах совершения актов терроризма и использования для этого различных данных специалистов при проведении массовых мероприятий и на объекты, подлежащие антитеррористической защите.

Международная профилактика терроризма и экстремизма является не мало важным фактором, влияющим на уровень терроризма и экстремизма в государстве. В этот аспект профилактики будет относиться создание международных организаций по борьбе с терроризмом, заключение международных договоров и соглашений в сфере противодействия терроризму и экстремизму, включение общепризнанных принципов и норм международного права в национальное законодательство в сфере противодействия терроризму и экстремизму, сотрудничество стран по выдаче лиц, скрывающихся от ответственности, обмен информацией, подготовка кадров, сотрудничество в военной и правоохранительной сферах, взаимодействие в информационно-пропагандистском обеспечении борьбы с терроризмом и другая международная деятельность государств.

К противодействию экстремизму и терроризму в первую очередь будет относиться деятельность государственных органов, а именно правоохранительных органов. Их деятельность связана с выявлением и пресечением правонарушений и преступлений в сфере терроризма и экстремизма, выявление лиц их совершивших и привлечение их к ответственности в соответствии с предписаниями норм уголовного и административного законодательства.

К такой деятельности также относится и своевременное получение и проверка информации о подготовке и проведении экстремистских и террористических актов, также о лицах их совершивших и иной деятельности, тесно связанной с экстремизмом и терроризмом. Подготовка высоко-квалифицированных кадров, применение и использование научных достижений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, планирование и проведение мероприятий, направленных на противодействие и профилактику экстремистской и террористической деятельности, проведение мероприятий направленных на исправление лиц, склонных к экстремистской и террористической деятельности. Также к такой деятельности относится осуществление контроля за лицами, отбывшими наказание в исправительных учреждениях, обеспечение высокого уровня правопорядка, совершенствование законодательства в данных сферах, обеспечение высокого показателя законности и защищенности граждан государства, недопущение въезда на территорию государства лиц, совершивших преступления в сфере терроризма и экстремизма на территории другого государства, обеспечение контроля за границами государства, недопущение незаконного пересечения границ, качественный досмотр при въезде на территорию государства, осуществление контроля за провозом оружия, химических и взрывоопасных веществ, недопущения нелегального провоза предметов, способствующих проведению экстремистской и террористической деятельности, выявление лиц, пропагандирующих и призывающих население к проведению актов терроризма и экстремизма, выступающих против текущей власти и склоняющих к применению насилия и иных, запрещенных законодательством, действий для изменения текущей обстановки в государстве.

В заключение перечисленному следует отметить, что в связи с высокими темпами развития социальной, экономической, политической сфер жизни общества, развития международного сотрудничества появляется и тенденция высоких темпов преступности, а в частности экстремизма и терроризма в различных их проявлениях, наносящих огромный вред не только одному государству, но замедляет и приносит значимый вред

национальной безопасности государства, развитию мирового сообщества и общества в целом, влечет за собой множество негативных явлений в общество. Отсюда можно сказать, что это одна из наиболее важных проблем как в отдельном государстве, так и в целом мире, требующая разработки методов противодействия и поиска решения данной проблемы, ежедневной проработки данного вопроса и развития государств и их взаимодействия в этой сфере.

Тимченко Александр Андреевич,
начальник учебного отдела ФКУ ДПО МУЦС
УФСИН России по Краснодарскому краю,
кандидат социологических наук

Маркин Александр Викторович,
кандидат социологических наук, доцент

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Одним из многочисленных примеров культурологического анализа религиозного фундаментализма может служить исследование протестантского богослова и теоретика культуры Х.Р. Нибура «Христос и культура». В своей работе Нибур выделяет три точки зрения на проблему отношения религии к светской культуре, сформировавшихся в ранней христианской среде, которые следует признать последовательными этапами развития фундаменталистского подхода к выстраиванию отношений между основными формами духа. Первая точка зрения была выражения Тертуллианом и настаивала на бескомпромиссной борьбе со светской культурой. «Когда Тертуллиан обращается к философии и искусству, его запретительный тон становится резче у него не вызывает сочувствия попытки некоторых христиан найти позитивные соответствия между их верой и воззрениями греческих философов. Выученики греческой философии не имеют для него

ничего общего с «учениками небес»: они извращают истину, они ищут только славы, они просто болтуны, а не деятели. В случае же, когда Тертуллиану приходится признать присутствие доли истины у этих нехристианских мыслителей, он полагает, что этими озарениями они обязаны Писанию. Печатью порока отмечены также и искусства. Разумеется, книжной образованности невозможно полностью избежать, и потому «верующим позволительно изучать литературу»; но преподавание ее должно быть осуждено, ибо невозможно преподавать литературу… не подтверждая «хвалы кумирам, которой она уснащена»»[1].

Значение этой нигилистической по отношению к другим формам духа позиции, занятой религиозным сознанием, заключается в том, что она является необходимой предпосылкой развертывания всеобъемлющей религиозной картины мира. Отрицание всех иных, кроме религиозных способов решения мировоззренческих и экзистенциальных проблем превратило веру в фундамент, опираясь на который человек выстраивал свои отношения с природным и социальным миром. Подтверждением истинности занятой религиозным сознанием позиции послужило то обстоятельство, что оно добилось от социума полного признания действительности своих предметов, благодаря этому ему была предоставлена возможность формирования собственной культуры.

Второй момент развертывания религиозной картины мира связан с подчинением религиозным идеалам других форм духа – философии, науки, искусства, которые, тем не менее, сохраняют некоторую самостоятельность и способны предложить собственное прочтение предметов предлагаемого им вероучения. Эти первые синтезы религиозного и светского сознания, как правило, не признаются в качестве ортодоксальных, но представляют собой важный этап формирования религиозной культуры.

По мнению Нибура, с которым согласны и другие исследователи поздней античности и раннего средневековья,

[1] Нибур Ричард Х. Христос и культура // Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: Юрист, 1996. С. 52.

А.Ф. Лосев и Б.Б. Майоров, роль переходной стадии в процессе формирования целостной картины мира сыграло учение гностиков. Характеризуя их взгляды, американский теолог отмечает, что гностики «стремились освободить евангельский текст от его связи с варварскими и устаревшими иудейскими понятиями о Боге и истории, поднять христианство с уровня верования до уровня разумного знания, и тем увеличить его притягательность и силу… таков наиболее очевидный момент в попытке гностиков приспособить христианство к культуре того времени, и они же представляют собой «научную» и «философскую» интерпретацию личности и деяний Христа… Истолкованное таким образом, христианство стало религиозной и философской системой, считавшейся несомненно лучшей и единственной истиной, но все же одной среди многих. Как религия, имеющая дело с другой, она не предъявляла никаких властных претензий на всю полноту жизни человека… На место церкви, нового народа, был поставлен здесь союз просвещенных умов, способных жить в культуре – таких, что искали своей судьбы за ее пределами, однако, не были с ней в раздоре»[1].

Итак, религиозное сознание на переходном этапе реализации принципов фундаментализма смогло путем непоколебимой веры побудить другие формы духа, прежде всего, философию и искусство, включиться в процесс религиозной жизни, но само он не могло быть удовлетворено данным результатом. Причина этого кроется в том, что философия, искусство и наука, помимо религиозных, преследовали и другие цели и тем самым сохраняли определенную автономию[2].

Третий этап развития религиозного фундаментализма связан с систематизацией и нормированием результатов религиозно-философских, религиозно-эстетических, религиозно-научных синтезов. При этом интеграция религии и других форм духа происходит не по инициативе последних. Но направляется самим религиозным сознанием и потому носит по отношению к светской культуре преобразующий характер. Вдохновителями и

[1] Нибур Ричард Х. Христос и культура // Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: Юрист, 1996. с. 76–77.

[2] Самойлов С.Ф. Философские установки сознания как форма духовной культуры. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2008.

руководителями этого движения явились уже не религиозно настроенные философы или ученые, но профессиональные служители культа и богословы, получившие наименование отцов Церкви. Одним из крупнейших представителей завершающего этапа трансформации религиозной культуры следует признать Блаженного Августина.

Характеризуя взгляды Августина в деле формирования христианской культуры и мировоззрения, Нибур отмечает, что его творчество связано с идеей «преображения культуры Христом, согласуется как с его основной концепцией творения, грехопадения и возрождения так и с тем влиянием, которое он оказал на христианство. Августин не только описывает работу Христа как преобразователя культуры, но и лично являет ее пример. Римский ритор, который не только ставит на службу Христу литературную подготовку, но, благодаря свободе и просвещению, почерпнутым им из Евангелия, привносит новый дух в эту литературную традицию. Как неоплатоник, он не только добавляет к своей мудрости о духовной реальности знание о воплощении, которым он не обязан философии, но эта мудрость еще и гуманизируется. Моралист цицеронианец, Августин вследствие пережитого им опыта благодати перенаправляет эту систему морали, в которой он был воспитан Кроме того, Августин становится одним из руководителей движения, в результате которого общество Римской империи трансформировалось в средневековый христианский мир. Поэтому взгляды Августина являют собой пример того, что означает преображение культуры в отличие от ее отрицания радикалами, от ее идеализации культур-христианами»[1].

Созданное усилиями Августина и другими представителями патристики целостное христианское мировоззрение представляло собой стройную систему самоочевидных для религиозного сознания понятий, принципов, моделей поведения, поддерживаемую всем ходом социально-политической жизни на протяжении столетий, в которую были интегрированы другие формы духовной жизни, в том числе, философия, и наука. На

[1] Нибур Ричард Х. Христос и культура // Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: Юрист, 1996. С. 172–173.

этом основании можно утверждать, что религиозный фундаментализм, также как и другие виды фундаментализма, не следует рассматривать как нечто абсолютно негативное и антикультурное.

Такое представление возникает при акцентировании внимания на первом радикальном, или нигилистическом, этапе реализации этого принципа. При полной реализации заложенного в нем потенциала религиозный фундаментализм порождает новый вид культуры, которая в процессе своего развития постепенно изживает заложенный в ней принцип. Итак, приведенный выше краткий анализ религиозного фундаментализма, выводы которого могут быть подтверждены из истории не только христианской, но и мусульманской, зороастрийской и других цивилизаций, позволяет утверждать, что религия не может быть сведена к особому виду знания, сознания, мировоззрения или установке. Она представляет собой форму духа, т. е. направленность коллективного мышления и деятельности, способную подчинить себе все важнейшие стороны жизни человеческого общества.

Определение религии в качестве формы духа влечет за собой важные вывод как для понимания характера открываемых ею предметов, так и для оценки той или иной социокультурной ситуации, а также для методологии исследования религиозного сознания. Так, понятие духа обозначает собой силу, способную подчинить себе индивидуальное сознание, в связи с этим религиозную предметность следует анализировать не для подтверждения или опровержения ее онтологического статуса, но для выявления характера и структуры ее воздействия на индивидуальное и массовое сознание.

Будучи духом, религия укоренена в человеческом сознании и не может быть вытеснена из него в полной мере, поэтому победа над религией других форм духа в той или иной социокультурной ситуации еще не означает того, что она навсегда покинула подлинности истории.

Отсюда следует, что, оценивая другие формы духа в тот или иной момент своего развития, полностью отрицающие религиозное отношение к действительности, философ или историк культуры не должны исходить из самоочевидности

отсутствия сверхъестественного бытия и принципиальной неспособности религиозного сознания противостоять атеистическому пониманию мира.

Батымбетов Азамат Ракимбердыевич,
старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки
Алматинской академии МВД Республики Казахстан
имени М. Есбулатова

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ФОРМЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ВОЕННОЙ СРЕДЕ

Современная социально-политическая обстановка в Республике Казахстан отмечена небывалым ростом религиозной активности населения. Возрождение религиозных традиций, праздников, обрядов объективно связывается с культурным и духовным возрождением нашего народа. Следует видеть, что за годы суверенного развития в нашей Республике в сфере взаимоотношений государства и религии произошли очень серьезные изменения.

С одной стороны, религиозные институты сыграли значительную, положительную роль в социальной консолидации нашего народа, в обеспечении гармонии и стабильности в межэтнических и межконфессиональных отношениях, в обеспечении духовной опоры и психологической поддержки людей в трудные годы перемен и социальной адаптации к новым условиям жизни.

С другой стороны, – рост религиозных объединений, свобода их деятельности от государственного контроля, отсутствие опыта защиты общественного сознания от манипулятивных (психологических, информационных) воздействий, в том числе со стороны нетрадиционных религиозных организаций, способствовало возникновению множества противоречивых и опасных для общественной жизни явлений и процессов: традиционализации и радикализации религиозных взглядов казахстанских верующих, развитию

религиозного экстремизма, его сращиванию с террористическими организациями. Подобная незащищенность общественного сознания от радикальных религиозных манипуляций особую опасность представляет для военнослужащих армии, правоохранительных органов и структур национальной безопасности.

Особенно трудно противостоять целенаправленному идеологическому воздействию при несовершенстве собственных национальных правовых и идеологических основ нашего светского, суверенного государства.

Несмотря на прилагаемые государством усилия, до сих пор не поддается правовой и идеологической оценке рост и деятельность множества сект и направлений, незарегистрированных религиозных организаций, а также подпольных и абсолютно новых для Казахстана религиозных течений и духовных школ, функционирующих как учебные центры, группы оздоровления или коммерческие организации.

Кроме того, в современном обществе все чаще возникают вопросы о свободе совести и равенстве возможностей в религиозных проявлениях, определении места верующих граждан в современном обществе.

В этой ситуации, необходимо в научном и правовом плане – определить пределы и нормы развития религиозных проявлений, когда в «зоне высокого риска» могут оказаться интересы общественной безопасности и стабильности общества. Особенно это касается самой системы государственных и правоохранительных органов, образования Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в Республике Казахстан.

Анализ показывает, что сложившаяся религиозная ситуация в стране оказывает самое непосредственное влияние на формирование религиозного мировоззрения военнослужащих, проходящих службу в различных частях и структурах армии, правоохранительных органов и КНБ Республики Казахстан. Не секрет, что абсолютное большинство в этих структурах, особенно военнослужащие контрактной службы, это выходцы из сельских местностей, а именно из регионов, значительно отстающих по уровню жизни и социальным показателям

развития от центра, где наблюдается самая высокая динамика (рост религиозности) среди населения.

Не может не вызывать беспокойство тот факт, что среди военнослужащих этих структур, призванных обеспечивать национальную, военную и правовую безопасность нашего суверенного Казахстана, появляются сторонники нетрадиционных религиозных течений и сект, способных стать «пятой колонной» в обеспечении национальной безопасности Республик Казахстан. И об этом надо говорить прямо, не боясь обидеть или затронуть, чьи либо права и интересы. Тем более, из материалов печати, стали известны факты и о приверженности отдельных руководителей государственных органов или членов их семей подобным течениям и сектам. Национальная безопасность Казахстана – превыше всего!

Поэтому, первое, это вопрос о своевременном выявлении приверженцев и сторонников религиозных течений, пресечении возможного влияния данных течений на мировоззрение казахстанских военнослужащих.

Второе, требуется знать динамику религиозной ситуации в стране, ее специфику по регионам, понимать и обезвреживать каналы распространения религиозно – экстремистских идей и основу для их «приживания» в воинских коллективах.

В обществе присутствует обеспокоенность фактами активизации нетрадиционных религиозных течений, деструктивно и агрессивно проявляющихся в сфере межконфессиональных и даже политических взаимодействий. В процентном соотношении доля обеспокоенных сложившейся религиозной ситуацией в стране составляет от 45 до 55%.

Характеризуя показатели религиозной идентичности населения регионов Казахстана, было выявлено, что большинство респондентов отнесли себя к категории верующих людей (из них наибольший процент респондентов проживает в ВКО, СКО, Атырауской области, Актюбинской области, ЮКО и Алматинской области), уважающих религиозные ценности и нормы. Подавляющее большинство респондентов считают себя мусульманами, при этом объясняют свой религиозный выбор в большей степени факторами объективного – этнокультурного характера.

Религиозная идентичность большинства опрошенных респондентов имеет умеренные характеристики в отношении психологического и религиозно-идеологического принятия представителей «иной религиозной общности». По данным социологов, наибольший процент респондентов, проявляющих определенное неприятие представителей других конфессий, отмечается в ВКО, ЮКО, Жамбылской и Атырауской областях.

Для трети из числа опрошенных респондентов, принадлежность к избранной конфессии является крайне важным обстоятельством жизни, а 17% из них, проживающих в основном в ЮКО и ВКО, считают необходимым, чтобы не только они, но и их близкие (то есть и представители из их семей в правоохранительных органах, Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Республики Казахстан) разделяли их религиозный выбор.

В третьих, заметим, что радикальность религиозных воззрений более выражена среди граждан с невысоким уровнем образования, низкими доходами, проживающими в сельской местности, то есть там, откуда прибывают основной контигент для восполнения кадров в системе Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований и правоохранительных органов,.

Оценки конфликтного потенциала межконфессиональных отношений в районах Казахстана, позволили экспертам сделать следующие выводы:

– в межконфессиональных отношениях казахстанских регионов проявляется средний уровень напряженности. Треть опрошенных респондентов указали на готовность населения к проявлению открытого недовольства друг другом и вероятность возникновения конфликтов на межрелигиозной основе (большинство из них проживает вАктюбинской, Атырауской, Мангыстауской, Кызылординской, Павлодарской, Жамбылской областях и ЗКО);

– основным фактором, способствующим проявлению напряжения в межконфессиональных отношениях, является деятельность нетрадиционных религиозных организаций, формирующих протестное настроение своих сторонников в отношении представителей других конфессий (большинство

респондентов, указавших на данный фактор, проживает в ЗКО, ЮКО, Павлодарской и Актюбинской областях).

В четвертых, следует видеть, что *главными факторами*, определяющими стремление к вере казахстанских верующих, являются те установки, которые обеспечивают внутреннюю стабильность, ощущение защиты и поддержки, уверенность в правильности принимаемых решений, т. е. те установки, что раньше формировались на уровне идеологических доктрин. Кроме того, интерес вызывают источники знаний о вере:

1) наибольшее число верующих респондентов получают религиозные знания в общении с более опытными верующими – 21,7%;

2) на втором месте по значимости– средства массовой информации (для 17% респондентов);

3) на третьем месте в качестве источника религиозных знаний – посещение святых мест, чтение духовной литературы и общение со священнослужителями (для 13,1%, 12,8% и 10,7% респондентов соответственно).

Исходя из этого, можно предположить, что экстремизм и радикализм религиозных верований может распространяться среди казахстанских верующих, в том числе и среди молодежи Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, судебных и правоохранительных органов, прежде всего, через общение в самих религиозных общинах, посредством мнимых старших наставников, опытных верующих. В отличие от СМИ, такие источники религиозных знаний труднее всего поддаются контролю со стороны государства.

Это тоже нам необходимо учитывать, организуя работу по противодействию проникновения религиозных воззрений в систему Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, судебных и правоохранительных органов.

В пятых, необходимо подумать, как противодействовать проникновению религиозных воззрений в систему Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, судебных и правоохранительных органов в условиях все возрастающего религиозного влияния в целом, в государстве.

На сегодняшний день количество мусульманских религиозных организаций в государстве составляет 1313,

функционируют более 2229 мечетей. По данным Духовного управления мусульман, в государстве насчитывается около 11 млн. мусульман, включающих двадцать четыре национальности. Важнейшие направления работы мусульманских религиозных объединений государства: духовное развитие, филантропия, просветительство[1].

В государстве действуют более десяти медресе, к наиболее крупным относятся медресе в Алматы, Астане, Павлодаре, Уральске, Актау, Атырау, Актобе, Шымкенте. Наряду с этим,в Казахском национальном университете имени аль-Фараби, Университете Мировых языков и деловой карьеры, Евразийском университете имени Гумилева, международном Казахско-турецком университете имени Х.Яссауи в городе Туркестан и Исламском университете в Алматы готовят специалистов - религиоведов. В Казахстане выпускаются исламский журнал «Мир Ислама», газета «Ислам және өркениет», «Шапагат-Нұр», а так же духовная литература. Каждый год увеличивается число казахстанских паломников, совершающих Хадж.

И наконец, шестое, необходимо противодействовать проникновению религиозных воззрений в систему Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, судебных и правоохранительных органов на фоне резкого усиления террористической угрозы в Казахстане[2].

Казахстанские исламисты в большинстве своем необычайно молоды. В своей вербовке они употребляют не только академические приемы распространения «постнамазовских бесед» с муллой или имамом, но и современные методы работы в Сети.

По мнению экспертов, ресурсное обеспечение казахстанских радикалов осуществляют не только их зарубежные коллеги, как кувейтское «Общество социальных реформ» (Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи), усиленно работавшее в республике до сегодняшнего дня. Самым огромным очагом

---

[1] Сатпаев Д.К. Терроризм в Казахстане – время собирать камни за пазухой. ЦенртАзияh. URL: https://www.centrasia.ru/news

[2] Жусипов Б.С. Религиозная безопасность Республики Казахстан. Алматы, 2012. 148 с.

помощи казахстанским экстремистам является Афганистан. Интенсивность воздействий Талибана, четкая связь казахстанских религиозных радикалов с боевыми группировками пуштунов и таджиков необыкновенным образом соединяются со «вспышками активности» экстремистов Казахстана. Среди лиц, принявших участие в распространении мысли джихада, есть кавказские эмиссары, и даже закончившие крымских медресе.

Значимой особенностью казахстанского терроризма считается его тесная связь с криминальным миром страны. Следует отметить, что в основном сращивание ваххабитов с криминалом случилось в тюрьмах.

По мнению ученых, основные причины резкого увеличения активности экстремистов на территории Казахстана, могут быть условно разделены на две группы: социальные и политические.

К социальным причинам увеличения числа экстремистов на территории Казахстана, нужно отнести следующие:

– высокая разница в доходах населения, особенно в провинции, что увеличивает социальную рознь. Социальные аутсайдеры легко вербуются экстремистами и организуют достаточно большие группировки;

– огромное количество безработной молодежи, которые не имеют специальности и не прошедшей социализации в армии и других структурах. Судя по статистике, в 95% явлений казахстанские террористы были безработными молодыми людьми;

– большой поток нелегальных мигрантов, которые не только сами могут являться носителями и распространителями экстремистских идей, но также подвержены влиянию местных пропагандистов;

– активная агитация, которая ведется на всех ступенях, включая Интернет. Пропагандисты экстремистов действуют в мечетях, в пенитенциарной системе, депрессивных районах страны, ведут активную деятельность в глобальной сети.

К политическим причинам увеличения числа экстремистов на территории Казахстана, политологи относят следующие:

– несмотря на прогнозы экспертов, правомочные органы продолжительное время не стремились признавать

существование терроризма в стране, что давало террористам время на разворачивание своей деятельности без опасности преследования;

– в обществе, по объективным причинам, смены общественно-экономической формации образовался идеологический вакуум, который довольно активно заполняется религиозностью;

– степень коррупции во всех силовых структурах очень высока. К тому же спецслужбы не имеют опыта открытой войны с бандитами или террористами.

– фактическое отсутствие идеологической деятельности на местах и свободных дискуссий. Из-за отсутствия постоянного диалога с властью недовольство сближается в сторону радикализации и выходит из правового поля.

На сегодняшний момент можно констатировать стабильную тенденцию к радикализации общества, а также рост количества групп нетрадиционных религиозных группировок. Практика показывает, что именно их представители намерены совершать акты терроризма. Их ряды пополняются за счет малообеспеченных, неустроенной в социальном плане молодежи, лиц, не имеющих достаточных знаний в области религии и основах традиционного ислама.

Как считают эксперты, на волне увеличения сторонников исламского фундаментализма, в странах региона может сложиться политическая организация, представляющая широкую оппозицию правящим строям. Имея под собой крепкий социальный фундамент и поддержку из других стран, радикальные исламские организации могут вступить в открытую борьбу с функционирующими режимами[1].

С учетом проникновения в среду Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, судебных и правоохранительных органов их эмиссаров и представителей эта проблема может стать определяющей судьбу государства и народа. Поэтому, нам надо продумать, спланировать,

[1] Маликов К.С. Борьба с экстремизмом может превратиться в борьбу с призраками! // Свобода слова. 17 ноября 2011.

организовать и начать повсеместно проводить работу по противодействию проникновения религиозного экстремизма в военную сферу.

Кочкин Антон Андреевич,
преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Краснодарского университета МВД России,
аспирант 3-го курса ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказскийфедеральный университет»

НА ПУТИ К ПОНИМАНИЮ ДЕВИАЦИИ: ИНТЕРСУБЪЕКТИВНАЯ ПРИЗМА СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

Одним из важнейших объектов исследований в гуманитарных науках выступает социальная группа. В свою очередь социальная группа делиться на множество видов и типов, которые дифференцируются по этническим, религиозным, идеологическим и многим другим признакам. Среди всех прочих групп выделаются девиантные группы, поведенческие особенности которых находились под прицелом Чикагской социологической школы на протяжении длительного времени.

Социальные группы независимо от их формы и вида можно изучать
по-разному в социально-гуманитарном дискурсе. Для изучения особенностей поведения индивидов в социальной группе мы отвлечемся от количественных методов, которые, кажется, уже набили оскомину, несмотря на то, что основной кластер социологических исследований как раньше, так и по сей день строится именно на этой категории методов[12], и рассмотрим

[1] Савельева С. О познании в качественной методологии: открывая горизонты А. Готлиб. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. 448 с // ЖССА. 2006. № 1, С. 195–201.

[2] Михайлов С.Г. Общественные противоречия. От конфликта к девиации и преступлениям в сфере экономической деятельности // Телескоп. 2022. № 2.

социальную группу как непосредственное взаимодействие людей, которые в процессе такого взаимодействия создают определенные установки, способствующие выработке конкретных поведенческих векторов, и наделяют дополнительными значениями различные определения, используемые социальной группой во взаимодействии с другими участниками этой группы. Одной из исследовательских задач в этой связи является детерминация поведенческих особенной социальной группы в публичных местах.

Для этого мы рассмотрим теоретико-методологические положения, разработанные Гербертом Блумером. Г. Блумер выступает одним из основателей методологии, получивший большой распространение в социологии и социальной психологии – «символический интеракционизм». Представители данной социологической школы утверждают, что человека необходимо рассматривать исключительно как живой субъект с собственным «Я», то есть как существо, в котором априори утверждается воля, которая не зависит от каких бы то ни было каузальных факторов, поскольку никакие причины и установки – независимо от того, какой смысл вкладывают в эти слова исследователи в области поведения – не могу одинаково влиять (даже если мы возьмем в качестве изучения аналогичные ситуации) на человека и его взаимодействия с окружающими. Индивид самостоятельно вырабатывает и для себя, и для других индивидов, с котором он взаимодействует в конкретной социальной группе поведенческие установки.

Помимо поведенческих установок отличительная особенность символического интеракционизма заключатся в том, что он – в теоретико-методологическом контексте – меняет отношения к объекту социальной реальность; и, таким образом, объектами социальной реальности могут быть не только предметы, но и даже отвлеченные абстрактные понятия[1]. Важнейшим положением интеракционизма является то, что взаимодействие людей осуществляется на нескольких уровнях: на симоволическом уровне (отсюда и название изучаемого нами

[1] Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод / пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2017. С. 50.

социологического направления) и, соответственно, на несимволическом уровне, то есть рефлекторно, исключая всяческую интерпретацию действий того или иного индивида. Сам же Г. Блумер, когда речь заходит о символическом и несимволическом взаимодействии, ссылается на теоретические положения, разработанный Дж. Мидом: «Наиболее проницательным анализом социального взаимодействия – анализом, который согласуется только что представленным реалистическим описанием, – мы обязаны Джорджу Герберту Миду. Мид выделяет две формы или уровня социального взаимодействия в человеческом обществе. Он называет их «общением жестами» и «использованием значимых символов»; я буду называть их соответственно «несимволическим взаимодействием» и «символическим взаимодействием <…> Проведенный Мидом анализ символического взаимодействия чрезвычайно важен. Мид рассматривает символическое взаимодействие как процесс предъявления жестов и реагирования на значение этих жестов. Жестом выступает любая часть или аспект текущего действия, обозначающий более широкий акт, частью которого он является, – например, потрясание кулаком указывает на возможное нападение, а объявление войны государством указывает на позицию и линию действия этого государства»[1].

Нетрудно заметить, что отличительной особенностью символического взаимодействия выступает возможность интерпретации действия индивида, которая, в свою очередь, имеет четкую функцию: она отвечает за совместное действие индивидов. То есть, когда исследователь социального поведения собирается рассматривать взаимодействие нескольких индивидов – при том условии, что действие хотя быть одного из индивидов по отношению к другому является символическим – должен всегда оценивать то значение, которое человек вкладывает в определенное действие, а также ту реакцию, которая – как предполагает первый актор – должна возникнуть вследствие его действия.

[1] Там же. С. 47.

Чтобы верифицировать данный тезис можно обратиться к некоторым ситкомам или мультипликационным сериалам, которые носят комический, развлекательный характер, так как зачастую в них отражены те ситуации, когда один человек неправильно интерпретирует (понимает) действия другого, вследствие чего происходит полное игнорирование символического действия одним из субъектов. Так, например во второй серии пятого сезона известного юмористического мультсериала «Гриффины» («Family Guy») показана сцена, где два главных героя Питер Гриффин и Лойс Гриффин сидят в ресторане, а в этот момент официант спрашивает посетителей: «Кто заказывал ребрышки?» – «Не твое дело!» – отвечает Питер, как бы намекая на то, что официант очень назойлив (хотя никаких видимых оснований для этого нет), при этом Питер полностью игнорирует действие официанта, интерпретируя их по-своему. Одной из особенностей интерпретации символического поведения является то, что одно и то же символическое действие может пониматься по-разному в зависимости от коллектива, менталитета или места. Самым простым примером может послужит кивок головой, который в нашей стране является знаком согласия, а, например, в Болгарии означает отрицание.

Подобное детальное изучение взаимодействия между социальными субъектами позволяет получить наиболее репрезентативные данные о значении поведении людей различных социальных групп, о понятийно-категориальном аппарате, которым пользуются представители определенного коллектива при применении качественного, а не количественного метода. М.Ю. Горбунова, рассматривая валидность использования символического интеракционизма в социальной психологии в контексте эмоциональных явлений, говорит, что «главная идея интеракционизма Г. Блумера – люди взаимодействуют и обращаются с окружающими предметами исходя их символических значений. Однако значения не заключаются в самих предметах или субъекте, а проистекают из отношения актора к предмету, которое помимо когнитивного компонента практически всегда предполагает эмоциональную коннотацию. Эмоции включены в контекст взаимодействия,

позволяя человеку передавать информацию о своем отношении к другим людям, явлениям, событиям и своем состоянии»[1].

На этом примере легко убедиться в пластичности применения интеракционисткой методологии, исходящей из многозначительности социальных действий людей: этот тезис в очередной раз подсказывает исследователям о том, что при изучении поведения того или иного коллектива необходимо детально рассматривать каждые действия социальных субъектов, поскольку значение самого действие может варьироваться в зависимости от контекста (одно символическое действие понимается по-разному в зависимости от социальной группы). По нашему мнению, теоретические и методологические положения, разработанные Гербертом Блумером, позволяют отразить особенности взаимодействия в социальной группе максимально объективно (насколько вообще объективно можно говорить о значении символического действия), так как в символическом интеракционизме та или иная группа при использовании методологии, описанной нами выше, высвечивается, как бы, изнутри с учетом всех определений и установок, которые используются участниками конкретного изучаемого коллектива.

Такой интерсубъективный подход позволяет беспристрастно исследовать поведения индивидов в криминальных субкультурах, деятельность которых связана с систематическим нарушением общественного порядка, совершением преступных деяний, а также действий (практик), для понимания которых необходимы специальные познания, что, например, подтверждают исследования Говарда Беккера[2].

Таким образом, релевантность применения методологии символического интеракционизма имеет преимущество по сравнению со многими другим количественными методам, так как показывает взаимодействие социальных субъектов, исходя из

---

[1] Горбунова М.Ю. Символический интеракционизм как методологическое основание исследования эмоций в социологии // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. № 2.

[2] См., например, Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. Пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова; под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2018. 272 с. В этой работе речь идет о нескольких девиантных группах: о наркоманах и о музыкантах, исполняющих джаз, но как известно такая музыка не для всех.

их представления о повседневной коммуникации, не прибегая к вольным интерпретациям, абстрактным понятиям, стремясь ответить на вопрос, почему люди отдельной социальной группы поступают в определенных условиях так, а не иначе, учитывая только поведенческие особенности индивидов конкретного коллектива.

Аквит Виктория Сергеевна,
преподаватель кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Токарева Алина Александровна,
курсант 1 курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В современном мире существует огромное множество проблем. Например, глобальное потепление, экологические проблемы, нехватка ресурсов, стихийные бедствия, такие как землетрясения и наводнения. Экстремизм и терроризм – это одна из главных и глобальных проблем стран мира. Их проявление влечет за собой огромные последствия, жертвуя человеческими жизнями, разрушая духовные материальные и культурные ценности.

На первом месте в рейтинге стран по терроризму стоит Афганистан с индексом 9,592, на втором – Ирак (8,682), на третьем – Нигерия (8,314), далее идут Сирия, Сомали.

Главная цель терроризма – это нарушение безопасности общества, которое угрожает: жизни и здоровью граждан, объектам критической инфраструктуры, природной среде,

информационной среде, органам государственного управления, государственным и общественным деятелям[1].

Экстремизм и терроризм во всех формах представляют собой огромную угрозу для человечества. К этим наиболее опасным современным явлениям относятся военные провокации и этническая ненависть, которые вызывают страх и недоверие, конфликты и нежелание общаться между различными группами общества. Противодействие экстремизму и терроризму является сложным, поскольку его трудно предсказать, а предотвращение может оказаться невозможным во времени. Сегодня ни одна страна в мире не может утверждать, что она «свободна» от проблемы экстремизма и терроризма. Эти пугающие социальные явления стали частью жизни каждого народа. Они приобрели глобальный характер, охватывающий все международное сообщество. В этом контексте особое значение приобретает вопрос совершенствования механизмов борьбы с международным экстремизмом и терроризмом, в том числе на законодательном уровне[2].

В современной отечественной юриспруденции существует множество научных мнений, трактовок и подходов, определяющих природу понятий «экстремизм» и «терроризм», и они имеют право на существование. Наша цель не состоит в том, чтобы дать новую формулировку сущности понятия этого феномена. Следует лишь отметить, что эти понятия дополняют друг друга и указывают на опасные формы преступного поведения, при которых отдельные лица или группы лиц объединяются в преступные сообщества или организации с целью нанесения ущерба отдельным лицам, обществу и государству и распространения идеологии ненависти, страха и нетерпимости. Основным направлением в этой сфере деятельности является формирование правовой базы для борьбы с экстремизмом и терроризмом, сложившейся в Европе после окончания Второй мировой войны[3].

---

[1] Сигарев А.В. Правовое регулирование противодействия экстремизму // Курс лекций. 2015. С. 62–64.

[2] Корнилов Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму // Научная работа. 2011.

[3] Голованова Н.А. Экстремизм в Великобритании: способы противодействия // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 102–111.

В Западной Европе и Соединенных Штатах Америки вместо термина «экстремизм» используются термины «язык вражды» и «преступление на почве ненависти». В основном это подстрекательство к национальной, расовой или религиозной ненависти, оскорбления, угрозы и насилие в отношении людей из-за их принадлежности к этим сообществам.
В западных демократических странах нет законодательства, аналогичного российскому закону о предупреждении экстремистской деятельности. Это связано с тем, что существование таких законов считается вредным для демократических прав и свобод. В этих странах меры по борьбе с экстремизмом в основном осуществляются посредством уголовного наказания.

В конституциях других стран, а также Российской Федерации есть ряд положений о противодействии экстремизму, в частности:

– в Германии запрещается любое использование профашистской идеологии и деятельность экстремистских организаций;

– Япония запрещает дискриминацию по признаку экономического, политического или социального положения расы или религии;

– Дания запрещает религиозным организациям нарушать общественный порядок и мораль;

– Португалия запрещает создание фашистских организаций.

В дополнение к конституционному запрету на экстремистские организации, некоторые государства приняли специальные законы, запрещающие создание или деятельность профашистских и пронацистских организаций, а также создание и деятельность групп и организаций, пропагандирующих принципы ненависти и дискриминации в отношении государства и религии. Такие законы существуют в Австрии, Португалии, Италии, Ирландии и Франции. Законы Канады, Дании, Нидерландов, Франции, Германии и Испании предусматривают тюремное заключение и крупные штрафы за оскорбление религиозных чувств верующих или вмешательство в их религиозную практику.

Внутренний терроризм в Соединенных Штатах состоит из инцидентов, которые, как было подтверждено, являются внутренними террористическими актами. Эти нападения считаются внутренними, поскольку они произошли на территории Соединенных Штатов и были совершены гражданами США и/или постоянными жителями США. По состоянию на 2021 год правительство Соединенных Штатов считает сторонников превосходства белой расы главной угрозой внутреннего терроризма[1].

Взрыв федерального здания имени Альфреда П. Мурры в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 год был самым крупным и смертоносным нападением на территории Соединенных Штатов Америки до 11 сентября 2001. Это вызвало широко распространенный страх среди населения, отчасти вызванный неизбирательным характером жертв. Это привело к безудержным спекуляциям относительно того, кем, вероятно, были преступники, пока нация не была потрясена, обнаружив, что это был награжденный орденами ветеран армии из штата Нью-Йорк. «Казалось невозможным, что "американец", особенно белый человек, мог совершить такое ужасное преступление»[2].

В Китае проблема экстремизма и терроризма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее – СУАР) была очень серьезной, значительная часть экстремистов из этого региона состояла в рядах ИГИЛ и других террористических структурах в Сирии, в других странах Ближнего Востока. Уйгуры уже много лет борются за независимость, этнические беспорядки часто приводили к насилию и выливались в массовые протесты. Почти все громкие теракты в Китае совершаются членами уйгурских экстремистских организаций. В связи с этим Кин ужесточил контроль над уйгурами, установив системы наблюдения, и по всему региону были созданы «центры массового содержания под

[1] Малышев В.В. Борьба с экстремизмом в США: современный опыт // Научная статья. 2012. С. 105–107.

[2] Брюхнов А.А., Вакуленко Н.А., Щербаченко А.К. Положительные аспекты зарубежного опыта противодействия экстремизму // Научная статья. 2016.

стражей». Власти страны пытаются бороться с распространением радикальных идей.

Официально «лагеря», в которых удерживаются уйгурами, называются «центрами профессионального и технического образования» или «центрами перевоспитания». По словам тех, кто был в этих лагерях, нахождение в них негативно сказывается на психике людей. По всему лагерю установлены видеокамеры и микрофоны, и за всем ведется наблюдение и прослушивание. В ответ на эти обвинения представитель Китая отметил следующее, что КНР реализует образовательные программы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, которые позволяют местным жителям лучше социализироваться и выбираться из бедности[1].

В заключение хотелось бы отметить, что проблема терроризма и экстремизма – как была, так и остается острой проблемой всех странах мира. Во многих странах СНГ специальные законы о противодействии экстремизму и терроризму до сих пор не принимали, что достаточно странно, ведь данные термины довольно часто встречаются в этих государствах. На наш взгляд, это напрасно, ведь если бы были законы, законодательные акты, то правоохранительные органы разных стран могли пользоваться одинаковой терминологией при раскрытии уголовных дел, имели похожие пути решения тех или иных задач. Поэтому в современном мире необходимо совершенствовать и развивать формы борьбы с терроризмом. Во-первых, необходимо оповестить гражданам, как надо поступать в случае данного происшествия. Во-вторых, совершенствовать законодательства международного противодействия терроризму и экстремизму в настоящее время. Конечно, можно приводить огромное количество путей решения данной проблемы, но главным фактором в данной ситуации будет взаимодействие граждан и правоохранительных органов.

[1] Панасенко В.Н. Оценка опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китайской народной республике // Научный журнал. 2020.

Березнев Алексей Владимирович,
старший преподаватель кафедры
физической подготовки
Воронежского института МВД России

ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА ДЕСТРУКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ СКУЛШУТТИНГА)

По мере развития общества происходит усложнение системы общественных отношений, что влечет за собой как количественные изменения их характеристик, так и качественную трансформацию общественной структуры. Еще Э. Дюркгейм обратил внимание на то, что по мере развития общества возникают новые формы социального взаимодействия, обусловленные усложнением системы социальных связей[1]. И эти формы, возникнув единожды, в дальнейшем на протяжении длительного времени сохраняются и совершенствуются благодаря механизмам социального воспроизводства и преемственности, обеспечивающим сохранение культурного кода, общественных институтов и т. д. Ключевым моментом в данном случае является то, что люди способны к межпоколенной передаче социального знания, что позволяет сохранять его на протяжении многих поколений[2]. При этом, творческие способности, присущие людям, определяют возможность не только преемственности, но и инноваций – привнесения нового в уже существующие практики социального взаимодействия.

Сочетание принципов преемственности и инноваций может являться основанием для формирования представлений о социальном прогрессе, что, собственно, получило развитие как идея еще в эпоху Просвещения. Однако существует серьезная проблема, связанная с тем, что развиваться и передаваться от одного члена общества к другому могут не только конструктивные, полезные для общества представления и модели

[1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии / пер. с фр. Э. Дюркгейм, А.Б. Гофман, В.В. Сапов. М.: Наука, 1991. 572 с.

[2] Рубанов В.Г. Структура и механизмы социальной преемственности // Известия ТПУ. 2013. № 6. С. 111–117.

поведения, но и деструктивные формы, функциональность которых не предполагает повышения стабильности и устойчивости общественной структуры. Если использовать аналогию из области биологического знания, успешно эволюционировать могут, в том числе, организмы, паразитирующие на других организмах и вызывающие в них патогенные изменения. Обращаясь к сфере общественных отношений мы можем выделить целый ряд деструктивных практик, которые не просто сохраняются на протяжении существования общественной системы, но и «совершенствуются», определяя устойчивость этих деструктивных практик для защитных социальных механизмов, ориентированных на их пресечение. В качестве наиболее явного примера подобного рода преемственности и эволюции деструктивных социальных форм может быть названа преступность, которая со временем может качественно трансформироваться, приобретая все более сложные, организованные формы. При этом, одним из важнейших отличий социальной преемственности по отношению к биологической является то, что она реализуется по принципиально иным принципам, в связи с чем носителю деструктивной деятельности нет необходимости обеспечивать себе выживание для того, чтобы реализуемая им социальная активность была воспринята и получила дальнейшее распространение. Это связано с принципами информационного обмена и подражания, которые лежат в основе социальной преемственности.

Тот факт, что социальная практика может успешно укорениться в определенной среде благодаря подражанию, в целом, хорошо известен социологам. В частности, такой концепт, как модель поведения, отражает конкретную устойчивую практику, которая может передаваться от одного человека к другому[1]. В данном случае специфичным является то, что для того, чтобы один человек научился у другого определенной социальной практике, нет необходимости в их непосредственной коммуникации. Достаточно того, чтобы один человек ***узнал*** о том, какую модель поведения реализовал другой, и в

[1] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

дальнейшем, при необходимости, он может осуществить сходное действие в сходной ситуации. Таким образом, механизмы социальной преемственности и воспроизводства конкретных форм общественных отношений могут быть реализованы, в том числе, в рамках информационного взаимодействия. Более того, всякое заимствование социальной модели предполагает первоначальное получение информации о ней, что может быть связано либо с ее непосредственным восприятием, либо с получением опосредованного опыта знакомства с конкретной областью общественных отношений через приобщение к опыту других людей или, например, обращению к информационным возможностям различных медиа[1]. Таким образом, для того, чтобы деструктивные формы социального поведения воспроизводились в социальной среде, необходимым условием является узнавание людей о наличии таковых моделей. Безусловно, существуют примитивные «естественные» формы деструктивной деятельности, во многом идущие от биологически заложенных в человека инстинктов, для реализации которых не нужно чему-либо учить людей – достаточно, чтобы были соблюдены определенные провоцирующие на деструктивную активность условия. Однако, если говорить о сложных формах социально-деструктивной деятельности, их повторение в обществе возможно, преимущественно, посредством распространения информации о той или иной модели деструктивной социальной активности. В большинстве случаев именно модель, как информационный конструкт, отражающий характер социального действия, первична по отношению к социальной активности. И это позволяет сделать вывод о том, что распространение информации об отдельных формах социально-деструктивной деятельности является одним из способов создания условий для их повторения. В этом контексте целесообразна постановка вопроса о том, что одним из рискогенных факторов в развитии и активном распространении деструктивных форм социальной активности является активный информационный обмен в обществе, реализуемый как в результате «горизонтальной» информационной коммуникации, так и в ходе деятельности

[1] Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

средств массовой информации. Данный эффект будет рассмотрен нами на примере такого деструктивного явления, как осуществление массового насилия в учебных заведениях, что получило отражение под такими названиями, как «скулшуттинг» или «колумбайн».

Осуществление насилия в образовательной среде с использованием оружия имело место на протяжении длительного периода, однако исследователи обращают внимание на то, что возникновение информационного освещения процессов насильственной деятельности в школах и университетах, когда всесторонне описывается модель совершения преступления, дает толчок к кратному увеличению случаев подобного рода преступных действий. Так, как отмечают исследователи, роман С. Кинга «Ярость», в котором демонстрируется расправа, совершенная учеником над двумя учителями и дальнейшее насилие, осуществляемое с целым классом, как минимум, для пяти преступников, совершавших массовые убийства в школах, являлась любимым произведением[1].

В 1999 году в г. Колумбайн произошло резонансное преступление: Э. Харрис и Д. Клиболд совершили акт массового убийства, в результате которого погибло 13 человек и еще 23 получили ранения различной степени тяжести[2]. Данное событие получило активное информационное освещение на уровне ключевых американских медиа, что породило широкий общественный резонанс, в основном, связанный с возмущением и шоком от осмысление совершенного чудовищного преступления. Однако неявным следствием столь активного информационного освещения событий в г. Колумбайн стало то, что появилось множество «подражателей», которые не просто осуществляли сходные действия – они стремились максимально подробно воспроизвести сценарий, реализованный Харрисом и Клиболдом. При этом частота осуществления скулшутинга значительно

[1] Узлов Н.Д., Семенова М.Н. Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт // Суицидология. 2021. № 4(45). С. 16–30.

[2] Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4(34). С. 442–446.

возросла, что позволяет судить о стимулирующем воздействии наличия подробной модели деструктивной деятельности.

В настоящее время существуют целые сообщества, посвященные скулшуттингу и включающие в себя тысячи людей, интересующихся данной тематикой, и это свидетельствует о высоком уровне угрозы дальнейшей интенсификации возникновения случаев школьной стрельбы. Причем данная угроза актуальна в настоящее время не только за рубежом, но и в России, о чем позволяют судить события в Керчи, Казани, Перми, Ижевске, Москве и ряде других городов. Ключевым моментом в данном случае является то, что в ряде случаев люди, осуществлявшие массовое насилие в учебных заведениях, осуществляли подражание другим скулшутерам, иными словами – реализовывали деструктивную модель, будучи ознакомленными с ней в рамках информационного обмена. Это позволяет судить о том, что в обществе распространение информации об отдельных деструктивных практиках является одним из мощных механизмов их воспроизводства. В этом контексте видится целесообразной постановка вопроса о необходимости ответственного отношения представителей масс-медиа к распространяемой информации с учетом того, что она может послужить основанием для воспроизводства деструктивной модели социальной активности.

Никитин Константин Игоревич,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Краснодарского университета МВД России

Южанинов Василий Сергеевич,
преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

ОТДЕЛЫ И ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ОВД КАК СУБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА СОТРУДНИКА ГУПЭ МВД РФ

Сегодня, как и всегда правоохранительная система в целом и органы внутренних дел в частности не только являются объектом пристального внимания со стороны общества и средств массовой информации, но и сами выступают в качестве субъекта социальной коммуникации, в том числе, но и в информационном ее аспекте. Необходимость выступления органов внутренних дел, а в частности сотрудников ГУПЭ МВД РФ, в качестве субъекта распространения информации обусловлена спецификой их деятельности. Так применяя непопулярные в обществе средства административного понуждения, органы внутренних дел могут рассчитывать на поддержку общества только при двух основных условиях: строгом нахождении в рамках действующего законодательства и взаимодействии с институтами гражданского общества.

Одной из важнейших форм взаимодействия системы МВД с институтами гражданского общества следует признать наличие конструктивных отношений с различными массмедиа, а также собственных органов информирования общества о своей деятельности. В качестве такого органа в рамках Министерства внутренних дел функционируют подразделения по информации и общественным связям, в задачу которых входит информирование населения о ходе борьбы с преступлениями и правонарушениями, а также осуществление пропаганды правовой идеологи и модели поведения. Координация работы

данных подразделений осуществляется я управлением по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД РФ.

В соответствии с Приказом МВД России от 27 октября 2015 г. № 1010 «Об утверждении Порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации»[1] основными задачами УОС являются: – организация и участие в формировании основных направлений государственной политики в области совершенствования информационного сопровождения деятельности Министерства;

– обеспечение совершенствования нормативно-правового регулирования в области информационного сопровождения деятельности Министерства;

– организация и осуществление информирования граждан о деятельности МВД России через СМИ, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

– осуществление оперативного информирования Министра о позиции редакций СМИ и журналистов по поводу решений и выступлений руководства Министерства, об откликах на них в СМИ;

– организация и координация работы по информационному сопровождению деятельности Министерства;

– организация круглосуточного мониторинга и анализа материалов СМИ, информационно-коммуникационной сети Интернет о деятельности органов, организаций, подразделений системы МВД России;

– организация и обеспечение взаимодействия руководства МВД России со СМИ, органами государственной власти, общественными объединениями и организациями по вопросам, относящимся к компетенции Управления;

– организационно-методическое обеспечение деятельности пресс-служб, подразделений информации и общественных связей системы МВД России.

[1] Об утверждении Порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27.10.2015 № 1010 (с изм. и доп.).

Из выше перечисленных задач важнейшими следует признать информирование граждан о деятельности со средствами массовой информации и организацию взаимодействия руководства МВД различных уровней с институтами гражданского общества. Данные задачи ярче всего выражают социально-коммуникативную функцию Управления по общественным связям МВД РФ, которая заключается в установлении обратной связи между обществом и ОВД. Установление социальной коммуникации системы МВД с институтами гражданского общества осуществляется, в том числе и посредством формирования и поддержания определенного образа сотрудника полиции.

Для того, что бы понять специфику системы МВД как субъекта формирования определенного образа сотрудника ГУПЭ МВД РФ необходимо помнить, что сам по себе данный образ не являться ни единым, строго зафиксированным в общественном сознании явлением. Напротив, он складывается в результате выражения представлений о характере, степени эффективности и социальной ответственности деятельности органов внутренних дел в целом и его отдельных представителей. В этой ситуации важнейшей задачей деятельности пресс служб МВД различных уровней служит адекватная фиксация того образа сотрудника подразделений по противодействию экстремизму, который в настоящее время доминирует в общественном сознании, с целью его поддержания либо трансформации.

В любом случае, образ сотрудника ГУПЭ МВД РФ, формируемый различными средствами массовой информации и системой МВД, существенным образом отличаются друг от друга. В первую очередь это обусловлено тем, что они выражают в первом случае интересы и потребности гражданского общества, а во втором – потребности правоохранительной системы. При этом сам характер эти образов существенно отличаются друг от друга. Так образ сотрудника ГУПЭ МВД РФ, создаваемый средствами массовой информации тяготеет к реализму, даже если он намеренно искажает ее, а образ, формируемый соответствующими службами МВД неизбежно идеалистичен, поскольку стремится к созданию и поддержанию определенного идеала защитника правопорядка, на который необходимо ориентироваться сотрудникам органов внутренних дел.

Общим же для образов сотрудника полиции, создаваемых средствами массовой информации и соответствующих подразделений системы МВД, служит их конструктивный характер. При этом конструктивность образа сотрудника полиции, как и любого другого медийного образа не следует рассматривать в качестве чистого творчества, осуществляющего на основе ценностных ориентиров, интересов и потребностей определенных социальных групп. Невозможность сведения медийного образа к чистому творчеству объясняться тем, что он всегда ориентирован на реальность, претендует на отражение событий и фактов, имеющих место в действительности. Без этой составляющей медийный образ становится либо феноменом пропаганды, либо явлением художественной культуры. При этом, чем больше медийный образ сотрудника органов внутренних дел опирается на отражение реальности и при этом соответствует нормам задаваемых моральным сознанием и действующими нормативно-правовыми актами, регулирующими соблюдение норм профессиональную деятельность, а так же служебное и внеслужебное поведение сотрудников полиции, тем более убедительным он являться для общественного сознания. В свою очередь, убеждение граждан в профессионализме и положительном моральном облике сотрудников органов внутренних дел в целом, и сотрудников ГУПЭ МВД РФ в частности, создает предпосылки для взаимодействия ведомства с гражданами по различным вопросам противодействия общекриминальной и экстремистской преступности. В частности, в одном из своих интервью Министр МВД России генерал полиции А.В. Колокольцев заявил: «Я думаю, нужно говорить не только об отрицательных сторонах деятельности нашего коллектива, но и о положительных. Каждый гражданин должен понимать, что в наших рядах такие же сограждане служат, с таким же сердцем, с таким же внутренним душевным состоянием, как у всего остального нашего населения. Поэтому когда наших сотрудников упрекают в том, что они находятся где-то вне общества, я считаю, что это неправильно. Мы такие же, как и все, мы точно так же воспринимаем все события в нашей жизни», – сказал Колокольцев.

В силу данного обстоятельства руководство органов внутренних дел постоянно подчеркивают необходимость неукоснительного соблюдения сотрудниками органов внутренних дел законности и норм профессиональной этики, необходимых для повышения уровня доверия граждан к полиции. Примером такого рода требований может служить еще одно высказывание Министра внутренних дел РФ: «Каких бы успехов мы ни достигали, какие бы нужные преобразования ни проводили, любое, абсолютно любое преступление со стороны самих полицейских, нарушения прав граждан сводят на нет всю нашу работу. люди, которые и так от-носятся к полиции в первую очередь, как к органу принуждения, начинают ее бояться, доверие падает. А без должной поддержки граждан никакая профессиональная структура не будет эффективной»[1].

Отсюда следует, что управление по общественным связям МВД Россий и подчиненные ему структуры являются далеко не единственными субъектами формирования положительного образа сотрудника полиции. Данная задача стоит перед всеми структурными подразделениями российской полиции. Таким, образом, говоря о роли МВД в конструировании образа сотрудника полиции необходимо помнить, что имидж правоохранителя является элементом сложного, диалектического по своему характеру, процесса формирования представления о состоянии правоохранительной деятельности и характере защитника правопорядка.

На основе вышесказанного о роли различных структур МВД в формировании облика сотрудника ГУПЭ МВД РФ необходимо подчеркнуть, что предлагаемая ими медийная конструкция носит принципиально социально коммуникативный характер. Данное обстоятельство с одной стороны, опирается на потребности органов внутренних дел, а с другой, на требования, предъявляемые к их деятельности со стороны общества.

Важнейшими проявлениями коммуникативного характера деятельности ОВД в качестве субъекта формирования медийного образа сотрудника ГУПЭ МВД РФ следует признать:

---

[1] Шатилович С.Н. Повышение эффективности предупреждения нарушений законности в деятельности сотрудников дежурных частей территориальных органов МВД России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41).

– пропаганду правовой идеологии и правового поведения;

– информирование граждан о деятельности полиции;

– создание предпосылок для широкого привлечения граждан к сотрудничеству с ОВД;

– поддержание позитивного образа полицейского в обществе.

Таким образом, необходимость освещения своей деятельности используется ОВД для установления социальной коммуникации с обществом. Например, частный информационный повод используется в качестве средства пропаганды правовой идеологии и правовых моделей поведения среди широких слоев российского общества. При этом идеологический аспект заключения может быть выражен как в явной, так и не явной форме. Важнейшими из задач, реализуемых в рамках подведения итогов подачи информации по криминальной тематике, следует признать:

– реализация требований нормативно-правовых актов различного уровня о информировании населения о состоянии борьбы с преступностью как в целом, так и о ходе расследования наиболее резонансных преступлений, оказывающих непосредственное влияние на оценку гражданами деятельности государства по подержанию правопорядка;

– создание предпосылок для широкого привлечения граждан для сотрудничества с целью противодействия преступности;

– формирование и поддержание в сознании граждан позитивного представления о деятельности полиции;

– опровержение ложных слухов и прямой дезинформации о деятельности правоохранительной системы в целом и органов внутренних дел в частности;

– информировать граждан о поведении в ситуации столкновения с различными видами противоправных действий;

Помимо данных, существует целый ряд других целей информирования населения о деятельности органов внутренних по пресечению, раскрытию, расследованию на предварительной стадии и профилактике противоправных деяний экстремистской направленности. Но каким не были решаемые информационным

сопровождением противодействия преступности, они в конечном итоге предполагают установление тесного взаимодействия с обществом, вне которого эффективная борьба с обще криминальной и экстремистской преступностью невозможна. По этой причине представляется целесообразным перейти к рассмотрению второй, коммуникативной функции выполняемых средствами массой информации, при освещении деятельности органов внутренних дел

Для правильного понимания коммуникативного аспекта информационного медийного сопровождения процесса противодействия преступности, необходимо помнить, что термин «коммуникация» в случае освещения деятельности органов внутренних дел следует понимать в его широком значении. Действительно, в настоящее время термин коммуникация используется в двух основных значениях: информационном и социальном. В информационном значении коммуникация выступает в качестве выражения процесса передачи сведений о том или ином событии, процессе или факте, тогда как в социальном значении данный термин используется для обозначения взаимодействия различных социальных групп или индивидов в целях решения или оптимизации какой-либо социально значимой проблемы.

В деятельности органов внутренних дел оба аспекта понятие коммуникация находит свою реализацию.

Информационный аспект коммуникации сотрудников ГУПЭ МВД РФ при освещении своей профессиональной деятельности находят свою реализацию в процессе:

– взаимодействия с журналистами при освещении конкретных юридически значимых фактов, также событий в профессиональной деятельности;

– при организации распространения служебно значимой информации с помощью различных средств массовой информации;

– при обучении знаниям, умениям и навыкам представления юридически значимой информации и освещения деятельности органов внутренних дел;

– в процессе участия в различного рода форумах, посвященных проблемам противодействия преступности и организации правоохранительной деятельности в стране;

– при организации и проведении мероприятий по информационному противодействию организованному криминалу и экстремизму.

В свою очередь социальный аспект коммуникации сотрудников органов внутренних дел с представителями средств массовой информации находит свое выражение:

– в установлении деловых отношений с представителями средств массой коммуникации, как представителей одной из важнейших социальных сил современного общества;

– в использовании знаний, умений и навыков профессиональных журналистов для формирования положительного образа сотрудников правоохранительных органов и разъяснения социальной значимости правоохранительной деятельности для поддержания правопорядка и противодействия криминалу и экстремистки настроенным силам;

– в снятии социальной напряженности, возникающей в обществе в результате совершения социально резонансных преступлений обще криминального или экстремистского характера;

– для формирования в обществе широкой прослойки населения готовой идти на различные формы сотрудничества с представителями правоохранительной системы в рамках борьбы с общекриминальной и экстремистской преступностью;

– в формировании у широких слов населения убеждения в эффективности правоохранительной системы и защищенности всех лиц и социальных групп, находящихся в правовом поле.

Эффективное осуществление коммуникационная функция взаимодействия сотрудников ГУПЭ МВД РФ с представителями различных массмедиа может являться основанием для реализации одной из форм пропаганды правовой и антиэкстремистской идеологии в широких слоях населения. Конечно же, для правильного понимания идеологической функции информационного освещения деятельности ОВД необходимо помнить, что информационно-пропагандистская

работа представляет собою самостоятельное направление деятельности полиции, но при этом и информационное освещение профессиональной деятельности органов внутренних дел также заключает в себе элемент правового просвещения и пропаганды.

Различие между информационным освещением деятельности органов внутренних дел и информационно-пропагандистской работой полиции в целом заключается, прежде всего, в том, что данные понятия совпадают частично. В каждом из указанных видов деятельности существует целый ряд специфических черт. Эти различия, прежде всего, касаются целей данных видов деятельности. Так, главной целью информационного освещения является предоставление информации о состоянии дел в области противодействия преступности, как в целом, так и в ее конкретных проявлениях. В свою очередь информационно-пропагандистская деятельность предполагает как у сотрудников органов внутренних дел, так и в широких слоях населения повышение степени правосознания. Вместе с тем, сказано между этими двумя видам деятельности существует и целый ряд общих черт.

Если же попытаться выразить существенное различие между этими видами деятельности органов внутренних дел, то следует подчеркнуть, что первое имеет преимущественно познавательный, а вторая ценностный характер. Как уже было сказано к числу них следует отнести ограждения сотрудников органов внутренних дел и граждан «…от потоков специально распространяемой антигосударственной и лженаучной информации, она имеет своей целью максимально нивелировать любые попытки воздействия на сознание сотрудников…»[1].

Рассмотрение органов внутренних дел в качестве субъекта формирования образа сотрудника ГУПЭ МВД РФ был бы не полным без освещения самого механизма данного процесса. В наиболее лаконичной форме данный процесс представлен в научно-исследовательской статье Д.Г. Передня «Технология формирования имиджа органов внутренних дел». В данной статье

[1] Большаков Е.А. К вопросу об информационно-пропагандистской работе в подразделениях системы МВД России и путях ее совершенствования // Академическая мысль. 2018. № 3(4).

процесс формирования медийного образа представлен следующим образом: «в концептуальном плане имидж органов внутренних дел представлен на трех уровнях: мифологическом, виртуально-стереотипном и предметном. Что касается технологического подхода к формированию имиджа, то он должен осуществляться посредством:

– сегментирования социальных субъектов;

– позиционирования органов внутренних дел и результатов их деятельности;

– конструирования имиджа организации и услуг, ею предоставляемых;

– укоренения имиджа в массовом сознании через придание органам внутренних дел устойчивой популярности в различных слоях общества.

Понимание такой очередности позволяет исследователю алгоритмизировать процесс, т. е. сформулировать те предписания, которые при их последовательном осуществлении позволяют преобразовать исходное состояние объекта в заданное. Это и будет составлять основную суть технологии формирования имиджа органов внутренних дел»[1].

Завершая краткий анализ деятельности органов внутренних дел по формированию образа сотрудника ГУПЭ МВД РФ необходимо подчеркнуть, что он является средством оказания воздействия на общественное сознание. Такого рода воздействие в конечном итоге нацелено либо на поддержание положительного образа полицейского сформировавшегося в обществе либо на его трансформацию в положительную сторону. Таким образом, медиа образ сотрудника ГУПЭ МВД РФ, формируемый органами внутренних дел, является не самоценным феноменом, а элементом социально-коммуникативного процесса, протекающего между правоохранительной системой и одной стороны и с институтами гражданского общества с другой стороны.

[1] Передня Д.Г. Технология формирования имиджа органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1(37).

Гончарова Виктория Аркадьевна,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России,
кандидат философских наук

Борисова Светлана Викторовна,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России,
кандидат философских наук

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СВЕТЕ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

Языковая политика Великобритании долгое время выступала в качестве инструмента для реализации колониальных и империалистических идей.

Лингвист Роберт Филлипсон подробно писал о лингвистическом империализме, утверждая, что язык и управление им тесно связаны с формами власти, такими как империя[1].

Почти повсеместное распространение английского языка во многих странах, особенно в бывших колониях Британии, свидетельствует об этой связи и указывает на роль английского языка как языка, навязанного империалистической страной.

Эта связь между языком и империей нашла отражение в пресс-релизе Гордона Брауна за 2008 год, опубликованном после его первого визита в Китай и Индию в качестве премьер-министра, когда он настаивал на дальнейшем распространении изучения английского языка, чтобы сделать его глобальным, приоритетным языком[2].

Довольно иронично он сформулировал это как «новый подарок миру». В последние годы этот «подарок» наряду с британской языковой политикой в более широком смысле стал частью государственной стратегии противодействия экстремизму.

---

[1] Linguistic Imperialism / R. Phillipson. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/31837620_Linguistic_Imperialism_R_Phillipson (дата обращения: 27.10.2022).

[2] Gordon Brown Press Release. URL: https://www.politics.co.uk/ news/2008/01/17/brown-pushes-english-as-global-language/?cmpredirect (дата обращения: 27.10.2022).

Через несколько дней после выхода документа по превентивным мерам борьбы с экстремизмом в 2015 году, представляя МВД Великобритании, Тереза Мэй установила связь между языком и противодействием экстремизму: «Правительство в одиночку не может победить экстремизм, поэтому нам также необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы укрепить потенциал гражданского общества по выявлению, противостоянию и победе над экстремизмом, где бы мы его ни обнаружили.

Мы хотим пойти дальше, чем когда-либо прежде, помогая людям из изолированных сообществ играть полноценную и плодотворную роль в британской жизни.

Мы планируем поэтапное изменение того, как мы помогаем людям изучать английский язык. Будут введены новые стимулирующие меры и штрафы, резко сократится финансирование переводческих услуг и значительно увеличится финансирование обучения английскому языку»[1].

Слова Мэй подразумевали, что изучение английского языка в сочетании с отказом от других языков может служить средством исправления положения для предотвращения экстремизма.

Здесь есть два основных момента, касающихся языка, которые заложили основу британской политики в этом вопросе и вышли на первый план. Во-первых, как поощрение, так и навязывание изучения английского языка; во-вторых, активное воспрепятствование многоязычию в общественных местах, где настойчиво предлагались бы услуги перевода.

Хотя Мэй прямо не обрисовала важность этой взаимосвязи между языком и противодействием экстремизму, ее слова, тем не менее, подразумевают, что изучение английского языка в сочетании с отказом от других языков может служить средством предотвращения экстремизма.

Эта взаимосвязь стала более очевидной в 2016 году после двух значительных событий, которые можно трактовать как национализм. В январе этого же года действующий премьер-

[1] Theresa May 2015 speech: https://www.gov.uk/government/speeches/a-stronger-britain-built-on-our-values (дата обращения: 27.10.2022).

министр Дэвид Кэмерон объявил о выделении 20 миллионов фунтов стерлингов на обучение английскому языку мусульманских женщин.

Вслед за этим Кэмерон заявил, что неговорящие на английском языке граждане представляют угрозу для Великобритании: «Если вы не умеете говорить по-английски, не способны интегрироваться, вы можете обнаружить, что у вас возникают проблемы с пониманием вашей идентичности, и поэтому вы можете быть более подвержены экстремистским настроениям и попадать под влияние такого рода информации»[1].

Дальнейшее развитие подобные идеи получили в обзоре Кейси, опубликованном в декабре 2016 года, что однозначно укрепило позиции английского языка как маркера интеграции[2].

Подчеркнув низкий уровень грамотности по английскому языку среди выходцев Южной Азии, в частности бангладешцев и пакистанцев, в докладе рекомендовалось пропагандировать английский язык как средство якобы улучшения интеграции.

Языковая политика в то время включала не только внедрение определенных стратегий для поощрения изучения английского языка, но и одновременно служила средством сдерживания многоязычия путем отказа в услугах переводчика.

Для реализации своих целей правительство Великобритании запустило в сентябре 2018 года «Программу изучения английского языка в интегрированных сообществах», в 2020 году – проект «Английский для носителей других языков (ESOL) для фонда интеграции», в которых была отражена взаимосвязь между интеграцией и противодействием экстремизму.

В обоих документах слово «экстремизм» включено в качестве краткого примечания, в котором излагаются предполагаемые преимущества изучения английского языка. Эти незаметные следы экстремизма в языковой политике демонстрируют скрытое распространение противодействия экстремизму, которое находится в пределах пространств и

[1] Cameron’s words on English and susceptibility to Daesh 2016: https://www.theguardian.com/politics/2016/jan/18/david-cameron-stigmatising-muslim-women-learn-english-language-policy (дата обращения: 27.10.2022).

[2] The Casey review 2016: https://www.gov.uk/government/publications/the-casey-review-a-review-into-opportunity-and-integration (дата обращения: 27.10.2022).

политики, которые правительство в противном случае могло бы попытаться отрицать. Другими словами, противодействие экстремизму вездесуще, даже если оно закодировано с помощью тонкого языка.

По сути, языковая политика, осуществляемая Великобританией и странами с подобной идеологией, не только не поддерживает языковое разнообразие, а скорее, в истинно колониальной форме стремится контролировать выбор языка путем скрытого и неявного преследования этнических языков, что создает угрозу безопасности.

Желание лишить этнические сообщества их языков в обмен на английский, чтобы построить более «интегрированную» Британию и обуздать экстремизм, явно свидетельствует о происходящем процессе обеспечения безопасности посредством лингвистических мер.

Однако стоит отметить, что в 2015 году Скотланд-Ярд добавил владение вторым языком в качестве нового критерия при наборе новых полицейских констеблей в Лондоне, причем 8 из 14 предпочтительных языков в списке были языками, связанными с этническими сообществами (арабский, бенгальский, немецкий, греческий, иврит, хинди, итальянский, польский, португальский, пенджабский, сингальский (Шри-Ланка), испанский, турецкий, или йоруба (Нигерия)[1].

Языковая политика Великобритании развивается не так интенсивно. Хотя это не было напрямую связано с противодействием экстремизму и борьбой с терроризмом, она движется в тесном соприкосновении с этими стратегиями, демонстрируя, насколько обширна и запутана паутина войны с терроризмом.

Однако в связи с тем, что в октябре 2022 года в Соединенном королевстве впервые в истории премьер-министром, определяющим стратегическое развитие государства, стал индуист Риши Сунак, предками которого были пенджабцы - выходцы Британской Индии и чьи родители в начале прошлого века мигрировали в одну из колоний Великобритании в Африке, дальнейшая судьба языковой политики и отношения к этническим сообществам остается в этой стране пока не ясной.

[1] Met police second language: https://www.theguardian.com/uk-news/2015/jul/20/police-constables-second-language-metropolitan-pilot-scheme (дата обращения: 27.10.2022).

Седых Александр Вячеславович,
заместитель командира батальона
по военно-воспитательной работе
Краснодарского высшего военного училища
им. генерала армии С.М. Штеменко,
соискатель ученой степени кандидата педагогических наук

Иванов Павел Владимирович,
заместитель командира батальона
по военно-воспитательной работе
Краснодарского высшего военного училища
им. генерала армии С.М. Штеменко,
соискатель ученой степени кандидата педагогических наук

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Профилактика проявлений экстремизма и распространение экстремистской идеологии среди обучающихся ведомственных образовательных организаций в настоящее время является одним из наиболее актуальных вопросов всей системы педагогического воздействия на формирующуюся личность будущего гражданина. Это связано, в первую очередь, с появлением новых форм экстремистской деятельности в современном обществе, усложнением системы распространения радикальных идеологий, а также с тем, что коллектив обучающихся ведомственной образовательной организации зачастую представляет собой смешанный коллектив, состоящий из представителей различных национальностей, культур, конфессий.

В силу этого возникает опасность развития нетерпимого отношения одних обучающихся к другим, которое возникает из личной неприязни и перерастает в форму радикального неприятия представителей конкретной культуры и национальности.

Обращаясь к уже существующим исследованиям, посвященным разработке наиболее эффективной методики

профилактики экстремизма среди обучающихся, отметим, что большинство их них имеет общий характер и не учитывает специфику личностных черт обучающихся ведомственных образовательных учреждений. Так к теме профилактики экстремизма в среде образовательных организаций обращались Батюкова В.Е., Козлов А.В., Иерусалимцева О.В., Морозова С.В.

В своих исследованиях ими не были учтены особенности, которые формируются засчет того, что ведомственные образовательные организации различного уровня – от кадетского училища до университета – реализуют образовательный процесс в совокупности с совмещением отдельных аспектов ведомственной службы – исполнение ритуалов, субординация по отношению к старшим по званию и должности, несение службы в суточных нарядах и т. д. В связи с этим и с уже указанными выше особенностями коллективов обучающихся таких образовательных организаций вопрос о разработке эффективной методики профилактики экстремизма с учетом всей специфики образовательного процесса в ведомственных учебных учреждениях представляется нам актуальным.

В целом следует отметить, что педагогический аспект профилактики экстремизма среди обучающихся представляет собой совокупность психологических, культурологических, правовых и социологических методов ограждения уязвимого сознания молодых людей от проникновения в него идей радикального характера. Это обусловлено как сущностью педагогики –целенаправленного процесса, так и особенностями экстремизма как социального явления.

Следует отдельно отметить, что молодежный экстремизм является его специфической формой, обладающей собственной характеристикой. Мы можем определить молодежный экстремизм как социальное явлением, характеризующееся проявлением среди молодых людей протеста в отношении выполнения ими социальных правил поведения, игнорирования механизма социального взаимодействия и законопослушного поведения. Чаще всего данные признаки проявляются в деструктивных молодежных объединениях, пропагандирующих одну или несколько радикальных идей. Основной чертой молодежного экстремизма является использование его

приверженцев в реализации экстремистских акций, направленных на подрыв морального, политического, экономического и правового благополучия общества.

«Уязвимость современного молодого поколения объясняется склонностью к повышенному эмоционально-чувственному освоению существующей социальной реальности, отсутствие должного жизненного и профессионального опыта, сочетающегося с социально-экономическими, социокультурными и политическими катаклизмами. В свою очередь, это провоцирует появление и распространение протестных настроений среди молодых людей, формирующих в массовом молодежном сознании элементы экстремальности. Такие элементы могут, обнаруживаются в различных противоправных формах социальной практики»[1] – отмечают Чудина-Шмидт Н.В., Литвинова О.С. Обучающиеся ведомственных учреждений в силу своих социально-психических особенностей также могут оказаться под влиянием указанных элементов, что повышает уровень общественной опасности распространения экстремизма среди них в силу того, что выпускники ведомственных образовательных учреждений априори ассоциируются у социума как образцы социально приемлемого поведения. Таким образом, педагогический аспект профилактики экстремизма в исследуемых нами условиях также носит комплексный характер с учетом специфики данной образовательной среды.

Мы можем выделить следующие направлений педагогической профилактики в рассматриваемом нами контексте.

Во-первых, это создание безопасных психологических условий образовательного процесса, которые заключаются в соблюдении уважительного отношения к личности обучающегося, его правам, потребностям. Безопасные психологические условия должны распространяться на весь коллектив обучающихся вне зависимости от их национальной принадлежности или от национальности педагога. В условиях

[1] Чудина-Шмидт Н.В., Литвинова О.С. Склонность молодежи к проявлению экстремистских взглядов как признак роста антигуманистических идей // Архонт. 2020. № 6(21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sklonnost-molodezhi-k-proyavleniyu-ekstremistskih-vzglyadov-kak-priznak-rosta-antigumanisticheskih-idey (дата обращения: 27.11.2022).

ведомственного образовательного учреждения создание психологически безопасных условий образовательного процесса позволяет также избежать развития у обучающихся ранних стадий профессиональной безопасности.

Во-вторых, это развитие у обучающихся активной гражданской позиции, выражающейся в уважении и соблюдении закона и социальным нормам поведения. Данное направление активно действует в ведомственных образовательных организациях посредством осуществления целенаправленного правового просвещения и правовой социализации обучающихся, воспитания у них чувства патриотизма и определения себя как гражданина России с помощью соответствующих воспитательных мероприятий, но, к сожалению, в условиях гражданских образовательных учреждений находится только на начальном этапе развития. В связи с этим считаем эффективным осуществление обмены педагогического опыта между ведомственными и гражданскими образовательными учреждениями по поводу методик проведения патриотической работы.

В-третьих, особое внимание в рамках педагогического процесса необходимо уделять изучению нормативно-правовой базы противодействия экстремизму. К основным документам относятся: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и локальные акты учебного заведения.

В-четвертых, свою эффективность доказывает проведение с обучающимися ведомственных учреждений занятий по изучению культуры и традиций членов образовательного коллектива, представляющих различные национальности.

В-пятых, особую значимость в педагогической профилактике экстремизма имеет разъяснение опасности данного социального явления, изучение способов вербовки экстремистов и распространения экстремистской идеологии, что позволяет разъяснить обучающимся не только профессиональную сторону их возможной будущей деятельности, но и сформировать у них умения самостоятельной психологической защиты от влияния радикальных идей.

Таким образом, указанные направления педагогической профилактики экстремизма в ведомственных образовательных учреждениях в целом ориентированы на воспитание психически уравновешенных, адаптированных к социальным условиям обучающихся, способных самостоятельно противостоять распространению экстремизма в обществе.

Следует отметить, что, несмотря на общность педагогических методов осуществления профилактики экстремизма среди обучающихся, психологи и педагоги ведомственных учебных заведений должны в полной мере осознавать специфику условий осуществления образовательного процесса, в которых находятся их воспитанники. В связи с этим важно не только избирательно подходить к вопросу применения тех или иных методов, но и учитывать указанные нами особенности при их реализации.

Смирнова Лада Ярославовна,
начальник кафедры социально экономических
и гуманитарных дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук

Маркин Данила Олегович,
курсант 1-го курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИИ

В настоящее время проблема, связанная с террористической угрозой для нашего государства, наиболее актуальна. На протяжении всей истории России осуществляется противодействие организованному терроризму как внутри страны, так и за ее пределами. Сравнивая количество террористских актов с 2003 и

2018 годом, общее количество терактов уменьшилось примерно в 17 раз[1]. Это говорит о проведении серьезной и грамотной антитеррористической политики нашего государства. При противодействии терроризму, Россия сталкивается с проблемами, которые вынуждена решать любыми доступными методами.

Россия еще в 1994-1996 годах ввела войска на территорию самопровозглашенной Республики Ичкерия в рамках сохранения конституционного строя и государственной целостности Российской Федерации. Именно здесь Россия впервые столкнулась с первыми на своем пути проблемами в борьбе с терроризмом. Еще до начала Российской Федерацией военных действий в Чечне, республика была фактически профинансирована Турцией в 1991 году. Тогда в руки сепаратистов попала партия автоматического оружия, а с 1995 года, один из руководителей самопровозглашенной республики Ичкерии, и вовсе наладил поставки иностранного оружия и боеприпасов для формирования отрядов боевиков. Проблема финансирования террористических государств и движений Западом – одна из самых серьезных в рамках борьбы с терроризмом.

С 1999 по 2009 Российская Федерация проводила контртеррористическую операцию на территории Чечни, где помимо проблемы помощи западных «партнеров» сепаратистам в вооружении, возникали и другие трудности. Запад прекрасно понимал, что чем дольше идет военная операция в Чечне, тем больше это ослабляет Россию и влекло за собой потери сферы влияния на Северном Кавказе.

Главная проблема в борьбе с терроризмом является фактическая невозможность искоренить его, в первую очередь, в силу религиозных причин. Любую религию можно «подогнать» и подстроить под любые идеи, чем и пользуются боевики. Суть заключается в убийстве «неверных» в рамках священного писания. Боевики, чаще всего, люди неграмотные и легко управляемые, не читавшие Коран вовсе или читающие сектантскую литературу. Руководствуясь ложными убеждениями,

[1] Справочник патриота, статистика: численность терактов в России. URL: https://ruxpert.ru (дата обращения: 29.10.2022).

осуществляют террористическую деятельность. Помимо этого, лидеры боевиков – как правило очень сильные психологи. Фактически ломая психику человека, они настраивают его к готовности умереть за мнимую идею. Множество случаев, когда в ряды Исламистов попадали совершенно непричастные ранее к подобному роду активности люди: студенты, школьники, беременные женщины и даже инвалиды. Методом вербовки подвергались психологическому воздействию, «обрабатывались», получали инструкции и подготавливали террористические акты.

В качестве примера рассмотрим психологический портрет Шамиля Басаева. Для того, чтобы убеждать других в своей правоте, необходимо самому верить в свои идеи. Басаев был фанатиком своего дела. Помимо этого, должна была быть личная неприязнь к России, что и была у него. Изначально, Басаев не поступил в Московский Государственный Университет на юриста. А поступив в МИИ (Московский институт инженеров землеустройства), был отчислен. Басаев тяжело переживал войну на своей Родине, особенно после ряда успешных действий России во второй чеченской компании. И основным требованием Басаева было именно прекращение войны на территории Чечни, ее провозглашение как суверенного государства, вывод российских войск. Всю свою жизнь он ненавидел все русское, и в совокупности данные факторы повлияли на формирование Басаева как личности. Он знал, как и за что зацепить любого, как «правильно» настроить здорового человека, не говоря про людей с еще не устоявшейся психикой. И так, подошли к еще одной проблеме – постоянная грамотная вербовка кадров, сильное психологическое воздействие на личность. Тяжело бороться с терроризмом в стране, когда каждый день есть добровольцы, вступающие в ряды террористических организаций.

Борьба с терроризмом в нашей стране стала особенно актуальна в наши дни. В ходе проведения специальной военной операции на территории Украины с целью ее денацификации и демилитаризации, украинская сторона массово, при поддержке Западных стран, начала подготовку террористических актов на территории Российской Федерации. Причем обвинения в свою сторону особо и не отрицают. Только по официальной информации, ФСБ предотвратила более десятка терактов,

готовившиеся под руководством СБУ[1]. Выделяя из совершившихся, нельзя не вспомнить теракт на Крымском мосту, где произошел подрыв грузового автомобиля, который стал причиной возгорания семи топливных цистерн и обвала нескольких пролетов автомобильной дороги. По официальной версии СК РФ террористический акт готовился заранее сотрудниками СБУ.

Еще одна проблема в борьбе с терроризмом является отсутствие жестких мер в Уголовном Кодексе Российской Федерации. Под жесткими мерами имеется в виду отсутствие смертной казни в исключительном порядке для лиц, осуществляющих террористическую деятельность против Российской Федерации и ее народа. Согласно 205 статьи УК РФ «Террористический акт», пожизненное лишение свободы подразумевается лишь в некоторых случаях. Для эффективной борьбы с терроризмом необходима в том числе эффективная система наказаний «наказать, чтобы впредь неповадно было». На примере единственного взятого живого террориста при освобождении заложников в Беслане, 2004 году, Нурпаши Кузяева, получившего пожизненный срок лишения свободы. Это поднимает этическую проблему в обществе, гуманности и целесообразности столь снисходительных мер по отношению к террористам.

Проблема в борьбе с терроризмом возникает также из-за неосведомленности общества, люди привыкли чувствовать себя в безопасности, быть уверенными в завтрашнем дне. Недостаточно в освещении проблемы терроризма в образовательных организациях всех уровней, практически отсутствие направленной работы с обществом о примитивных мерах безопасности в местах массовых скоплений людей.

Профилактика должна проводиться по следующим направлениям:

[1] Роман Шимаев: Преступления по заданию СБУ: ФСБ предотвратила диверсионно-террористические акты в Московском регионе и Брянске. URL: https:// russian.rt.com/russia/article/1060207-fsb-terakt-bryansk-diversant-ukraina (дата обращения: 29.10.2022).

1. Повышение государственного контроля за соблюдением административных, правовых норм, способствующих противодействию терроризму.

2. Защита потенциальных объектов, подверженных к террористическому акту.

3. Организация идеологии, препятствующей появлению терроризма.

Таким образом, терроризм несет в себе разрушительное влияние на все сферы общества. В первую очередь он затрагивает социальную сферу, так как страдают именно люди. Экономическая сфера также несет убытки. Теракты в общественных местах губительно влияют на инфраструктуру государства, работу предприятий, общественных мест. Страдает и политическая сфера, так как государство выступает как пострадавшая сторона, теряет международный авторитет и репутацию, так как государство оценивают также и потому, как оно может защитить своих граждан, то, как работают правоохранительные органы, эффективность их средств и мер по противодействию терроризму. И наконец, страдает духовная сфера общества. Люди легко поддаются паники, моральное состояние общества снижается, пропадает уверенность в собственной безопасности.

Наше государство на современном этапе ведет эффективную борьбу с терроризмом как внутри государства, также на территории Украины, которая стала фактически рассадником боевиков. Поэтому специальная военная операция жизненно необходима для обеспечения безопасности Российской Федерации, для сохранения ее суверенитета, для того, чтобы не допустить формирование террористического государства около границ с Россией. Ведь противодействие терроризму – не только борьба с ее внутренними угрозами, это также противодействие терроризму за ее пределами. На данный момент в ряде пограничных субъектах нашего государства веден средний уровень готовности, а в некоторых и вовсе военное положение. Это можно воспринимать в том числе как меру противодействия терроризму. При таких условиях ограничен въезд и выезд из региона, а все мероприятия, общественные места находятся под особым контролем. Все ранее перечисленные проблемы активно

и эффективно решаются Российской Федерацией. Уровень терроризма в стране низкий, даже несмотря на нынешнюю опасную обстановку.

Матчанов Алимжан Атабаевич,
начальник кафедры
организационно-штабной деятельности
Академия МВД Республики Узбекистан,
доктор юридических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ В АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиеев Указом от 1 июля 2021 года (УП-6255) утвердил Национальную стратегию Узбекистана по противодействию экстремизму и терроризму на 2021−2026 годы и «дорожную карту» по ее реализации. В документе было отмечено, что целью стратегии является обеспечение эффективной и скоординированной государственной политики по противодействию экстремизму и терроризму, позволяющей защитить конституционный строй Республики Узбекистан, обеспечить национальную безопасность, а также права и свободы граждан в данной сфере.

В стратегии отмечается, что опыт Узбекистана в противодействии экстремизму и терроризму, а также анализ ситуации в области борьбы с этими угрозами в государствах региона показывают, что экстремистская и террористическая деятельность осуществляется, в основном, под прикрытием националистических, социальных, религиозных и других радикальных политических идей.

Приоритетными направлениями данной стратегии определены: пропаганда идеологии патриотизма, традиционных ценностей и толерантности для предупреждения распространения идей экстремизма и терроризма. В ней также были определены следующие направления: предупреждение распространения

среди несовершеннолетних и молодежи идей экстремизма и терроризма; защита прав женщин и усиление их роли в противодействии экстремизму и терроризму; защита граждан, длительное время пребывающих за рубежом, от воздействия идей экстремизма и терроризма; противодействие использованию интернета в экстремистских и террористических целях; привлечение институтов гражданского общества и СМИ к противодействию экстремизму и терроризму; совершенствование мер правового преследования и ответственности за совершение экстремистских и террористических действий, а также их финансирование; совершенствование нормативно-правовой базы в сфере противодействия экстремизму и терроризму; развитие международного и регионального сотрудничества в этой сфере.

До этого нормативного акта был принят Указ Президента Республики Узбекистан от 26 марта 2021 года № УП-6196 «О мерах по поднятию на качественно новый уровень деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью», которым была утверждена Концепция организации духовно-просветительской работы в органах внутренних дел.

Данным документом, на основе приоритетных направлений и основных принципов работы в данной сфере были определены, задачи, связанные с повышением уровня общего мировоззрения, политического сознания, духовного и интеллектуального потенциала всех сотрудников органов внутренних дел (далее ОВД), укреплением у них патриотизма, высокой ответственности, гордости и преданности своей профессии.

Принятая Концепция отображает приоритетные направления деятельности органов внутренних дел, связанные с дальнейшим совершенствованием системы эффективной организации духовно-просветительской работы на основе национальных и международных правовых норм, укреплением духовного потенциала, идеологического иммунитета сотрудников, чувства сопричастности с судьбой и будущим Узбекистана.

По мнению И.Т. Тургунова существует неразрывная связь понятия «культура прав человека» с сочетающимися терминами

«культура» и «правоведение», а именно, общесоциальной культурой, правовой культурой, культурой прав человека[1].

Вышесказанное непосредственно связано с правоохранительной деятельностью органов внутренних дел, которые при выполнении своих профессиональных обязанностей по защите прав и свобод человека основывают свою деятельность на принципах духовно-просветительской работы. Основная сущность и содержание данной деятельности состоят в формировании у сотрудников таких качеств, как патриотизм, самоотверженность, преданность и честность.

Одним из видов правонарушений, направленных на подрыв общественного порядка, является экстремизм в его крайних формах. Органы внутренних дел противостоят проявлениям экстремизма и им необходимо приобретать необходимые знания в данной сфере, приобрести соответствующий иммунитет. В этом отношении духовно-просветительская работа является одним из важных условий. В сущности, экстремизм, можно охарактеризовать как выражение крайних форм действий, направленных на дестабилизацию общественно-политической обстановки, насильственное изменение конституционного строя, насильственный захват власти и присвоение ее полномочий, возбуждение национальной, расовой, этнической или религиозной вражды[2].

Экстремизм включают несколько взаимосвязанных элементов: идеологию (теории, концепции, идейно-политические платформы); структуру (международные и национальные террористические организации, экстремистские – правые и левые, националистические, религиозные и другие общественные организации, структуры организованной преступности и т. п.), а также собственно экстремистскую практику.

Экстремизм проявляется в изготовлении, хранении, распространении или демонстрации материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку, а также изготовление, хранение, распространение или

[1] Тургунов И.Т. Повышение культуры прав человека у сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дис. …док. юрид. наук. Т., 2017. С. 39.

[2] Закон Республики Узбекистан от 30 июля 2018 г. «О противодействии экстремизму» Национальная база данных законодательства. 31.07.2018 № 03/18/489/1593.

демонстрация атрибутики или символики экстремистских организаций[1].

Основными задачами организации духовно-просветительской работы в ОВД являются воспитание физически развитых и духовно зрелых, образованных, честных, патриотичных, отважных и смелых сотрудников, обладающих высокой профессиональной подготовкой. Они должны иметь активную жизненную позицию, повышать свой интеллектуальный потенциал и ответственность за судьбу Родины. Кроме этого, они должны постоянно совершенствовать в себе идеологический иммунитет против идейных и различных информационных угроз. Это в полной мере относится к подготовке кадров в образовательных учреждениях ОВД.

Духовно-просветительская работа по противодействию экстремизму в ОВД организуется в соответствии с законами Республики Узбекистан, постановлениями палат Олий Мажлиса, указами, постановлениями и распоряжениями Президента Республики Узбекистан, постановлениями Кабинета Министров и нормативными актами Министерства внутренних дел. Данная работа осуществляется для всех структурных подразделений ОВД, в том числе и для образовательных учреждений, среди которых особое место занимает Академия МВД Республики Узбекистан (далее Академия).

Курсанты и слушатели Академии получают соответствующую подготовку по необходимым учебным программам, в которых предусмотрены элементы как учебной, так и духовно-просветительской работы по противодействию проявлениям экстремизма. Структура профессионально-прикладной, духовно-воспитательной подготовки обучающихся в Академии предполагает их интегрирование в общепризнанную образовательную систему на основе принятых в мировой практике форм и методов обучения и воспитания. Изучение передовых методов и педагогических технологий, а также их

[1] О совершенствовании порядка освобождения от уголовной ответственности граждан Республики Узбекистан, по заблуждению оказавшихся в составе террористических, экстремистских или иных запрещенных организаций и групп: уголовный кодекс Республики Узбекистан и Указ Президента Республики Узбекистан от 19.09.2019 № УП-5542.

применение, имплементации к условиям нового Узбекистана позволит совершенствовать и обеспечить наиболее оптимальную систему подготовки и профессионального обучения кадров для ОВД. Профессионально-прикладная и духовно-просветительская подготовка – это совокупность методов составляющих целевую подготовку курсантов и слушателей, направленных на развитие и совершенствование профессионально-духовных качеств, а также воспитание у них преданного, самоотверженного и добросовестного выполнения гражданского долга и обязательств.

В процессе обучения курсанты и слушатели изучают различные стороны противодействия экстремизму. Они получают знания о механизме функционирования экстремистской деятельности, выезда лиц за границу или передвижения через территорию Республики Узбекистан для участия в экстремистской деятельности, прямое или косвенное предоставление либо сбор любых средств, ресурсов, иных услуг экстремистским организациям или лицам, содействующим или участвующим в экстремистской деятельности.

Кроме этого они, в процессе обучения приобретают сведения об экстремисте как лице, участвующем в экстремистской деятельности и об экстремистской группе осуществляющие по предварительному сговору экстремистскую деятельность либо покушение на ее осуществление. Так они должны знать необходимые сведения об экстремистском материале представляющей собой предназначенный для распространения документ или иная информация на любом носителе, публично призывающая к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающая или публично оправдывающая необходимость осуществления такой деятельности.

Анализ образовательного и учебно-воспитательного процесса показывает, что указанная подготовка курсантов и слушателей является неотъемлемой составляющей профессионального образования, которая формирует и развивает прикладные практические, духовно-просветительские знания,

умения, навыки, способности и качества специалиста правоохранительной сферы[1].

Рассмотрение структуры и содержания обучения и воспитания в процессе духовно-просветительской работы позволило заключить, что одной из важнейших проблем в данной сфере является качество ее кадрового состава[2]. Следовательно необходимо готовить достойные кадры для практических структур ОВД. При этом воспитание, обучение и подготовка курсантов, слушателей Академии МВД и постоянный поиск путей повышения ее качества в вузе, влияют не только на показатели работы учебного заведения, но и в целом на показатели духовно-воспитательной работы в ОВД.

Понятие качества духовно-просветительской работы с курсантами и слушателями в противодействии экстремистской угрозе характеризует уровень и содержание данного процесса, ориентированного на требования практики и развитие личности будущего специалиста, а также подчеркивает важность для воспитательного аспекта учебной среды, которая их окружает. Повышение качества духовно-просветительской работы может осуществляться, с одной стороны, за счет совершенствования процесса преподавания, овладения знаниями, с другой – за счет глубоко продуманной воспитательной работы проводимой среди курсантов и слушателей.

Следовательно, наряду с организацией качественной профессиональной подготовки по противодействию экстремизму и терроризму с курсантами и слушателями проводится комплексная духовно-просветительская работа. И для совершенствования данной сферы и была принята указанная выше Концепция по организации духовно-просветительской работы в ОВД, а также, важное место в данном аспекте занимает принятое еще в 2017 году Постановление Президента

---

[1] Сандрюкова Е.А. Актуальные вопросы формирования государственного заказа на подготовку специалистов для службы в органах внутренних дел Российской Федерации // Российский следователь. 2012. № 13. С. 42–44.

[2] О совершенствовании порядка освобождения от уголовной ответственности граждан Республики Узбекистан, по заблуждению оказавшихся в составе террористических, экстремистских или иных запрещенных организаций и групп: уголовный кодекс Республики Узбекистан и Указ Президента Республики Узбекистан от 19.09.2019 № УП-5542.

Узбекистана № ПП-3216 «О мерах по коренному совершенствованию системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел»[1], в котором заложила основы механизма духовно-просветительской работы среди личного состава ОВД.

Академия МВД являясь ведующим высшим учебным заведением ОВД готовящим высококвалифицированных офицерских кадров для МВД Узбекистана с присвоением квалификации бакалавриат и магистратура по следующим специальностям по очной форме обучения: следственная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; деятельность по профилактике правонарушений; экспертно-криминалистическая деятельность; исполнение уголовных наказаний, воспитательно-психологическое обеспечение служебной деятельности; организационно-штабная деятельность. В заочной форме обучения – деятельность по предупреждению и раскрытию правонарушений. В магистратуре осуществляется обучение по двум направлениям образования: организационно-тактическое управления и организационно-стратегическое управления с присвоением квалификации юрист-магистр.

Каждый обучающийся в Академии МВД Республики Узбекистан курсант, слушатель в процессе обучения и воспитания должен оправдать оказанное ему доверие, т.е. честно и неустанно работать над собой, быть верным избранной профессии, народу, Президенту, Родине и добросовестно выполнять служебные обязанности. У них должны быть сформированы качества, обеспечивающие уважение прав и свобод граждан и формирование необходимых профессиональных навыков, а также практического опыта для использования их в повседневной служебной деятельности.

Исходя из требований настоящего времени, необходимо отметить, что подготавливаемые сотрудники ОВД в сфере противодействия экстремизму должны быть способны в любых ситуациях исполнять свой служебный долг, завоевывать народное доверие, не допускать злоупотреблений и стать не только высококвалифицированными, высокопрофессиональным

[1] Сандрюкова Е.А. Указ. соч.

кадрами, но и быть духовно, интеллектуально, психологически, политически, идеологически, физически и профессионально зрелыми.

Для формирования у курсантов и слушателей Академии духовной, психологической, политической, идеологической зрелости в противодействии экстремизму необходимо достичь формирования и усвоения ими теоретических знаний, практических навыков и опыта. Кроме того, мероприятия по воспитательной работе, проводимые с курсантами и слушателями оказывают на них непосредственное нравственное воздействие и содействуют формировании у них высоких духовно-нравственных качеств офицера ОВД. Проводимые мероприятия воспитательного характера, с одной стороны, служат выявлению и развитию у курсантов и слушателей таких качеств как преданность и верность своему служебному долгу. Предоставляют возможность предупредить и устранить причины и условия, создающие препятствия для полноценного исполнения ими профессиональных обязанностей.

Основными факторами достижения положительных результатов в сфере формирования и развития у курсантов и слушателей Академии необходимых духовно-нравственных качеств в противодействии экстремизму, привития им профессиональных знаний и навыков, необходимых сотруднику ОВД для успешного выполнения служебного долга, является непрерывность, поэтапность, взаимосвязанность и логическая последовательность духовно-просветительской работы.

Таким образом, на основании проведенного анализа духовно-просветительской работы в Академии МВД Республики Узбекистан, в целях совершенствования данного процесса необходимо осознать, что духовно-просветительская работа по противодействию экстремизму в ОВД является неотъемлемой составляющей профессионального образования курсантов и слушателей. Это формирует и развивает теоретические и прикладные практические знания, умения, навыки, способности и качества высококвалифицированного, преданного своему служебному долгу специалиста в противодействии экстремизму. Содержание духовно-просветительской работы среди курсантов и слушателей Академии должна строиться на основании

инновационных интерактивных педагогических технологий, с использованием достижений научно-технического и информационно-коммуникационного прогресса с учетом формирования многопрофильных умений и навыков будущего офицеров ОВД.

Для повышения уровня духовно-просветительской работы в образовательной системе Академии необходимо введение интерактивных методов преподавания, развивающих коммуникативные качества и умения будущих офицеров ОВД, целенаправленная воспитательная работа с курсантами, слушателями. Следует подготовить и издать учебники, учебные пособия, методические рекомендации и другие виды специальной литературы (в том числе и в электронном виде) нового поколения для целенаправленной, качественной и перспективной духовно-просветительской работы.

Духовно-просветительская работа в органах внутренних дел организуется на основе концептуальной идеи «Преданно служить Родине и народу – наш высший долг!», в которой противодействие экстремизму, укрепление правопорядка, обеспечение общественной безопасности, охрана прав и свобод граждан устанавливаются в качестве приоритетной задачи для органов внутренних дел.

Плотников Владимир Валериевич,
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России,
доктор социологических наук, доцент

Тумин Александр Юриевич,
старший преподаватель кафедры философии
Московского университета МВД России,
кандидат юридических наук

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ КАК ФОРМА РАЗВИТОГО ПАТРИОТИЗМА

Проблема радикализации общества является актуальной для современной России. Зачастую радикализм прикрывается благими целями и идеями, например достижением социальной справедливости и патриотизмом. Мы полагаем, что радикализм, прикрытый идеей патриотизма, является опасным феноменом. Вместе с тем для неразвитого сознания попытка радикального выражения патриотизма зачастую кажется именно той формой проявления любви к Родине, которая наиболее уместна и своевременна. Мы полагаем, что альтернативой радикальному патриотизму является патриотизм развитый, выражающийся в практике служения.

В современной исследовательской литературе существенное внимание уделяется проблеме патриотизма и его значения для стабилизации ситуации в обществе. Рассматривая вопрос о специфике и сущности патриотизма, следует обратить внимание на то, что данная категория во многом носит не проясненный характер и применяется для отражения широкого спектра социально-мировоззренческих установок. На базовом уровне патриотизм понимается, как осознание причастности интересам Отечества и стремление к удовлетворению этих интересов, осознание величия и ценности своего государства и народа и т. д.. Вместе с тем, в такой размытой трактовке под определение

патриотизма подпадает широкий спектр явлений[1], таких как национальная гордость, сопереживание соотечественникам на основании совместной причастности к одной социально-политической системе, неприятие событий и явлений, несущих в себе угрозу интересам страны и проживающего на ее территории населения. Столь многообразная трактовка патриотизма допускает бездействие социального субъекта в вопросах поддержки своей страны, но активное переживание происходящих в ней событий и явлений. В ситуации, когда за основу определения берется установка мировоззрения и наличие в ней ценностного восприятия чего-либо, существует риск формирования завышенных ожиданий на основании неверной трактовки исследуемого явления. В свою очередь, проявления и формы патриотизма в общественной среде могут быть весьма различными, более того – в одних случаях они носят конструктивный характер, в других – нейтральный, а некоторые формы социального поведения, позиционируемые как патриотические, на деле имеют деструктивный характер[2]. Отсюда – постановка вопроса о необходимости развития патриотизма в обществе, на наш взгляд, требует конкретизации, связанной с пониманием того, какого рода патриотизм необходимо развивать для повышения социального благополучия. По этой причине мы хотели бы обратить внимание на сложность и неоднозначность патриотизма как установки социального мировоззрения, опираясь на два теоретических подхода: ценностный и структурно-функционалистский.

Будучи формой мировоззрения, патриотизм включает в себя несколько различных компонентов: ценностный, оценочный, идентификационный, ответственный за целеполагание и социальную активность. Данные аспекты патриотического мировоззрения имеют различную функциональную

[1] Ефименко Н.А. Формирование патриотической культуры российского общества: методологические подходы // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1. С. 107–108.

[2] Красноштанова Н.Н. Социально-психологическая сущность экстремизма и особенности его проявления в российской молодежной среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4(75). С. 22–26.

определенность и разным образом проявляются в социальной активности субъекта. Рассмотрим их по порядку.

Ценностный аспект мировоззрения определяет то, какие области действительности воспринимаются субъектом в качестве значимых, а какие, в свою очередь, оцениваются как незначительные (нейтральное отношение) и неприемлемыми (значимо-негативная оценка). Ценности как элемент мировоззрения расставляют приоритеты личности и определяют цели человека. И в данном контексте наличие четко выраженного ценностного восприятия какой-либо сферы с высокой долей вероятности определяет приложение человеком к данной сфере своих личных ресурсов. Иными словами, важность присутствующих на уровне социальной действительности объектов и явлений определяет то, каким образом мы склонны взаимодействовать с ними и насколько этот момент взаимодействия является приоритетным. В данном контексте необходимо понимать, что ценностное отношение к тому или иному объекту действительности может сосуществовать с иными ценностными ориентациями. В такой ситуации конечный выбор точки приложения социальной активности во многом оказывается продиктован тем, насколько высокое положение занимает конкретная мировоззренческая установка в его системе ценностей. По этой причине, рассматривая тематику патриотизма, очень важно различать между собой *наличие ценностного восприятия* интересов Родины и *приоритетный характер* интересов Родины в мировоззрении человека. В первом случае человек может действительно считать важным развитие своего государства и благополучие его народа, однако это понимание может пребывать на уровне «не против, чтобы было так» или «буду рад, если будет так» без осознания необходимости самостоятельно действовать на благо своего народа.

Что касается оценочного аспекта патриотизма, следует отметить, во-первых, что всякая социальная оценка базируется на существующей в мировоззрении человека системе ценностей и, во-вторых, что процесс оценивания представляет собой сопоставление конкретных объектов, явлений и ситуаций с теми

идеальными критериями, которые присутствуют на уровне мировоззрения субъекта. Оценочная деятельность с точки зрения патриотических ценностей – это проверка действительности и, в первую очередь, поведения других социальных акторов на предмет соответствия им. И в данном контексте важными являются два момента: во-первых, оценочная деятельность сама по себе не является основанием для действия, она, в первую очередь, определяет отношение субъекта к отдельным явлениям социальной действительности. И, во-вторых, оценка с позиции патриотических ценностей может быть направлена как вовне, так и на самого субъекта социальных отношений. В ряде случаев это связано с представлением о значительном вкладе другого человека или группы лиц в общественное благополучие или, напротив, их ответственности за его нарушение. В последнем случае наличие патриотических установок и их применение в качестве критерия социальной оценки может послужить основанием для социального конфликта.

Что касается идентификационного аспекта патриотического сознания следует обратить внимание на то, посредством обращения к каким идеям, группам и областям общественных интересов человек идентифицирует себя. В данном контексте целесообразно обратиться к идеям Р. Мертона[1], обратившего внимание на то, что статусно-ролевая определенность субъкта, то есть то, какую роль в данный конкретный момент выполняет человек, влияет на реализуемые им модели и практики поведения. И в данном отношении срабатывает принцип, сходный с иерархическим соотношением ценностных ориентаций: преобладающая форма социальной идентификации определяет цели человека и его представления о приемлемых и целесообразных формах поведения.

В совокупности приведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что патриотическое мировоззрение может иметь латентный характер или, напротив, проявляться в поведении социального субъекта, его краткосрочном и долгосрочном

[1] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

социальном целеполагании – и это тот аспект, который определяет подчиненность действий человека интересам общественной системы, в которую он включен. Таким образом, неоднородность патриотизма как формы социального мировоззрения определяет крайне неоднородный характер его проявления на практике и, соответственно, воздействия на систему социальных отношений. В условиях, когда патриотизм проявляется в наличии позитивных ценностных установок, отражающих заинтересованность социального субъекта в благополучии его народа и государства, еще рано говорить о том, что его действия подчинены данной установке, как минимум, в силу того, что другие социальные установки (например, на достижение индивидуального благополучия, реализацию интерессов семейной группы, этнической общности) могут иметь для социального субъекта приоритетный характер. Как результат – человек, в целом, заинтересован в том, чтобы его народ был благополучен, но в большинстве случаев подобного рода заинтересованность не оказывает влияние на его социальную активность, проявляясь, преимущественно, в осуществлении человеком социальных оценок. Совершенно иная ситуация имеет место в случае, когда патриотические ценности имеют для социального субъекта приоритетный характер, а гражданская самоидентификация, в свою очередь, приоритетна по отношению к другим способам социальной идентификации и самоидентификации (например, через включенность в дружеский коллектив или семейную группу). В таком случае патриотические установки влияют на характер социального целеполагания и, в отдельных случаях могут стать основанием для формирования жизненной стратегии субъекта. Такой подход в исследовательской практике обозначается в рамках категории служения Отечеству[1], отражающей деятельную установку на реализации патриотических установок на уровне социальной практики, а также приоритетный характер патриотических ценностей по отношению к иным ценностным ориентациям.

[1] Бундин Ю.И. Духовная традиция служения Отечеству как цивилизационная константа и ее правовое обеспечение // Журнал Института Наследия. 2018. № 2(13). 6 с.

Служение Отечеству представляет собой, таким образом, форму развитого патриотизма, связанную с подчинением личных целей и персональных ресурсов (временных, интеллектуальных, материальных) содействию благополучию своего народа и своей страны. Это предполагает приоритетный характер патриотических ценностей и, как следствие – активную их реализацию в области практической деятельности. По этой причине можно сделать вывод о том, что именно служение Отечеству как форма патриотизма представляет собой мощный социально-сберегающий принцип, способствующий стабилизации ситуации в обществе и повышению благополучия включенных в него людей.

Тюнь Андрей Петрович,
доцент кафедры правовых
и социально-экономических дисциплин
филиала ФГБОУ ВО « РГЭУ(РИНХ)»
в г. Ейске Краснодарского края,
кандидат социологических наук

ПОСТРОЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ С ГРАЖДАНАМИ КАК ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Современная Россия вынуждена противостоять различным социальным вызовам, среди которых одним из наиболее опасных – экстремизм. Идеологи деструктивного толка ведут подрывную деятельность в результате которой стремятся разобщить правоохранительную систему и гражданское общество. Мы полагаем, что повышение уровня доверия населения к полиции является социально сберегающим фактором. В силу чего, этот аспект нуждается в детальном рассмотрении.

В условиях активного обращения исследователей к проблеме характера общественного мнения о полиции, очень важной задачей является формирование развитой теории, способствующей корректно интерпретации протекающих процессов и, в том числе – трезвой оценке тех количественных

показателей, которые проявляются в результате эмпирических исследований. Одним из важнейших аспектов понимания происходящих на уровне общественного мнения сдвигов является знание предпосылок реализуемых в обществе процессов. И одним из ключевых моментов в данном случае является то, какие исторически обусловленные факторы общественного мнения о полиции действуют в настоящее время.

Общество неоднородно, и одним из важных измерений его неоднородности является различие членов общества по возрастному критерию. Это различие, существенное само по себе, усугубляется в условиях высокой трансформационной динамики социальной системы, в результате которой люди, относящиеся к разным возрастным группам, по сути, социализировались и формировали свое мировоззрение в разных обществах. Это тот момент, который необходимо учитывать в рамках анализа динамики общественного мнения, поскольку представители различных возрастных групп, с одной стороны, обладают различными установками мировоззрения и разным опытом, с другой – характеризуются различной степенью гибкости и пластичности мировоззрения.

В рамках рассмотрения специфики мировоззренческих установок членов общества, связанной с историческими факторами, мы условно можем выделить следующие три возрастные группы:

– люди, формирование социальной картины мира осуществлялось в советский период;

– члены общества, прошедшие период социализации и становления личной картины мира в постперестроечный период;

– представители молодежи, формирование социальной картины мира приходится на два минувших десятилетия.

Различия между ними в плане предрасположенности формирования конкретных моделей восприятия правоохранительных органов (и, в том числе – склонности к их репрезентации) кардинальны, что связано с разными условиями функционирования правоохранительных органов в разные исторические периоды. Рассмотрим подробнее, какая специфика формирования общественного мнения о полиции имела место в разные периоды отечественной истории.

Советский период характеризуется относительно благоприятной ситуацией как в информационной сфере, так и в области социально-правовых отношений. В данный период имело место активное освещение высокой социальной значимости той работы, которую с риском для жизни выполняли каждый день сотрудники милиции. На уровне основных средств информационного обмена образ милиционера рассматривался исключительно в положительном ключе. В отечественном кинематографе сотрудники правоохранительных органов позиционировались как честные, смелые, проницательные люди, обладающие высоким уровнем профессионализма и готовые выполнять свой долг на благо страны и общества[1]. Это определяет высокий социальный статус сотрудников милиции и отношение к ним, как к героям, оберегающим покой простых людей. Такого рода модель отражения деятельности сотрудников правоохранительных органов способствовала, с одной стороны, признанию членами общества значимости социальной функции полиции, с другой – формированию позитивного отношения к сотрудникам милиции в гражданской среде. Поэтому люди, жившие в советский период, обладали развитым представлением о том, какой должна быть милиция, и одновременно полагали, что таковой она и является.

Для постперестроечного периода характерен слом ряда социальных структур, результатом чего стало интенсивное изменение экономической ситуации и связанный с этим рост преступности. При этом как политическая система общества, так и правоохранительная оказались в существенном кризисе, что проявилось в неспособности правоохранительных органов противостоять разгулу преступности, а в отдельных случаях определило вовлечение самих правоохранителей в преступные схемы. Данный исторический период характеризуется радикальным сломом традиционной модели восприятия сотрудников правоохранительных органов, что связано с их глубочайшим внутренним кризисом, проявившимся на уровне социальной практики. В этот период активное распространение

[1] Савченко И.А. Реформа МВД: взгляд изнутри // Мониторинг. 2011. № 2(102). С. 38–46.

как в горизонтальной сфере коммуникации (что связано с непосредственной передачей между членами общества информации о злоупотреблениях и некомпетентности сотрудников правоохранительных структур), так и в вертикальной (что связано с многочисленными новостями о должностных злоупотреблениях и коррупции в правоохранительной сфере, а также с формированием новых трендов в кинематографе, связанных с отображением негативного образа сотрудника правоохранительных структур). Несмотря на то, что данные процессы отчасти уравновешивались трансляцией позитивных образов правоохранителей (сериалы «Улицы разбитых фонарей», «Убойная сила»), в целом, именно в 90-е годы XX века в России произошел радикальный слом представлений о полиции, результатом которого стала новая, деструктивная модель восприятия сотрудников полиции.

В «нулевые» происходит постепенная нормализация ситуации в правоохранительной сфере, а после реформы МВД произошел ряд изменений в деятельности ОВД, направленных на повышение профессионализма сотрудников полиции. В данный период были заложены существенные предпосылки для «перезагрузки» общественного мнения о полиции, связанные с активизацией пресс-службы МВД, повышением эффективности правоохранителей, привлечением общественного внимания к изменениям, затрагивающим правоохранительную сферу. Рассматривая характеристики общественного мнения в данный период, исследователи констатируют медленное, но неуклонное улучшение общественного мнения о полиции.

Анализируя значение данных периодов, рассмотрим, для начала, представителей старшей возрастной группы. Для них характерным является недоверие по отношению к правоохранительным органам, что связано с глубоким нарушением мировоззрения, важным аспектом которого являлась идеализация милиционеров. Для представителей данной группы, в значительной степени разочаровавшихся в правоохранительных органов, характерно наличие устойчивых социально-правовых идеалов (включая идеальное представление о том, какой должна быть полиция), с которыми остро контрастирует действительность, если не на уровне неблагоприятных действий

правоохранителей, то, как минимум, в плане роста преступности, противодействие которой входит в число первостепенных задач работников ОВД. Как результат, контраст в мировоззрении между тем, какой должна быть полиция (милиция) и тем, какой она является на деле, порождает противоречие и существенную неудовлетворенность состоянием органов внутренних дел. Подобного рода настроения сохраняются у членов общества десятилетиями и, в том числе, транслируются в среде коммуникации.

Для людей, чей период социализации и социального становления приходится на 90-е и начало «нулевых», характерно несколько отличное отношение к правоохранительной сфере и ее представителям. В данном случае наблюдается существенно меньший уровень идеализации милиции, что связано с отсутствием исходного превознесения правоохранительных органов как института. При этом, стоит заметить, что, будучи взрощенными на криминальных боевиках, популярных в 90-е, представители данной возрастной группы охотно приняли те стереотипные представления о полиции, которые активно транслировались на их уровне. По этой причине, несмотря на существенную меру пластичности мировоззрения, представители данной возрастной группы не проявляют склонности к доверию правоохранителям.

Наиболее благоприятна ситуация на уровне молодежи, которая, с одной стороны, практически не застала кризис правоохранительной системы, с другой – стремится к самостоятельному построению суждений, с третьей – обладает значительной степенью пластичности мировоззрения. Именно благодаря тому, что молодые люди формируют свои представления о полиции в более благоприятный в социально-правовом плане период (а также в силу выхода из моды ряда криминальных боевиков), в их среде достаточно часто можно наблюдать благоприятные формы отношения к правоохранительным органам.

Представленные данные свидетельствуют в пользу того, что для многих людей (преимущественно, относящихся к старшей и средней возрастным группам) имеет место актуальный негативный опыт, связанный с представителями

правоохранительной сферы и определяющий наличие предубежденности по отношению к ним. Это, в совокупности с невысокой пластичностью мировоззрения представителей старших возрастных групп, определяет сравнительно невысокую динамику улучшения общественного мнения о полиции в условиях оптимизации структуры правоохранительных органов, связанной с реформой МВД и последовавшими за ней управленческими решениями.

Проблема нарушения отношения к правоохранительным органам в гражданской среде назрела уже давно – собственно, она берет начало в том глубочайшем кризисе правоохранительной системы, который имел место в постперестроечный период. И поиск путей преодоления сложившейся ситуации также длится на протяжении серьезного временного промежутка. Вместе с тем, несмотря на то, что с момента постперестроечного кризиса прошли десятилетия, в стране сохраняется сравнительно низкий уровень доверия к правоохранительным органам – по официальным данным за 2021 год, лишь 45,4% из числа опрошенных выразили доверие к полиции, в то время как большая часть населения в той или иной мере выразила недоверие по отношению к правоохранительным органам. Это свидетельствует о том, что меры, предпринимаемые для нормализации отношения населения к правоохранительным органам, не достаточны для коренного преодоления сложившейся ситуации. Вместе с тем, нельзя сказать, что принимаемые меры совсем безрезультатны – за период с 2017 по 2021 год уровень доверия к полиции возрос на 7,1%. Это свидетельствует сразу о двух вещах: с одной стороны, принимаемые меры по повышению эффективности правоохранительных органов приносят свои плоды, с другой – интенсивной трансформации характера общественного мнения не происходит и ситуация продолжает сохраняться на крайне неблагоприятном уровне. По этой причине целесообразно соотнести между собой основные факторы общественного мнения о полиции и те реальные меры, которые предпринимаются для того, чтобы улучшить ее социальное восприятие.

Строго говоря, существует всего два направления улучшения социального восприятия правоохранительных

органов – институциональный и информационный. Эти направления, в свою очередь, разветвляются на ряд менее обширных (повышение профессионализма сотрудников полиции путем проверки навыков и ведения курсов дополнительной подготовки, изменение учебного курса в ведомственных вузах с целью более оптимальной подготовки новых кадров и т. д.), но ключевой момент состоит как раз в том, что в условиях нарушения деятельности общественного института основное внимание уделяется, как правило, его структурному аспекту, что, в свою очередь, влечет за собой игнорирование культурно-информационных факторов, либо сравнительно невысокие усилия по их нормализации.

Обратимся к реформе МВД, представляющей собой одну из наиболее масштабных мер по повышению эффективности правоохранительных органов и нормализации их взаимодействия с населением. Основной комплекс предпринимаемых мер связан с оптимизацией института полиции, в то время как применительно к информационной сфере были приложены сравнительно небольшие усилия: были организованы процессы публикации основных новостей, связанных с деятельностью МВД, а сам процесс осуществления реформы получил широкое освещение в информационной среде.

Оценивая принятые меры по нормализации общественного мнения, отметим, что принятые меры несоизмеримы с теми проблемами, которые имеют место именно в информационной среде. Прежде всего, следует отметить, что на уровне действующих СМИ происходит столь активное освещение негативных аспектов деятельности сотрудников полиции, что некоторые исследователи всерьез отметили тенденцию дискредитации правоохранительных органов в информационной среде. Сохраняется перекос в сторону негативных публикаций не только на уровне классических СМИ, но и на уровне сетевых изданий и блогов. Одновременно с этим наблюдаются процессы активной репрезентации множества негативных стереотипов, описывающих сотрудников правоохранительных органов в крайне неприглядном виде. На этом фоне публикация официальной информации на сайте МВД видится незначительной мерой, не играющей особой роли в условиях активного

негативного дискурса, направленного в отношении правоохранительных органов.

Параллельно с этим имеют место позитивные сдвиги в структурной составляющей правоохранительных органов, что позволяет прийти к простому, но важному выводу: меры по нормализации структурного аспекта полиции успешно приняты, но недостаток информационной поддержки определяет сравнительно невысокие темпы нормализации характеристик общественного мнения. В этих условиях необходимо переключить фокус внимания на информационный аспект института полиции и организовать условия для распространения информации, способствующей формированию в гражданской среде корректных представлений о состоянии и значении правоохранительных органов в России.

Основная ошибка, связанная с попыткой нормализовать ситуацию с системным объектом, подверженным воздействию ряда факторов, имеющих различную природу – заведомое сужение области факторов, на которые осуществляется воздействие. Подобного рода стратегия, даже в условиях доведения регулируемых факторов до идеала, не может привести к искомому состоянию, поскольку ряд значимых областей воздействия выпадает из регулятивной деятельности. Нечто подобное в настоящее время наблюдается применительно к институту полиции и характеристикам общественного мнения о нем.

Рассмотрим, какие направления имеют приоритетный характер для нормализации ситуации взаимодействия гражданского населения и правоохранительных органов, с учетом различий в характеристиках мировоззрения членов общества, относящихся к различным возрастным группам. Во-первых, необходимо создать предпосылки для принятия ими такой позитивной модели восприятия полиции, от которой они не станут отказываться. В данном случае есть принципиальное различие между пересмотром мировоззрения или введением в него некоего события, инициирующего изменения в давно известном объекте. По этой причине важно, чтобы всякое позитивное изменение, имеющее место на структурном уровне, получало освещение в информационной среде.

Вторым немаловажным аспектом нормализации социального отношения к полиции является реализация баланса между негативными и позитивными сообщениями о полиции в информационной среде. Это предполагает необходимость организации такого формата деятельности пресс-службы МВД, который делает доступной информацию по основным достижениям правоохранительных органов.

Третий, чрезвычайно важный аспект нормализации социального отношения к правоохранительным органам отчасти реализуется, однако необходимо продолжать организацию съемок кинофильмов, на уровне которых демонстрируются позитивные образы сотрудников правоохранительных органов. Наконец, необходимо освещать не только успехи сотрудников полиции, но и сложности, с которыми они сталкиваются (включая риск для жизни и опасность увечья), поскольку героизм отдельных правоохранителей зачастую остается скрытым для широкой общественности.

На наш взгляд, обозначенные меры позволят решить прикладную задачу – повысить уровень доверия к российской полиции. Также, подобного рода меры будут способствовать социально сберегающей консолидации общества против проявления социальной деструктивности.

Глущенко Ольга Павловна,
преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

Некрасова Анастасия Владимировна,
преподаватель-методист отделения
методического обеспечения учебного процесса
методического отдела управления
учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ВНЕШНЕГО ВИДА УЧАСТНИКОВ ПРАВОРАДИКАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

В настоящее врем праворадикализм, наряду с леворадикализмом и религиозным экстремизмом, представляет собой одно из наиболее опасных направлений экстремизма. Несмотря на наличие нескольких течений и большого числа, враждебных друг другу политических организаций, праворадикализм представляет серьезную угрозу общественной безопасности и действующей системе правопорядка. Одним из наиболее наглядных доказательств реальности праворадикальной угрозы для современного российского общества служит ежегодно проводимые так называемые «Русские марши», собирающие под разными лозунгами тысячи радикально настроенных людей.

Примерами того, что праворадикалы не ограничиваются простой демонстрацией своих взглядов могут служить события в Яндыках (Астраханская область) в 2005 году, в Кондопоге (республика Карелия) в 2006 году, на «Манежной площади» (Москва) в 2010 и 2012 году[1].

В настоящее время одной из движущих сил российского праворадикализма служит идеология неонацизма, которая разделяет несколько экстремистских групп, а также субкультура национал-социалистических скинхедов, сокращенно – нс-скинхедов.

[1] Массовые беспорядки в России в 2001–2013 годах: досье. URL: http://tass.ru/info/1188323 (дата обращения: 24.10.2022).

Основной целью идеологии субкультуры нс-скинхедов является реализация так называемой «белой идеи», которая предполагает установление российского режима в России. Одним из средств достижения данной цели служит организация и разжигание ненависти других рас, национальностей конфессий и культур. По этой причине представители праворадикального движения в целом и нс-скинхеды в частности, выступают в качестве зачинщиков общественных беспорядков на национальной почве. Данное обстоятельство требует от сотрудников полиции знания внешних признаков принадлежности лица к праворадикальной среде. Трудность решения данной задачи в современных условиях заключается в том, что в настоящее время приверженцы субкультуры нс-скинхедов стремятся не отличаться своим внешним видом от обычных граждан[1].

Данная тенденция в поведении нс-скинхедов создала определенные трудности для сотрудников полиции, стремящихся к выявлению потенциально опасных лиц во время пресечения незаконных общественных акций. Данная перемена во внешнем виде нс-скинхедов объясняется тем, что ранее они достаточно резко выделялись среди граждан и в ходе проведения массовых беспорядков сразу попадали в «поле зрения» сотрудников полиции[2].

Классический внешний вид нс-скинхеда можно описать следующим образом:

- наголо выбритая голова или очень короткая стрижка;
- куртки на молнии, без воротника – бомберы;
- куртки с воротником и на молнии – штурманы;
- ботинки и берцы фирм «Grinders» и «Dr. Martens»;
- шнурки различных цветов, означающих положение в субкультуре и специфику разделяемых идей.

[1] Самойлов С.Ф. Внешние признаки субкультуры участников праворадикального движения нс-скинхедов // Общество и право. 2016. № 1(55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnie-priznaki-subkultury-uchastnikov-pravoradikalnogo-dvizheniya-ns-skinhedov (дата обращения: 24.10.2022).

[2] Светиков С.А. Специфика праворадикальных движений в современном российском обществе // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 3(37). URL: https://cyber-leninka.ru/article/n/spetsifika-pravoradikalnyh-dvizheniy-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve (дата обращения: 24.10.2022).

В настоящее же время нс-скинхедов редко используют традиционную для своей субкультуры одежду. Вместе с тем потребность в определении людей на «своих» и «чужих» остается. В частности, использование определенной одежды помогает нс-скинхедам ориентироваться во время массовых беспорядков. Например, организаторы беспорядков на футбольных матчах или незаконных массовых акциях могут отдать приказ рядовым участникам одеть одинаковую обувь или одежду двух-трех известных брендов.

По этой причине сотрудникам полиции представляется необходимым знать современные торговые бренды, наиболее популярные среди праворадикалов:

– среди обуви популярны кроссовки фирм «New Balance», «Adidas»;

– в качестве брюк используются джинсы «Levis» и «Wrangler»;

– наиболее популярными футболками являются марки фирм «Lonsdale», «Lacoste», «Everlast», «Pit Bull Germany» и «Fred Perry», а также футболки российских фирм «White Rex», «Алатырь» и «СветоЯр»;

– широко известна в праворадикальной среде, чаще у футбольных хулиганов, фирма одежды «Stone Island», но так как брендовые вещи может позволить себе далеко не каждый участник праворадикальной группировки, активно используются «паленые», т.е. не оригинальные шевроны «Stone Island» пришиваемые на куртки, футболки, головные уборы и другую одежду;

– рубашки фирмы «Ben Sherman», преимущественно коричневого и черного цветов, с петлей на спине и пуговицами на воротнике;

– различные так называемые «славянские» рубашки и футболки.

Помимо одежды сотрудникам правоохранительных органов следует обращать внимание на отдельные атрибуты, используемые праворадикально настроенными лицами. К их числу следует отнести:

1) скандинавские руны:

– Руна Волчий крюк: объясняться как сочетание латинских букв «N» и «I» и лозунг «идея нации»;

– Руна Зиг: атрибут бога войны Тора;

– Руна Тира: Руна стрелы использовалась как фашистский символ, она была эмблемой тренировочных школ «нацистских штурмовых отрядов» (СА) в нацистской Германии. Также использовалась «гитлеровской молодежью» и СС;

– Руна Одал: Символ «Крови и земли». В нацистской Германии использовалась как эмблема «гитлеровской молодежи»;

– Руна Хаггаль, являющаяся символом твердой веры;

2) норвежские руны, как и другие виды рун, состоят в основном из пересеченных под разными углами прямых линий, имеют довольно простую структуру и может иметь несколько значений (24 руны, которые подразделяются на 3 атта по 8 штук);

3) славянские руны, олицетворяющие имена древних богов и имеющие некоторое сходство со скандинавскими. Пример некоторых славянских рун:

– Руна Опора (14 священная руна), изображается как прямая перечеркнутая двумя параллельными линиями под определенным углом и олицетворяющая вечную преданность Роду (этносу, нации, расе в современном понимании), его основополагающим принципам и многовековым традициям;

– Руна Сила, идентична скандинавской руне Зиг, только изображается не под наклоном, а в прямом положении, характеризует силу, направленную на изменение окружающего мира посредством совершения намеренных активных действий;

– Руна Рок, символизирующая предопределение жизни – судьбу, а также решимость в процессе достижения лучшего как для человека в частности, так и для рода, этноса, нации в целом;

4) готские руны, древнейшие из ныне известных рун, дающие начало германскому руническому алфавиту;

5) эмблемы коллаборационистских формирований времен Великой Отечественной войны:

– изображение древнего герба украинского города Львова – льва, стоящего на задних лапах и вписанного в «варяжский» («норманнский») щит на черном фоне (дивизия СС на территории Украины - «Галичина»);

– 3 звезды, символизирующие три латвийских города – Видземе, Курземе и Латгалию, на фоне восходящего солнца (15-я пехотная дивизия Ваффен СС, сформированная на территории Латвии);

– «шлем Скандербега» с козьими рогами, сверху наложенными на него двумя горизонтальными полосками (21-я горная дивизия Ваффен СС «Скандербег», на территории Албании)

– «варяжский» («норманнский») геральдический щит с изображением «стрелковидного креста» (символ венской национал-социалистической партии) под двумя трезубыми коронами

и другие.

6) нацистские и неонацистские символы:

– свастика;

– черное солнце;

– мертвая голова;

– White power, что в переводе с англ. означает «белая власть»;

– кельтский крест;

– волчий крюк (вольфсангель);

– трискель;

– щит-тарч с изображением отмычки или вольфсангеля;

– косовидный крест (солнечное колесо);

– железный крест;

– буква Одина;

– герб Третьего рейха;

– тевтонский крест;

– военные флаги нацистской Германии.

7) а также различные цифровые и буквенные коды:

– 14 – это одна из основных фраз сегодняшней неонацистской идеологии, знаменитые четырнадцать слов Дэвида Лейна «Мы должны защитить само существование нашего народа и будущее для белых детей». Часто комбинируется с 88, например 14/88.

– 18: 18 означает первую и восьмую буквы немецкого алфавита AH = Adolf Hitler. Число можно видеть, например, в названии английской неонацистской группы Комбат 18.

– 28: 28 - код нацистско- скинхедовской сети “Кровь и честь” (см. также Кровь и Честь).

– 88: означает “Heil Hitler”. Это число часто изображают на футболках болельщиков, например, как часть названий неонацистских групп болельщиков.

– 4:20 – 20 апреля является днем рождением Адольфа Гитлера.

– 4R – что значит Четвертый рейх, код символизирует нацистскую мечту о продолжении эпохи Третьего рейха;

– KKK (Ку-Клукс-Клан): Расисты и неонацисты используют различные символы агрессивной североамериканской расистской организации Ку-клукс-клан (KKK)

– NS: Аббревиатура National Socialism (национал-социализм) или National Socialist (национал-социалист).

– B&H: Аббревиатура “Blood and Honour” «Блад энд онер» – «Кровь и Честь» – форма приветствие принятая в «Гитлерюгенде», в настоящее время служит наименованием музыкальной промоутерской сети, поддерживающей группы, играющие арийский рок.

– HH: Аббревиатура “Heil Hitler”.

Если сопоставить традиционный внешний вид нс-скинхедов, с их нынешним обликом, то можно выявить следующие важные тенденции в развитии их субкультуры, отражаемые носимой ими одеждой:

– ранее внешний облик нс-скинхедов был связан с желанием выделиться среди окружающих людей, теперь же в ней явно прослеживается стремление к сокрытию лица своей принадлежности к данной субкультуре;

– классический образ нс-скинхеда был демонстративно воинственным и нацеленным на вызов обществу и государству, на бой в городских условиях, в настоящее же время он представлен образом обычного, стильно одетого парня;

– выражение заслуг перед идеей «белой революции» и положения в ней, связанное с символикой шнурков, практически

сошло на нет, ее заменило законспирированное обозначение принадлежности к субкультуре;

– на смену эпатажу общества внешним видом пришла потребность в быстром обнаружении своих в большом количестве людей;

– аккуратность, внешняя пристойность нынешнего облика российского праворадикала должны привлечь к нему широкие слои населения, сделать возможным обращение за помощью в решении конфликтов на социальной и национальной почве.

Для сотрудников полиции знание внешних признаков принадлежности к праворадикальной среде необходимо позволяет решить следующие профессионально значимые задачи:

– вовремя выявлять потенциально опасных для поддержания общественного порядка и общественной безопасности лиц и быть готовыми к быстрому пресечению противоправных действий с их стороны;

– задерживать зачинщиков массовых беспорядков во время проведения незаконных протестных акций и спортивно-массовых мероприятий, в том числе и в среде футбольных болельщиков;

– своевременно пресекать разжигание расовой, национальной, конфессиональной и социальной ненависти в обществе;

– правильно применять статьи Федерального Закона «О противодействии экстремистской деятельности»[1] касающиеся демонстрации нацистской символики и атрибутики.

Не следует забывать и о том, что лидеры праворадикальных организаций и группировок непрерывно работают над созданием новых иероглифов, знаков, эмблем и изображений составляющих символику таких объединений.

Праворадикальная символика представляет собой комплекс обозначений той или иной группы или организации, выражающий ее принципы, функции и основные направления деятельности. Также она используется для коммуникации членов

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015 г. № 314-ФЗ) // Справочно-информационный портал «Гарант» URL: https://base.garant.ru/12127578 (дата обращения: 24.10.2022).

группировки между собой и взаимодействия с другими объединениями[1].

Использование символики как определенного отличительного признака среди объединений радикалов позволяет:

– рассказать об истории становления и существования организации и ее идеологии.

– вербовать новых участников движения, преимущественно из подростков, старшеклассников, студентов ВУЗов и различных среднеобразовательных учреждений;

– выражать основную идеи, преследуемую группировкой, а также ее принципы, функции и основные цели в основном, в политической сфере государства;

– объединить членов организации или группировки, что упрощает их взаимодействие, как между участниками, так и среди других праворадикальных образований. Например, использование различных жестов и слов-паролей для определения соратников среди населения, а также для выявления лиц, не относящихся к группировке;

Сама по себе символика праворадикальных организаций состоит в основном из следующих компонентов:

– нацистских и неонацистских символов;

– традиционных цветов нацисткой Германии и Третьего Рейха;

– флагов и гербов коллаборационнистких отрядов и формирований;

– элементов, доказывающих преемственность между нацистской символикой и символиками российских праворадикальных объединений, признанных экстремистскими;

– изображений, выражающих солидарность к насилию по расовому и национальному признаку в праворадикальной символике и атрибутике.

Влияние идеологии праворадикальной организации оказывает значительное воздействие на формирование и укрепление в мышлении ее участников определенных установок и черт характера личности. Праворадикальные доктрины

[1] Беликов С.А. Бритоголовые: все о скинхедах. Эксклюзивные материалы. URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1038453540 (дата обращения: 24.10.2022).

развивают среди своих последователей следующие свойства и черты[1]:

– шовинизм – крайняя форма национализма, выражающаяся в провозглашении превосходства своей нации и требующая беспрекословного подчинения других этносов

– национализм – рассмотрение своей нации как высшей ценности, деятельность для ее укрепления и развития, ведущих к этническому превосходству (прямо противоположен классовому подходу социализма, так как социализм призван отрицать классовые различия ради блага нации);

– ксенофобия, т. е. неприязнь к кому-либо или чему-либо чужому (чаще всего термин обозначает ненависть к иным нациям, народам, расам и государствам);

– расизм – учение о неравенстве человеческих рас и определяющей роли расовых различий в развитие человеческого общества и культуры;

– вождизм – отношение людей к власти, а именно, к человеку – вождю и его ближайшим сторонникам, характеризующееся господством лица или нескольких лиц в определении развития политической, экономической, социальной и иных сфер государства.

Участники праворадикальных группировок, обладающие вышеперечисленными качествами стремятся к разжиганию розни по национальному, расовому признакам, по принадлежности человека к различным конфессиям, меньшинствам и субкультурам.

Знание торговых брендов, атрибутики и символики, используемые современными российскими праворадикалами в целом и нс-скинхедами в частности, позволяет сотрудникам полиции своевременно выявить угрозу, исходящую от радикально настроенных лиц и установить зачинщиков массовых беспорядков на расовой и национальной почве, тем самым обеспечив защиту граждан от противоправных посягательств.

[1] Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/destruktsiya-sotsialnoy-gruppy-kak-sreda-suschestvovaniya-ekstremizma (дата обращения: 24.10.2022).

Олейник Ольга Сергеевна,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

ГЕНЕЗИС РЕЛИГИОЗНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

Разновидностью экстремизма является религиозный экстремизм, который возник как некая реакция на процесс секуляризации. Религиозный экстремизм способствует возникновению идеологии, которая порождает определенные противоречия в обществе и подрывает основы конституционного строя. Религиозный экстремизм реализуется в деятельности псевдорелигиозных организаций, которые стремятся внушить определенную противоправную идеологию в общество и расширить сферу своего влияния.

Религиозные экстремистские организации, осуществляя свою деятельность, эксплуатируют общечеловеческие ценности, а именно: физическое и психическое здоровье, свободу, равенство, справедливость, человеческое достоинство, с целью манипулирования сознанием прозелитов. В некоторых моментах религиозные экстремистские организации используют пороки и страхи для вовлечения в свою деятельность новых адептов.

Источники современных проблем деятельности религиозных деструктивных организаций коренятся в прошлом. Религиозный экстремизм, является не внезапно возникшим явлением, если проанализировать историю, стоит вспомнить, какую роль занимала религия в прошлом, когда человек зависел от вероучения. Вовлеченным в различные верования, даже традиционные, присущи определенные формы, которые характеризуют крайности в их поведении, например пост, нетерпимость к иным религиям и даже конфессиям. Именно религии породили крестовые войны в Средневековье и джихада в современности.

Стоит отметить, что когда религиозная деятельность получила возможность направлять людей на антиполитические действия, она стала фактором порождающим экстремизм.

В период исторического развития религиозный экстремизм проявлялся в религиозном радикализме, фанатизме, ксенофобии, терроризме. Данные явления взаимосвязаны между собой и исходят друг от друга, но в тоже время имеют характерные признаки, которые их конкретизируют.

Экстремизм во всех формах своего проявления преобразовался в общественно-политическую и нравственную проблему, с которой современное общество столкнулось в настоящее время[1]. На законодательном уровне отсутствует определение религиозного экстремизма. Исходя из этого, мы проанализировали теоретические исследования в данной области и выделили следующее понятие «религиозный экстремизм – это деятельность, основанная на нетерпимости к другим религиозным конфессиям и превосходства своих религиозных догм, направленная на разжигание ненависти или вражды в религиозной сфере, в том числе ведущая к совершению своими участниками противоправных действий».

Важно уделить внимание истокам происхождения. Детерминантами появления и развития религиозных экстремистских организаций в России являются:

1) появление тоталитаризма и его проникновение из политической сферы в духовно-религиозную;

1) возникшая духовно-нравственная пустота;

2) духовные искания на основе незыблемых ценностей и идеалов, которые присущи многим гражданам, особенно в условиях некоего духовного вакуума образовавшегося после крушения коммунистической системы и распада Советского Союза;

3) криминальные интересы организаторов, с целью получения материальной выгоды;

4) попытки деления крупных традиционных созидательных вероучений, а именно православия, ислама, буддизма и других;

5) прямая иностранная идейно-информационная агрессия, с целью последующего развала духовного пространства страны.

[1] Варламов И.Г. «Религиозный экстремизм: исследование общественного мнения, методов борьбы и современного состояния экстремистских ячеек в мире» / И.Г. Варламов, А.В. Гучий, М.А. Кистанова, В.В. Кружай // Молодой ученый. 2021. № 52(394). С. 83.

Исторические факты указывают, что в России постоянно находилось противостояние между православными и иными инакомыслящими, которые систематические прищемляли православие.

Последователями католической церкви на кострах «святой» инквизиции было уничтожено множество людей[1]. Католическая церковь стремилась путем использования насильственных методов завоевать авторитет среди других религий и подавить их.

В 988 году князь Владимир Святославович крестил Русь, что поспособствовало возникновению прозелитической деятельности. Возникла форма дискриминации по религиозному признаку, которая касалась исключительно христиан – антихристианство. Дискриминация активно поддерживалась как единолично, так и группой. Исторические факты указывают на присутствие прозелитизма, со стороны приверженцев христианства. Они использовали как методы политического давления, так и насильственные методы по принятию язычниками христианства. Сторонниками языческих культов называли волхвами, которые иногда организовывали антихристианские восстания (1024 г. Суздаль; 1071 г. Ростов).

Также деятельность по прозелитизму прослеживается в XVI веке в отношении мусульман. Это связано с такими историческими событиями, как завоевание Иваном Грозным Казанского Ханства (1552 г.), Астраханского Ханства (1556 г.), присоединения и добровольного включения Ногайской Орды и Башкирии в состав Московской Руси. Местное мусульманское население начало восприниматься как враждебное, в связи с чем, осуществлялись действия, как со стороны государства, так и граждан по обращению мусульман в христианскую религию, используя различные способы подавления их идеологии.

Стоит отметить, что результаты вовлечение мусульман в христианство оказались бесперспективными. В годы правления Екатерины Второй (1762–1796 гг.) были отменены многие ограничения в отношении мусульман, в связи с чем, она получила поддержку и авторитет у мусульманского народа. В

[1] Инаева Д.Д. «Религиозный экстремизм: исторические истоки зарождения» // Молодой ученый. 2016. № 1(105). С. 800.

1764 году Екатерина Вторая закрыла Новокрещенскую контору (занималась христианизацией мусульман и язычников) в Казани и предприняла меры по законодательному регулированию веротерпимости в отношении ислама[1].

Возникший процесс дробление протестантских деноминаций и групп и возникновение их эклектических комбинаций набирало свой апогей в XIX веке. В процессе осуществления этого феномена начали осуществлять свою деятельность мормоны и иеговисты. Распространенный процесс возникновения монорелигиозности, однако, не являлся приемлемым, но со временем, эклектизм стал нормой в массовом сознании.

В Российской империи осуществляли свою деятельность конфессии, которые имели оппозиционное отношение к православной церкви (старообрядчество, сектантство, евангелическо-протестантское). Деятельность по их преследованию была вызвана проведением ими активной миссионерской и прозелитической деятельности и увеличением числа приверженцев. В отношении приверженцев предпринимали следующие меры: запрет на вступление с ними в брак, проблемы с определением гражданского состояния, отказывали хоронить на общих кладбищах, применения наказаний и гонений к представителям конфессий. Представители гонимых конфессий еще больше объединялись и расширяли сферу своей деятельности.

В XIX веке получили свое распространение идеи связанные с объединением религий в одну универсальную. В 1893 году состоялся Всемирный парламент религий в Чикаго, на котором рассматривался вопрос объединения религиозных верований, с целью единства мира. Сам парламент был организован оккультной сектой «Сведен-боргиан» при активном участии унитариев и теософского общества основанного нашей соотечественницей Еленой Петровной Блаватской (1831–1891 гг.). Сами приверженцы теософского общества утверждали, что оно объединяет в себе все религии, в связи с чем, возникала мысль о внутренней тождественности всех религиозных учений. Данная

[1] Инаева Д.Д. Указ. соч. С. 801.

позиция оказалась противоречивой, так как объединение религий поспособствует лишь к развитию и созданию новых деструктивных культов.

Рассматривая исторические аспекты, можно отметить, что появление различных деструктивных религиозных культов существовали во многом автономно друг от друга, смешиваясь лишь в массовом сознании. Различные протестантские секты, в свою очередь, продолжали развиваться и делиться на другие секты, создавая новые идеологические учения.

В Советском союзе экстремизм так же присутствовал, но он проявлялся в воинствующем атеизме. «Жертвой» экстремизма стала сама религия. Осуществлялись действия по разрушению храмов, уничтожению икон и религиозной литературы. Также совершались противоправные действия в отношении религиозной иерархии и верующих.

Стоит отметить, что в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. между православной Церковью и государством нормализовались отношения. Это связано с патриотической деятельностью, которую проводила православная Церковь. В 1944 г. был издан правительственный акт, который предоставил право религиозным организациям строить помещения, открывать духовные школы, издавать религиозную литературу, но только с разрешения государственных органов. После Второй мировой войны все секты начали взаимодействовать между собой, влиять друг на друга и соединяться в самые различные деструктивные культы.

Органы Комитета государственной безопасности СССР осуществляли свою деятельность по контрразведывательной работе в религиозных организациях и различных подпольных сектах. Одной из задач подразделений был негласный контроль над назначением на высшие церковные должности, в связи с недопущением лиц, которые были негативно настроены в отношении советской власти. Сотрудники осуществляли оперативное внедрение в религиозные организации и путем использования вербовки агентуры и создание сети осведомителей из числа, как организаторов, так и самих приверженцев подчиняли своему влиянию. Данная работа начала активно применяться еще в первые годы советской власти. В

последующем, органы расширяли кадры своей агентуры, архивы Комитета государственной безопасности СССР свидетельствуют, что агентами являлось большинство руководящего состава Русской Православной Церкви, мусульманских, баптистских, адвентистских религиозных организаций, а также представители других конфессий[1].

В конце 80-х гг. XX века российское общество не только не стало атеистичным, но, напротив, был налицо процесс возрождения религиозности.

Первый президент СССР М.С. Горбачев в апреле 1988 г. в своем выступлении снял все ограничения на религиозность[2], что поспособствовало развитию деятельности религиозных организаций, в том числе деструктивных. Советские люди начали активно вступать в различные секты.

Экспансия новых религиозных организаций в 80-90 годы XX столетия проявлялась из-за того, что не было контроля со стороны государства, в том числе из-за перестройки и плюрализма предложенного М.С. Горбачевым на Пленуме ЦК КПСС в январе 1987 г.

После распада Советского Союза в 1991 года в России начали активно вести свою деятельность различные секты, в том числе экстремистской направленности. Основой для этого послужила духовная неопределенной и подавленность народа.

На современном этапе развития Российской Федерации, государство является светским, что означает отделение религии от государства и все религиозные объедения равны перед законом (Конституция РФ ст. 14).

На данный момент, причинами для развития деструктивной деятельности религиозных организаций в России являются:

1. Прозелитическая деятельность религиозных объединений.

---

[1] Использование ЦК КПСС и КГБ религиозных организаций в антиконституционных целях. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// news.rambler.ru/other/44650903-sekty-kak-razvivalis-duhovnye-soobschestva-posle-razvala-sssr (дата обращения: 27.10.2022).

[2] Секты. Как развивались духовные сообщества после развала СССР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.rambler.ru/other/44650903-sekty-kak-razvivalis-duhovnye-soobschestva-posle-razvala-sssr (дата обращения: 27.10.2022).

2. Заимствование различных положений из других религиозных течений, что способствует столкновению и противоборству религиозных организаций с деятельностью деструктивных.

3. Образование внутри традиционных религиозных течений новых деструктивных направлений, которые подрывают правильность вероучения.

4. Реформации в обществе и не проведение анализа возможных последствий.

5. Процессы глобализации, которые связаны с информационной революцией.

6. Доступность информационных ресурсов для общества.

7. Духовная пустота современного человека.

8. Религиозная и культурная необразованность населения[1].

9. Разрыв религиозных связей между поколениями.

10. Неспособность в полной мере государством решить религиозные проблемы в обществе.

Таким образом, мы рассмотрели, какими путями религиозные экстремистские организации могли появиться в нашей стране. Их развитие происходило достаточно быстро, в зависимости от определенных ситуаций, которые были нами рассмотрены. Присутствуют некие схожие черты, связанные с их идеологией. Осуществление целенаправленных мероприятий по противодействию религиозного экстремизма и деятельности деструктивных организаций, поспособствует уменьшению распространения противоправной идеологии и своевременному пресечению возможно последствий. Наиболее эффективным средством является информационное воздействие на общество о деятельности религиозных экстремистских организаций. В связи с этим, появляется необходимость в установлении и законодательном закреплении признаков религиозных экстремистских организаций, с целью более точно применения методов по борьбе с данной деятельностью и их идеологией.

[1] Терновская К.В. Религиозный экстремизм в России // Таврический научный обозреватель. 2016. № 5-1(10). С. 243.

Кипреев Сергей Николаевич,
адъюнкт кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

РАБОТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОМАНДИРАМИ КУРСАНТСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У УЧАЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

На современном этапе развития нашей страны происходят значительные перемены в сфере образования. Одной из значимых проблем для образовательных организаций является совершенствование процесса формирования духовно-нравственных ценностей. Благодаря формированию данной сферы личности человека система образования решает важную задачу по противодействию наиболее опасному для молодежи вызову современности – распространению экстремистских взглядов.

В образовательных организациях органов внутренних дел важное место занимает работа командиров курсантских подразделений по формированию духовно–нравственных ценностей подчиненного личного состава. Воспитательный потенциал командирского звена по духовно-нравственному воспитанию курсантов - полицейских в настоящее время изучен мало.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации определены следующие духовно-нравственные ценности: «взаимопомощь, гуманизм, защиту человеческой жизни, прав и свобод человека, историческое единство народов России, коллективизм, милосердие, нормы морали и нравственности, преемственность истории нашей Родины, приоритет духовного над материальным, семью, служение Отечеству, созидательный труд, справедливость»[1].

[1] Стратегия национальной безопасности РФ. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

В таком важном руководящем документе как Национальная доктрина образования говорится, что необходимо «воспитание патриотов России, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов»[1].

В защите национальных, культурных, религиозных, территориальных, языковых, и традиционных семейно-бытовых особенностей граждан коренится основа защиты от распространения экстремизма. Правильное понимание истории своей страны и места государства в жизни граждан обеспечивает формирование ценностей любого человека.

Для современной молодежи важно «становление духовной нравственности, формирование в курсантской среде основополагающих ценностей, идей, убеждений, отражающих сущность государственности, чувства гордости за свою страну, уважения к ее национальным символам и традициям; совершенствованию политической и правовой культуры, уважению к законодательству»[2].

В ходе подготовки командиров подразделений к воспитательной работе с подчиненными в образовательных организациях МВД России осуществляется обучение их способам выявления антипатриотических установок и средствам противодействия экстремистской идеологии и деструктивных взглядов.

Офицерский состав активно обращает внимание на выявление наличие у подчиненных признаков развития интереса к экстремистским воззрениям. Такими признаками является ношение деструктивной атрибутики, чтение печатной или электронной литературной продукции экстремистского характера, просмотр в социальных сетях или на личных технических средствах видео прямо или косвенно призывающих к национальной или конфессиональной нетерпимости.

---

[1] Глазырин А.А. Духовно-нравственные аспекты патриотического воспитания курсантов академии МВД средствами физической культуры и спорта // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2010. № 5. С. 101–104.

[2] Глазырин А.А. Указ. соч. С. 101–104.

Руководству курсов необходимо проводить регулярный мониторинг социальных сетей, при проверке внутреннего порядка в расположении курса обращать внимание на наличие вышеперечисленных признаков, при проведении индивидуальных бесед определять круг интересов подчиненных, во взаимодействии с родителями курсантов обсуждать особенности характера и хобби своих воспитанников.

В данной статье нами перечислены некоторые из способов выявления интереса у подчиненных. Командир подразделения обязан применять все меры, чтобы не допустить в подразделении межнациональных конфликтов, оскорбления чувств верующих, радикализации мировоззрения подчиненных, обнищания духовного мира сотрудников полиции.

Важно понимать место духовности в развитии личности человека. «Человек – существо духовное, он стремится не только к физическому развитию, но и к духовному становлению. Соединить в себе личное и народное, земное и небесное, телесное и духовное – это естественная потребность человека, призванного в этот мир»[1].

Экстремизм проявляется в деградации духовно-нравственной сферы личности, ее трансформации на основе антиобщественных установок. Традиционные ценности последовательно заменяются на деструктивные, целенаправленно вносится разлад в понятийный аппарат человека, стремительно переформатируются целевые установки личности. Казалось бы, положительный молодой гражданин, с бурно развивающимся пытливым умом за короткий промежуток времени превращается в радикала и экстремиста, а его ценности меняются на диаметрально противоположные.

Сегодня образовательные организации органов внутренних дел России являются передовыми в области развития духовно-нравственных ценностей у учащихся, благодаря тщательному подбору командиров подразделений и высоким критериям кадровой политики. Отбор сотрудников «производится на основе

[1] Журбенко В.Н. Организация образовательного процесса на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей воспитанников подготовительной группы, через сотрудничество семьи школы / В.Н. Журбенко, Е.М. Гредасова, И.Ю. Волощенко // Инновационная наука. 2020. № 1. С. 77–79.

высоких критериев, предъявляемых к духовно-нравственным качествам личности, уровню его культуры»[1].

Благодаря сложившемуся системному контролю за проведением воспитательной работы и осуществлением деятельности командиров курсантских подразделений в данном направлении, в большинстве образовательных организаций органов внутренних дел достигнуты успехи в формировании ценностно-смысловой сферы личности курсантов.

Примером успешности является функционирование разнообразных творческих коллективов, кружков самодеятельности, активность участия личного состава в воспитательных мероприятиях, и самое главное в общий уровень сформированности чувства патриотизма и духовно-нравственных ценностей в курсантских коллективах.

Командиры взводов руководят личным составом в период выполнения подчиненными различных служебных обязанностей: несения службы в наряде, охране общественного порядка, проведения утренней физической зарядки, выполнении хозяйственных работ.

Деятельность учебного подразделения строго регламентирована и требует от молодых людей выдержки, самообладания и психологической устойчивости. «Служба в правоохранительных органах предполагает наличие у сотрудников определенных морально-нравственных и социально-психологических качеств, призванных обеспечивать стойкость и объективность личности сотрудника в ситуациях профессиональной деятельности, требующих проявления выдержки, смелости, решительности, мужества и готовности к разумному риску»[2].

Метод личного примера будет действенен тогда, когда сам командир является нравственно чистым, и может занять в коллективе роль духовного лидера. Тогда он станет дирижером

---

[1] Никоноров Е.А. Формирование духовно-нравственной культуры курсантов вузов МВД России / Е.А. Никоноров, Н.С. Вохонцева // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 257–259.

[2] Грозин С.Ю., Гайдай М.К. Создание позитивного имиджа полицейского – путь к оптимизации деятельности полиции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXIV Междунар. науч.-практ. конф. Восточно-Сибирский институт МВД России. 2019. С. 349–350.

процесса формирования духовно-нравственных ценностей подразделения. В коллективе, где каждый член знает цель своего существования, осознает свое призвание, не развиться ростку экстремизма.

Для командира курсантского подразделения особенно важна «направленность личности, главные черты которой составляют высокая сознательность, патриотическая убежденность, верность офицерским идеалам заключается в его умении видеть роль и место руководимого им подразделения в решении поставленных задач»[1]. Ощущение личного призвания служить народу и обеспечивать закон и порядок в своей стране является важным маркером профессиональной устойчивости сотрудника полиции.

Для того чтобы успешно проводить воспитательную работу с личным составом командир должен сам иметь сформированные духовно-нравственные ценности. «По данным исследований, опросов выпускников вузов, более 75% курсантов берет в качестве примеров подражания командиров, организующих их повседневную жизнедеятельность. Именно командирский состав призван быть центральной фигурой процесса патриотического воспитания в повседневной жизнедеятельности»[2].

В проведенных нами ранее исследованиях указывалось что «согласно должностной инструкции, командиры курсантских подразделений обязаны организовывать и непосредственно осуществлять индивидуально-воспитательную работу во взводе»[3]. Именно в процессе проведения индивидуально-воспитательной работы, а также в процессе системного и целенаправленного наблюдения, изучения продуктов деятельности подчиненных командир может и должен определять уровень сформированности духовно-нравственных ценностей курсантов, выявлять существующие у подчиненных проблемы в данной сфере.

---

[1] Тенитилов С.В. Предпосылки комплексного представления о педагогическом идеале и его формировании у современных преподавателей // Вестник Российского нового университета. 2010. № 1. С. 88–94.

[2] Никандров Н.Д. Духовные ценности и воспитание в современной России // Педагогика. М., 2008. № 9. С. 3–12.

[3] Кипреев С.Н. Формирование патриотизма у учащихся образовательных организаций МВД России в процессе повседневной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2(94). С. 191–198.

Особое значение имеет способность командиров подразделений относиться к духовно-нравственному воспитанию подчиненных творчески. Начальникам курсов порой необходимо проявлять виртуозную смекалку, чтобы обойти хитросплетения духовного мира отдельных личностей, не навредить курсанту, не обидеть его чувств. Командиры подразделений в своей деятельности должны обладать массой качеств, присущих педагогу-психологу.

Умение создавать воспитательные ситуации, в которых проявляется сущность характера личности, его волевые способности, развивается когнитивная сфера – это также часть командирского таланта. Руководство подразделения обязано организовать так воспитательную работу, чтобы подача информационного материала, способность доводить его до людей харизматично и творчески, вызывала интерес у подчиненных и в конечном итоге приводила к нивелированию любых усилий привить у курсантов экстремистское мировоззрение.

Главным способом, позволяющим сформировать духовно-нравственные ценности, сегодня является «организация такого рода событий и мероприятий, в которых осознание ценности Родины и осознанный выбор сохранять ее наследие, происходит наиболее культуросообразным способом, через осознание важности обычных жизненных практик человека: жизни семьи, ее истории, результатов собственного труда и достижений науки и экономики, красоты окружающего мира. Таким образом возможно осуществление «привязки» имеющихся знаний к терминальным, базовым ценностям личности»[1]. Эта работа позволяет обезопасить молодое поколение от влияния экстремистских взглядов, которые проистекают из антипатриотических воззрений, являющихся своего рода «духовной перверсией» для государственного служащего.

В условиях начавшегося национально-патриотического возрождения России, как справедливо отмечает А.А. Глазырин:

[1]Аронова Е.Ю. Молодежные форумы как средство формирования патриотической позиции личности молодого человека / Е.Ю. Аронова, О.Г. Боровик // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. № 7. С. 261–268.

«вся воля и сила нашего разума должны быть направлены на поиск новых решений и консолидирующих направлений работы с курсантами, среди которых, на первое место выходит воспитание в личности человека духовно-нравственных ценностей, позволяющих формировать преданного Родине патриота и защитника Отечества»[1].

Стремление руководства образовательных организаций МВД России к обеспечению информационной безопасности подчиненных сотрудников на данном этапе развития государства и общества и активная деятельность его воспитательных структур позволяют купировать угрозы современности и защитить молодое поколение от экстремизма и антипатриотизма.

[1] Глазырин А.А. Духовно-нравственные аспекты патриотического воспитания курсантов академии МВД средствами физической культуры и спорта // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2010. № 5. С. 101–104.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНОВ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Килимник Евгений Витальевич,
профессор кафедры философии,
психологии и гуманитарных дисциплин
Уральского юридического института МВД России,
доктор искусствоведения,
член-корреспондент Российской Академии Естествознания

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВС УКРАИНЫ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Актуальностью исследования послужили события, связанные с проведением специальной военной операции Российской Федерации, объявленной 24 февраля 2022 г. в Украине с целью ее демилитаризации и исключения возможности участвовать в блоке НАТО против России. Приход к власти в Киеве праворадикальных сил в 2014 г. вызвал ожесточенную конфронтацию в украинском обществе, повлекшую за собой облетевшие весь мир Одесские события с массовой гибелью жителей в Доме Профсоюзов, а также начатая, так называемая, операция «АТО» на юго-востоке Украины, продолжающаяся вплоть до прихода подразделений российской армии после февраля 2022 г. Новые постмайданные праворадикальные политические силы Украины, идеологически опиравшись на духовное наследие ОУН–УПА, в основу идейного фундамента современного неонационализма положили идеологические разработки лидеров и идеологов западно-украинского национализма второй четверти XX в. Д. Донцова, С. Бандеры, Я. Стецько. Организация территориальных националистических батальонов, действовавших против ополченцев Донбасса и Луганска, привело в итоге к их политизации и созданию военно-политического движения «Азов», руководитель, которого Андрей Билецкий в 2016 г. открыто провозгласил политическую

доктрину создания «Великой Украинской Империи» в том числе за счет юго-западных регионов России. Подобные территориальные притязания несут угрозу целостности Российской Федерации и заставляют внимательно относиться к происходящему в сопредельном государстве с целью предупреждения опасности, идущей из-за рубежа. Политические лидеры неонационализма при поддержке парамилитаристских формирований вносят дестабилизирующие националистические идеи между народами, что представляет угрозу национальной безопасности Российского государства.

Следуя по стопам своих идеологических предшественников, новое поколение украинских ультраправых националистов разработало теорию «вечной войны» против Российской Федерации. После событий «Майдана» 2014 г. Россия воспринимается, как главное препятствие на пути создания полностью консолидированного украинского национального государства. С другой стороны, идеологическое руководство, например, УНА–УНСО не скрывает опасений, что русские в конечном итоге восстановят свои «сферы влияния» на Украине, поэтому с их стороны идет эскалация напряженности в пророссийских регионах Восточной и Южной Украины. Этот сценарий полностью реализовался в 2014 г. в виде так называемой «АТО».

Поэтому лидеры УНА–УНСО исходят сегодня из того, что войну следует экспортировать в другие жизненно важные части бывшего Советского Союза, то есть в любой регион, где на карту поставлены интересы России. «Всегда поддерживай сторону, противостоящую российской» – в этой фразе резюмируется суть украинской ультранационалистической идеологии. Например, одним из ведущих основателей УНА–УНСО Дмитро Корчинским открыто признается, что напряженность в юго-восточных регионах Украины можно избежать, только посеяв семена войны на Кавказе, который является «слабым местом» России[1].

Таким образом, можно с уверенностью заключить, что нестабильность по линии «Север – Юг» будет использована украинскими ультраправыми националистами, чтобы сорвать

[1] news.online.ua›742724/ukraine…pomoch-kavkaztsam-v…

геополитические планы России в построении Русского мира. С другой стороны, их деятельность способствует кристаллизации воинствующего крыла всего украинского националистического движения, позволив ему набраться опыта (в основном речь идет о крыле и разветвлениях «УНА-УНСО»), который, начиная с 2014 г. бы задействован в самой Украине – «Евромайдан» и его политико-экономические последствия для страны сегодня. В условиях разжигаемого Западом украинско-российского конфликта, руководством НАТО ставится задача помочь Украине противостоять тактике и стратегии российского военно-политического руководства во всех областях ведения военной спецоперации. Это должно быть сделано следующими способами:

– увеличить поставки контрбатарейных радаров с самоходными орудиями, в том числе американскими M109A6 и M109A7 Paladin (в настоящее время на Украине есть менее совершенные M109), немецкими PzH 2000 и французскими Caesar. Вместе эти системы укрепили бы украинские контрбатарейные возможности, которые уже доказали свою ценность в бою;

– продолжать поставлять Украине реактивные системы залпового огня HIMARS и M270, а также дополнительные боеприпасы к ним – в частности, ATACM, дальность действия которых составляет 300 км. Это позволит Украине еще больше нарушать российскую логистику, уничтожать склады боеприпасов в сотнях километров от линии боевых действий[1].

Все это, по мнению западных военных стратегов должно принести успех, поскольку, как они полагают, «существует склонность российского командования полагаться на неточные данные, принимать желаемое за действительное и преследовать политические цели любой ценой, когда их попытки усиления давления на ВСУ и территориальные батальоны, вероятно, приведут к обратным результатам»[2].

---

[1] Немецкая САУ Panzerhaubitze-2000 против российской... https://tj.sputniknews.ru›Немецкая САУ Panzerhaubitze-2000 против российской «Коалиции» (дата обращения 20 октября 2022 г.)

[2] Уроки для Запада: неудачи России в Украине. https://ecfr.eu "статья"Уроки-для-запада-России-миллион (дата обращения 21 октября 2022 г.)

В итоге, военно-политическая и финансовая поддержка Запада остается решающим фактором в способности Украины противостоять российской военной спецоперации. Чувствуя эту поддержку, националистические подразделения Украины демонстрируют свою способность противостоять российской армии и активно используют западное оружие, объявляя себя многовековым «щитом» западных ценностей от «азиатской» агрессии с востока, требуя еще больше помощи против Российской Федерации.

Учитывая усиление политики национализма и русофобии в 2021 г., были утверждены начальником Генерального штаба ВС Украины генерал-лейтенантом Виктором Бокием «Основные задачи психологической устойчивости и психологической готовности к бою (выполнение задач по назначением), среди которых помимо националистических идейных воззрений «крови и почвы», а также крайней русофобии, необходимо так же отметить и специальные, применяемые в боевых условиях:

1. Приемы моделирования психологических факторов (факторов) боя с использованием тренажеров, вооружения и военной техники, макетов, свойств местности.
2. Приемы психологической подготовки на водоемах.
3. Приемы моделирования психологических боевых факторов обстановки.
4. Приемы психологической подготовки в ходе служебной деятельности.
5. Приемы для тренировки психомоторной сферы.
6. Приемы для тренировки коммуникативной сферы.
7. Приемы общей концентрации и снятия напряжения.
8. Приемы оценки психофизиологического состояния[1].

Рассмотренные «Методические рекомендации» предназначены для применения, как основной методический материал по морально-психологической подготовке военнослужащих ВС Украины по формированию у них «нужной» морально-психологической устойчивости и готовности вести

[1] Методичні рекомендації з психологічної підготовки військовослужбовців збройних сил україни щодо формування стресостійкості до дій в умовах різкої зміни бойової обстановки. Кіів: Главное управление морально-психологического обеспечение вооруженных сил Украины, 2021 р. 64 с.

боевые действия в том числе с военнослужащими российской армии, представителями народного ополчения республик Донецка и Луганска.

Подводя итоги исследованию, следует отметить, что для противостояния Русскому миру и искусственному формированию из русскоговорящего жителя Украины «свидомого украинца-фанатика», идейная опора в морально-психологической подготовке идет по направлению реанимации старой националистической идеологии лидеров ОУН-УПА, обучения по стандартам НАТО, формируя в результате у военнослужащих Украины искусственное психологическое состояние видеть исторического врага в лице русского народа и Российской Федерации, что является недопустимым для национальной безопасности нашего Отечества.

Душанов Рустам Хужанович,
доцент кафедры психология служебной деятельности и профессиональной культуры,
кандидат психологических наук, доцент

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Усиление угрозы терроризма сегодняшнему обществу занимает особое место. Современный терроризм значительно отличается от того, который был в начале эскалации по масштабу угрозы и сложности организации. Несомненно, терроризм является на данном этапе развития общества самой большой опасностью для выживания общества как такого в силу прямой угрозы ядерного проявления, что отразится не только на экологии планеты в целом, но выживаемости и жизнеспособности не одного поколения населения. Масштабы и интенсивность терроризма говорят о бесчеловечности и беспрецедентности и жестокости его организаторов в глобальном понимании его значимости.

Терроризм в его международном уровне преступного организованного проявления, как явление организованной

преступности, в 21 веке стремительно расширяет свою сферу влияния на пути реализации национальных, региональных и мировых задач.

Несмотря на достаточно широкий спектр исследований в области личности террористов, социальных и политических аспектов терроризма, до сих пор мало изученными остаются мотивы и стимулы личностного выбора пути террористической преступности. Это можно объяснить частично тем, что во всех разновидностях проявления терроризм затрагивает и различные личностные мотивы, в том числе и смысл каждого террористического акта трактуется его организаторами и исполнителями по-своему в рамках своей субъективной концепции мира. Именно это связующее звено и является объектом долгих изучений, но в силу своего непостоянства так и не нашло единой системы классификации.

Самым актуальным вопросом в данной области исследований так и остаются личностные мотивы предрасположенности к террористической преступности. Для поиска ответа на этот вопрос необходим глубинный психологический анализ не только политических, социальных, экономических и общественных явлений, но и личностных факторов, механизмов психического реагирования и субъективного восприятия происходящих в ближайшем окружении явлений и в мире в целом.

Именно психологический анализ личностных предпосылок позволяет большинству исследователей терроризма быть согласными с утверждением профессора Д.В. Ольшанского, что терроризм – оружие слабых. Д.В. Ольшанский отмечает, что слабость в данном случае может трактоваться либо как физическая, материальная, либо как духовная и психологическая[1].

Ситуация в мире показывает, что для контроля над терроризмом, в первую очередь, необходимо научно-оформленное понимание данного явления. Во-вторых, актуальное выяснение обстоятельств и побуждающих сил

[1] Ольшанский Д.В. Психологи о терроризме (материалы «круглого стола») // Психологический журнал. 1995. № 4.

распространения терроризма. И, в-третьих, активизация мер политического и правового характера для пресечения и предупреждения террористической угрозы[1].

Общепринятый подход к пониманию мотивов и поведенческих стандартов, к сожалению, не применим к психологии террористической деятельности в силу своей специфики и парадоксальности. «Эффективная антитеррористическая политика, – пишет американский исследователь Д. Хаббард, – зависит от понимания того, что думают террористы, и того, почему они делают то, что делают; если мы берем самих себя в качестве модели, поведение террористов будет казаться необъяснимым»[2].

В процессе анализа современного терроризма как явления можно выделить некоторые отличительные черты:

Во-первых, стоит обратить еще раз внимание на первостепенность психологического средства воздействия в терроризме. Главной мишенью для него становится преднамеренное нагнетание страха, повышение уровня общей напряженности и создание атмосферы подавленности, как на эмоциональном, так и на поведенческом уровне. На социальном же уровне терроризм является уже сложившийся в сознании граждан социально-психологический фактор, с помощью которого осуществляется дистанцированное воздействие на других лиц для достижения скрытых интересов террористов в принятии их условий в обществе.

Основная суть выраженности терроризма и его влияния на общество в целом состоит в создании обстановки общего страха, контролировать который внешними обстоятельствами достаточно проблематично. При этом, терроризм направлен не на тех, кто стал жертвой, а на тех, кто остался жив с целью нагнетания страха. То есть, средством является не собственно убийство, а устрашение и деморализация граждан и общества в целом. Материальные, политические и экономические

[1] URL: http://yurpsy.fatal.ru/files/stat/8.htm

[2] Hubbard D.G. Winning back the sky. A Tactical Analysis of Terrorism. San-Francisco etc., 1989. P. 122.

последствия терроризма не являются самоцелью, главная цель это моральная травма обществу[1].

Во-вторых, террористические акты не являются спонтанными аффективными либо совершенные по неосторожности, они тщательно планируются в течение длительного периода, иногда несколько лет, при этом с особой жестокостью. Тщательное и длительное планирование с одной стороны дает шанс на своевременное выявление и предупреждение правоохранительными органами преступных террористических замыслов, а с другой стороны, длительный и последовательный этап подготовки позволяет продумать в том числе и способы конспирации и вывести процесс на более сложный и многоэтапный уровень.

Введенное американским исследователем Дж. Маком понятие «эгоизм преследователя жертвы» акцентирует внимание на отсутствии сострадания у террориста к своей жертве даже в том случае, если страдания жертвы оказываются гораздо сильнее, чем переживаемые террористом или связанными с ним людьми как побудительные мотивы самого акта терроризма. Это объясняет особую хладнокровность, жестокость и предумышленность с которой совершаются террористические акты, не щадящие даже невиновных женщин и детей.

В-третьих, с культурной позиции терроризм в своем отказе от общей этики опирается на нигилизм. В концепции современного терроризма не существует общечеловеческих ценностей, они сводятся на нет или отвергаются. Всеми формами проявления терроризм идет вразрез с главным правом человека – правом на жизнь. Известный английский исследователь П. Уилкинсон пишет, что «террор кардинально отличается от других видов насилия не просто жестокостью, а высшей степенью аморальности, неразборчивости в средствах и не-управляемостью».[2] Именно это позволяет терроризму эффективно внедрять в сознание отверженных представителей молодежи террористические установки, формируя радикальные

[1] URL: http://yurpsy.fatal.ru/files/stat/8.htm

[2] Wilkinson P. Political Terrorism. London, 1974. P. 18.

группы для достижения ими ложных задач под прикрытием навязанной идеологии.

В-четвертых, полномасштабное влияние терроризма заключается в характере публичного исполнения. Само существование терроризма возможно за счет его открытости в предъявлении широкой огласки своих требований. Польза общественного резонанса после совершения террористического акта выгодна его организаторам еще и потому, что единственным объектом кому граждане могут выразить свое недовольство остаются правоохранительные органы, которые в данном случае воспринимаются как неспособные защитить граждан.

Терроризм всегда обращен к обществу с вызовом в форме обесценивания жизни. Именно запугивание через угрозы и шантаж приводит к достижению декламируемых целей. После реализации террористического акта организаторы достаточно быстро публично берут на себя ответственность за данное деяние с целью продемонстрировать свои возможности и силу, и вопреки парадоксальности содеянного объявляют, во имя чего был реализован террор, и выставляют требования в качестве условий прекращения угрозы.

Терроризму не нужны глобальные цели, организаторов интересуют вторичные второстепенные цели собственной значимости и авторитетности, отражающие властную потребность существовать в сознании общества.

В-пятых, терроризм выбирает средства массовой информации как форму достижение общественного резонанса и трансляции страха для населения. Именно внешний эффект обеспечивают средства массовой информации и доносят масштабы жестокости, поддерживая страх. Терроризму недостаточно локальных проявлений, он ориентирован на большие массы. За резонансом, вызванным террористическим актом, обычно следуют реакция со стороны правительства и различных политических партий, на управление их реакцией и направлен сам террористический акт. Это истинная цель, а убийства лишь средства.

Средства массовой информации являются трансляторами и распространителями воли террористов после реализации террора, обеспечивающими страх для следующего деяния.

Можно констатировать, что информационная война коснулась и проблемы терроризма. Без средств массовой информации порождаемый терроризмом страх не удерживался бы так долго в сознании людей. В гонке за первое место в системе информирования средства массовой информации берут на себя моральную ответственности за распространение терроризма. В «виртуальном пространстве» террористическая угроза уже давно живет как самостоящельное явление и за счет поисковых систем распространяется, транслируется и умножается в фокусе восприятия отдельных граждан и общества в целом.

Подытоживая все вышесказанное, можно констатировать, что терроризм – это особая форма насилия, которая характеризуется жестокостью, целеустремленностью и внешне достаточно высокой эффективностью.

В терроризме находят свое психологическое продолжение фанатизм, радикализм и экстремизм. Практическая реализация экстремизма в реальных террористических актах, выполненных с садистическим фанатизмом во имя достижения ценностей радикальных идей.

Чернова Ирина Борисовна,
доцент кафедры философии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, доцент

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современное российское общество в обстановке противостояния с внешними враждебными силами, нуждается не только в экономической стабильности, но и в консолидации всех россиян ради победы над коричневой чумой, поднявшей голову у наших границ. Как и в годы Великой Отечественной войны, когда за Родину отдавали свои жизни представители всех народов Советского Союза, так и сейчас мы понимаем, что сила и

величие России невозможны без межнационального и межконфессионального единства. Без понимания того, что ценность сохранения независимой, способной противостоять любым внешним угрозам одной на всех Родины выше любых индивидуальных или групповых амбиций, мелочных конфликтов, претензий и антипатий. Не случайно в нашей стране существует праздник – День народного единства, который напоминает нам, что преодолеть смуту и изгнать врагов из Москвы смогли не только Минин и Пожарский, а народ, объединившийся под их руководством.

Поэтому мы обостренно воспринимаем любые попытки манипулирования общественным сознанием через распространение экстремистской идеологии внутри российского общества. При этом не важно, «доморощенный» это экстремизм или привнесенный какими-либо эмиссарами из-за границы, не важно, какую форму он принимает и в какую точку бьет. Национальный, религиозный или политический – это удар по всему обществу в целом. Следовательно, противостояние экстремистской деятельности является задачей обеспечения национальной безопасности. «Одним из основных источников угроз национальной безопасности Российской Федерации является экстремистская деятельность, осуществляемая националистическими, радикальными общественными, религиозными, этническими и иными организациями и объединениями, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки в стране» – подчеркивается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025года[1].

Радикалов не запугать тюремными стенами, поэтому решать комплекс проблем, касающихся распространения экстремизма в России, должны не только правоохранительные органы, но и все российское гражданское общество. В данной работе мы обратим внимание на одну из форм экстремистской деятельности – религиозную, на ее специфику, связь с другими формами, а также

[1] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555

на возможности противостояния радикалам, прикрывающимся религиозными идеалами.

Религия, являясь одной из древнейших форм общественного сознания, в XXI веке продолжает выполнять ряд важных социальных функций, причем в критические периоды жизни общества ее роль заметно активизируется. Российское законодательство гарантирует каждому возможность «свободно выбирать, иметь ираспространять религиозные иные убеждения идействовать всоответствии сними»[1]. Руководители и проповедники традиционных для России религиозных организаций защищают традиционные семейные ценности, воспитывают в своих единоверцах такие духовные качества, как любовь к ближнему, честность, милосердие, стремление к самосовершенствованию, справедливости, жизни «по правде». Верующие россияне занимают активную жизненную позицию во всех значимых событиях, которые происходят в нашей стране. Достаточно вспомнить их подвижническое противостояние пандемии, когда, вместе со всем российским народом, они заботились о больных, порой рискуя собственной жизнью. Поэтому,осознавая связь религии и политики, мы все же подчеркиваем в первую очередьвклад российских религиозных объединений в сохранение и преумножение именно духовного богатства России, в фундамент ее духовной безопасности.

Различия между традиционным и радикалистским пониманием религии в самом общем виде можно свести к различию формул, лежащих в основе поведения их последователей. Это «все, что не запрещено – разрешено» и «все, что не разрешено – запрещено». Следуя более строгой трактовке отношения к миру и проповедуя среди других людей свои экстремистские убеждения, сторонники радикальных религиозных группировок (в России чаще всего исламских) утверждают, что именно на их стороне правда и духовность. Они смотрят на современный мир и видят в нем только отрицательные черты: торжество праздности, эгоизма,

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020 № 31, ст. 4398.

распутства, забвения божественных заповедей и пр. Вину за сложившуюся в светской среде нездоровую духовную атмосферу эти деятели возлагают прежде всего на традиционные религиозные организации, которые, вступая в государственно-конфессиональные отношения со светским обществом, по их мнению, тем самым оправдывают все недостатки этого общества, а значит, становятся предателями истинной религии и теряют право выступать от имени праведников.

Так, Анзор Астемиров, кадий Имарата Кавказ, отвечая на вопросы исламистских журналистов, обвиняя в язычестве представителей традиционного ислама в России, подчеркивал: «В нашем обществе главной и доминирующей является такая форма язычества, как служение России с ее конституцией и ее законами», «практикуются такие языческие обряды и ритуалы, как присяга на верность России (в армии, милиции, политических партиях и т. п.), клятва уважать конституцию при получении паспорта, возложение венков к могилам «героев России», которые убивали мусульман в Афганистане и на Кавказе и т. д. Также широко распространены такие языческие традиции, как участие в выборах депутатов парламента»[1].

Даже к единоверцам у радикалов жесткие требования, зачастую сводящиеся к отождествлению живой религиозности и формальной демонстрации тех или иных признаков религиозной идентичности. Мужчина без бороды и женщина без платка, каких среди этнических мусульман России большинство, признаются заведомо достойными позора, независимо от их нравственных качеств. Стоит ли удивляться, что иноверцы и атеисты, особенно если они являются сотрудниками правоохранительных органов, военнослужащими или чиновниками, являются для религиозных экстремистов прямыми врагами? И не важно, сколько воров, насильников и убийц смог задержать сотрудник полиции, защищая законность и жизни простых граждан, сколько школ и больниц было построено по инициативе чиновника – для врагов экстремистская идеология признает лишь два возможных выхода

[1] Добаев И.П., Добаев А.И, Гаджибеков Р.Г. Радикализация ислама в Российской Федерации. Москва – Ростов-на-Дону, 2013. С. 153–154.

– либо переход на сторону радикалов с обязательными доказательствами искренности данного решения, либо смерть.

Изучая психологию религии, мы видим, что религиозное сознание, движимое чувством связи со сверхъестественным миром, всегда побуждает человека к действию. «Вера без дел мертва» (Иак. 2:20) – эта библейская формула сохраняет свое значение не только во всех христианских конфессиях, но и в других религиях, в том числе и в идеологии религиозного экстремизма. Причем эта деятельность не только культовая, связанная с усиленной молитвой, но и внекультовая, демонстрирующая отношение верующего к внешнему миру. К каким же действиям побуждает человека религиозный экстремизм? Так как внешнее социальное окружение воспринимается как «чужое», «враждебное», «опасное», то по отношению к нему приемлемы любые формы воздействия, даже если они запрещены с точки зрения действующего на данной территории светского закона. Если человек сам не хочет войти в рай по проповедуемой радикалами «программе», его готовы туда отправить насильственными мерами. Обман, запугивание, убийства, разрушение храмов, разжигание межличностных и межгрупповых конфликтов, дискредитация в глазах верующих духовенства, лояльного светским властям и призывающего прихожан не делить людей по сортам, а опережать друг друга в делании добра.При этом любые свои акции, даже террористические, экстремисты объясняют стремлением к специфически понимаемому высшему благу и обосновывают ссылками на священное писание.

Религиозный экстремизм в нашей стране неотделим от политического, но в этой связке выполняет служебные функции, обслуживая оппозиционные официальным политические силы, стремящиеся получить контроль над населением любой ценой. И так как конечной целью борьбы радикалов за чистоту веры является достижение такого состояния общества, когда подавляющее большинство его членов будут следовать их идеологии, то следовательно, в случае успешной реализации данной цели насильственным или ненасильственным образом, политическая власть должна будет перейти в их руки. Эти установки хорошо иллюстрирует салафитская трактовка

«джихада», как обязательной для всех правоверных борьбы с неверными, в том числе и с оружием в руках, до полной победы над ними.

Этнический экстремизм срастается с религиозным иначе. В этом случае ведущая роль принадлежит религиозной форме, так как духовные основы любого народа базируются на религиозных ценностях, которые, даже если были в древности привнесены из других культур, воспринимаются как необходимые и для религиозной, и для этнической идентичности личности. Однако, если здоровая этническая идентичность воспринимает представителей иных национальностей, как «других», как «соседей» и побуждает к миролюбию, то этнический экстремизм способствует расцвету национализма, высокомерия, враждебности по отношению к чужакам. Эта установка противоречит глобальным задачам религиозного экстремизма, но на данном этапе дает возможность, с одной стороны, попытаться создать на базе сращивания этнических и религиозных группировок локальную религиозно-политическую структуру в качестве базы дальнейшего развития, а с другой – ослабить межнациональное и межконфессиональное единое социокультурное пространство России.

Что же может противопоставить религиозному экстремизму российское общество? Как искоренить эту «раковую опухоль» религиозной духовности, не нарушая конституционного права личности на свободу совести? Эти вопросы регулярно задают ученые и общественные деятели, представители традиционных религиозных организаций и правоохранительных органов. Реализуется «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Но даже столь обширные программы всегда требуют конкретизации, требуют со стороны каждого активного гражданина, в том числе и сотрудников полиции, личного отклика и осознания своей роли в этом процессе. Поэтому, рассматривая религиозный экстремизм как угрозу духовной безопасности, мы хотим акцентировать внимание на тех аспектах противодействия религиозному экстремизму, которые относятся к сфере духовности.

Прежде всего это относится к работе с информацией. Приобщаясь к религиозной группе, человек погружается в

информационный поток, формирующий мировоззрение, доктринальную базу, через которую верующие воспринимают мир, богов, общину и самих себя. После того, как религиозные идеи будут интегрированы в Я-концепцию личности, они уже не смогут подвергаться критике. Их обладатель будет просто не способен воспринимать реальность иначе. Поэтому российское государство не просто должно дать человеку право выбора, а еще и обеспечить условия для получения достоверной информации о религии.

Важно, чтобы к решению этой задачи подключились представители духовенства традиционных для России религиозных объединений. Об этом на встрече с представителями религиозных конфессий говорил В.В. Путин: «Особая роль в гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, в предупреждении экстремизма и терроризма принадлежит духовным лидерам России. К вашему мнению, слову люди прислушиваются. И когда звучит ваша солидарная позиция, четкая приверженность ценностям мира, добра и милосердия, – это имеет огромное значение»[1]. В настоящее время большое внимание уделяется подготовке кадров миссионеров и катехизаторов. Каждый из них должен знать, что любое его слово или действие – это, в глазах неофитов, слово или действие, характеризующее всю религиозную группу. Одна его ошибка способна отдалить страждущую душу от храма и направить к религиозным экстремистам, которые всегда готовы дать ему свои однозначные ответы на любые вопросы и оградить от общения с внешним, по их словам, греховным и враждебным миром.

Получение информации в современном мире возможно различными путями, в том числе с использованием телекоммуникационной сети Интернет, через который экстремисты ищут будущих последователей. Ежегодно сотни сайтов, на которых обнаруживаются экстремистские материалы, блокируются, но появляются новые. На сайте Минюста регулярно пополняется Федеральный список экстремистских

[1] Встреча с представителями религиозных конфессий 4 ноября 2020 года // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kremlin.ru/events/president/news/64336 (дата обращения: 30.10.2022).

материалов[1]. Однако этот процесс тоже требует пристального внимания в случае религиозных текстов. В 2015 году в текст Статьи 3 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» было внесено дополнение, согласно которому «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами»[2].Таким образом, казалось бы, верующие защищены и могут свободно изучать главные тексты своих религий. Но лишь немногие россияне читают эти книги на языке оригинала, а на их переводы защита закона не распространяется, поэтому нет гарантии, что история с запретом перевода Корана, выполненного Эльмиром Кулиевым, не повторится. Очевидно, что необходимо не только контролировать религиозные материалы, распространяемые в России, но и обеспечить качество экспертизы, на основе которой выносится решение о запрете текста, ее обоснованность и объективность. Взаимодействие с религиозными организациями и прозрачность этого процесса будет способствовать снижению его конфликтогенного потенциала и доверию верующих к представителям светской власти.

Важным элементом в системе противостояния религиозному экстремизму является система образования – как религиозного, так и светского. То, что в России церковь отделена от школы, не означает, что педагоги не должны говорить с учащимися о религии. Кроме того, любой из участников образовательного процесса сам может быть приверженцем тех или иных религиозных взглядов. Школа, выполняя функции социализации подрастающего поколения, должна обеспечить выход ребят в мир, частью которого будут религиозные организации, в том числе и экстремистского толка. Поэтому информация о религии здесь должна преподноситься комплексно и обязательно в светском ключе, культурологически, следуя принципу исключения трансцендентного. Это касается изучения

[1] Экстремистские материалы // Министерство юстиции Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=1& (дата обращения: 30.10.2022).

[2] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 14.07.2022). СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www (дата обращения: 30.10.2022).

истории, литературы, обществознания, географии, истории и культуры родного края, музыки и пр. дисциплин. Отдельно следует отметить предмет «Основы религиозных культур и светской этики», который преподается в 4 классе и состоит из 6 модулей, но изучается из них только один, выбранный родителями или законными представителями ребенка. В процессе преподавания этой дисциплины важно, с одной стороны, заложить основы восприятия изучаемой религии или атеистического мировоззрения как значимой, но не единственной формы духовности, показать позитивную направленность религиозной этики и культуры, основанной на любви и самопожертвовании личности, задать высшие ориентиры стремления к духовному совершенствованию. С другой стороны, нельзя игнорировать сложные вопросы трактовок древних текстов, исторических событий или современных экзистенциальных противоречий, так как, если на эти вопросы ученик не получит ответ из уст учителя, он будет искать информацию дальше, в числе прочего и среди «авторитетов», которые посеют в неокрепшей душе ненависть к другим людям и желание преобразовать мир насильственным путем.

В системе высшего образования изучению религиоведческих дисциплин уделяется крайне мало внимания, что не соответствует существующим для молодых людей рискам под благовидными предлогами быть вовлеченными в радикальные религиозные организации. Особенно опасно, если жертвами подобного миссионерства оказываются наши курсанты, действующие сотрудники правоохранительных органов. Не случайно поэтому была разработана программа курса «Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму», автором которой является В.В. Горохова[1]. В ходе изучения данной дисциплины курсанты, независимо от их собственных религиозных убеждений, не только знакомятся с историей и учением основных для России религиозных объединений, но и с законодательной базой, регулирующей их деятельность, осознают суть светскости российской

[1] Горохова В.В. Роль дисциплины «Религиоведение» в формировании духовной культуры курсантов и слушателей // Философские исследования и современность: Вып. 8. М., 2019. С. 77–81.

государственности и системы образования. В анализе религиозных текстов мы подчеркиваем, с одной стороны, их важность, как памятников культуры, кладезей мудрости народов, а с другой – обращаем внимание на сложности их трактовок, особенно в тех местах, которыми часто пользуются экстремисты для обоснования своих убеждений и действий. Важно, чтобы сотрудник полиции был в состоянии объяснить, что ни один текст, имеющий авторитет сверхъестественного происхождения, не может носить человеконенавистнический характер, разжигать вражду между людьми, оправдывать убийства и насилие.

Вторая часть курса посвящена изучению религиозного экстремизма, причин его распространения, способов вербовки неофитов и форм противодействия этому процессу. При ознакомлении с противоправной деятельностью представителей радикальных религиозных группировок используется информация из открытых источников, в том числе и материалы уголовных дел. Как правило, этого достаточно, чтобы курсанты могли почувствовать разницу и понять, какую угрозу обществу несут эти люди. Уверена, освоение подобных учебных курсов способствует мировоззренческой зрелости и профессиональному формированию сотрудников полиции.

Таким образом, осмыслив современное состояние и возможности противостояния религиозному экстремизму как фактору духовной безопасности, мы можем сделать вывод о том, что одними силовыми мерами справиться с угрозами, которые несет обществу религиозный экстремизм, невозможно. Каждый активный гражданин России, особенно, если он смыслом своей жизни избрал служение законности и правопорядку, должен противостоять усилению позиций радикалов, защищая конституционные права на свободу совести и взаимодействуя с традиционными религиозными объединениями.

Деева Наталья Александровна,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Краснодарский университет МВД России,
кандидат психологических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕННОЙ УСПЕШНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В настоящее время проблема изучения экстремистской направленности личности является, с одной стороны, актуальной и практически значимой в связи с необходимостью выявления экстремистски настроенных личностей, а также построения профилактической работы. С другой стороны, эта проблема представляет большую сложность для изучения, в связи с многообразием психологических проявлений экстремистской направленности.

При этом понятие экстремистской направленности также представляется весьма обобщенно. Исследователями отмечается, что возникновение специфических мотивов совершения экстремистских и террористических преступлений обусловлено сочетанием трех векторов: экстремальности, делинквентности и радикальных идей[1]. С психологической точки зрения такое сочетание задает весьма широкий контекст для понимания экстремистской направленности, когда конкретные признаки выглядят настолько разнообразными, что под данное понятие может попадать большой круг поведенческих проявлений человека. Так, например, в исследовании О.А. Корниловой экстремистская направленность личности определяется как одобрение экстремистских идей, сопровождающееся трансформацией всей мотивационно-поведенческой сферы и определенный психический склад личности. При этом яркой характеристикой экстремистской направленности является потребность изменения жизни, наличие сверхценности

[1] Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Карелин Д.В., Козлова Н.В. Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. № 3(8). С. 123–134.

социального реформаторства[1]. На наш взгляд в этом понимании присутствует два важных аспекта. Во-первых, это психологический склад личности, под которым подразумевается своеобразная интеграция качественных характеристик личности. Во-вторых, это специфика ценностно-смысловой и мотивационной сфер. На пересечении этих аспектов происходит исследование психологических характеристик экстремисткой направленности.

В зарубежных исследованиях выделяются такие признаки, характерные для экстремисткой направленности: иррациональные убеждения («глобальная оценка себя»)[2]; сочетание низкого интеллекта и воображения, низкой экстраверсии, высокого уровня уступчивости; шизотипические, пограничные и депрессивные черты, тщеславие и догматизм[3]; выраженность черт «темной триады»[4] и «темной тетрады»[5]; состояние мотивационного дисбаланса, при доминировании одной потребности и вытеснении других потребностей[6]; фрустрированность, в том числе социальная, которая проявляется через насилие и агрессию по отношению к людям[7].

---

[1] Корнилова О.А. Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма: автореф. дисс. … д-ра психол. наук. М., 2012. 43 с.

[2] Trip S., Marian M., Halmajan A., Drugas M.I., Bora C.H., Roseanu G. Irrational Beliefs and Personality Traits as Psychological Mechanisms Underlying the Adolescents' Extremist Mind-Set // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. p. 1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01184

[3] Pavlović T., Wertag A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 168. p. 1- 6. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110374

[4] Paulhus D. L. The dark tetrad of personality // Encyclopedia of personality and individual differences / eds. V. Zeigler-Hill, T. Shackleford: SpringerLink 2016, pp. 1-6, 10.1007/978-3-319- 28099-8_1059-1

[5] Trip S., Marian M., Halmajan A., Drugas M.I., Bora C.H., Roseanu G. Irrational Beliefs and Personality Traits as Psychological Mechanisms Underlying the Adolescents' Extremist Mind-Set // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. p. 1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01184

[6] Kruglanski A.W., Szumowska E., Kopetz C.H., Vallerand, R.J., Pierro A. On the psychology of extremism: How motivational imbalance breeds intemperance // Psychological Review. Advance online publication. 2020. DOI: 10.1037/rev0000260

[7] Leander N. P. Agostini M., Stroebe W., Kreienkamp J., Spears R., Kuppens T., Van Zomeren M., Otten S., Kruglanski A.W. Frustration-affirmation? Thwarted goals motivate compliance with social norms for violence and nonviolence // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 119. № 2. p. 249-271. DOI: 10.1037/pspa0000190

В отечественных исследованиях осуществляются попытки создания условного психологического портрета личности с экстремисткой направленностью, который включает в себя: потребность изменения жизни, желание реализовать сверхценную идею социального реформаторства, неоформленную и дефектную идентичность, выраженный этноцентризм, нарушения социализации и социально-психологическую незрелость мировоззренческую неустойчивость, максимализм, некомпетентность в выборе средств достижения целей, выраженность защит собственного Я, низкую самооценку, выраженную потребность в присоединении к референтной группе, отсутствие четких целей и жизненной перспективы[1].

Проводятся эмпирические исследования индивидуально-психологических характеристик личностей, имеющих тенденцию к экстремизму. Так, например, исследователями выявлены такие характеристики: особенности ценностной направленности, а именно, низкая значимость ценности «здоровье» и высокая значимость «свободы», и «самоконтроля»; выраженность внутренней конфликтности; социальная фрустрированность, которая проявляется в отвержении общества и в отвержении со стороны общества (чему соответствует архетип «Сироты»); отчетливое проявление иррациональных установок (катастрофизация, долженствование в отношении себя, оценочность); выраженный цинизм как личностная диспозиция[2].

Выделяются диагностические признаки экстремистской направленности личности: «эмоциональная глухота», фрустрированность, дихотомическое мышление, крайне завышенная или заниженная самооценка, неконструктивные модели поведения в конфликте[3].

---

[1] Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Карелин Д.В., Козлова Н.В. Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. № 3(8). С. 123–134.

[2] Эльзессер А.С., Мандрыкина Л.В., Капустина Т.В., Кадыров Р.В. Индивидуально-психологические характеристики старшеклассников, имеющих тенденцию к экстремизму // Человеческий капитал. 2021. № 3(147). С. 193–203.

[3] Шарапов А.В. Психолого-педагогические признаки и типология экстремистской направленности личности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 6(81). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-priznaki-i-tipologiya-ekstremistskoy-napravlennosti-lichnosti (дата обращения: 02.12.2022).

Таким образом, мы имеем дело с разнообразным перечнем признаков экстремисткой направленности личности, которые являются деструктивными и охватывают всю структуру личности. При этом признаки предоставляются на основе эмпирических исследований и феноменологических наблюдений не имея под собой обоснованных критериев систематизации и методологической базы.

На наш взгляд, одним из вариантов решения данной проблемы может быть интеграция ресурсного и субъектного подходов, определяющих методологические основания для выявления наиболее универсальных проявлений экстремисткой направленности личности.

С точки зрения ресурсного подхода для личности с экстремисткой направленностью будет характерно такое явление, как ресурсное истощение[1]. Ресурсное истощение препятствует осуществлению продуктивной жизни личности, блокирует ее жизненную успешность. При гармоничном функционировании системы личностных ресурсов, они могут уменьшаться (исчерпываться), восстанавливаться и компенсироваться под воздействием внешних и внутренних условий. При нарушениях в данной системе, личность не может возобновлять ресурсы и начинает замещать (осознанно или неосознанно) их деструктивными вариантами жизнеосуществления. Основные признаки ресурсного истощения представлены на рис. 1. Определяющее значение в ресурсном истощении имеют нарушения на уровне метаресурсов. Метаресурсы – это «посредники», координаторы между другими ресурсами, определяющие их приоритет, наивысший уровень в иерархии личностных ресурсов, интегративные психологические образования, обеспечивающие наиболее эффективное разрешение противоречий, возникающих у личности как субъекта социальных отношений за счет, трансформации и

[1] Деева Н.А. Лампаров С.С. Признаки ресурсного истощения у лиц подростково-юношеского возраста, совершивших вооруженные нападения в образовательных организациях // Девиации несовершеннолетних в условиях постмодернистского общества: материалы Всерос. конф., Казань, 26 апреля 2019 года. Казань: Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 126–131.

преобразования ценностно-смысловой сферы личности в процессе саморегуляции[12].

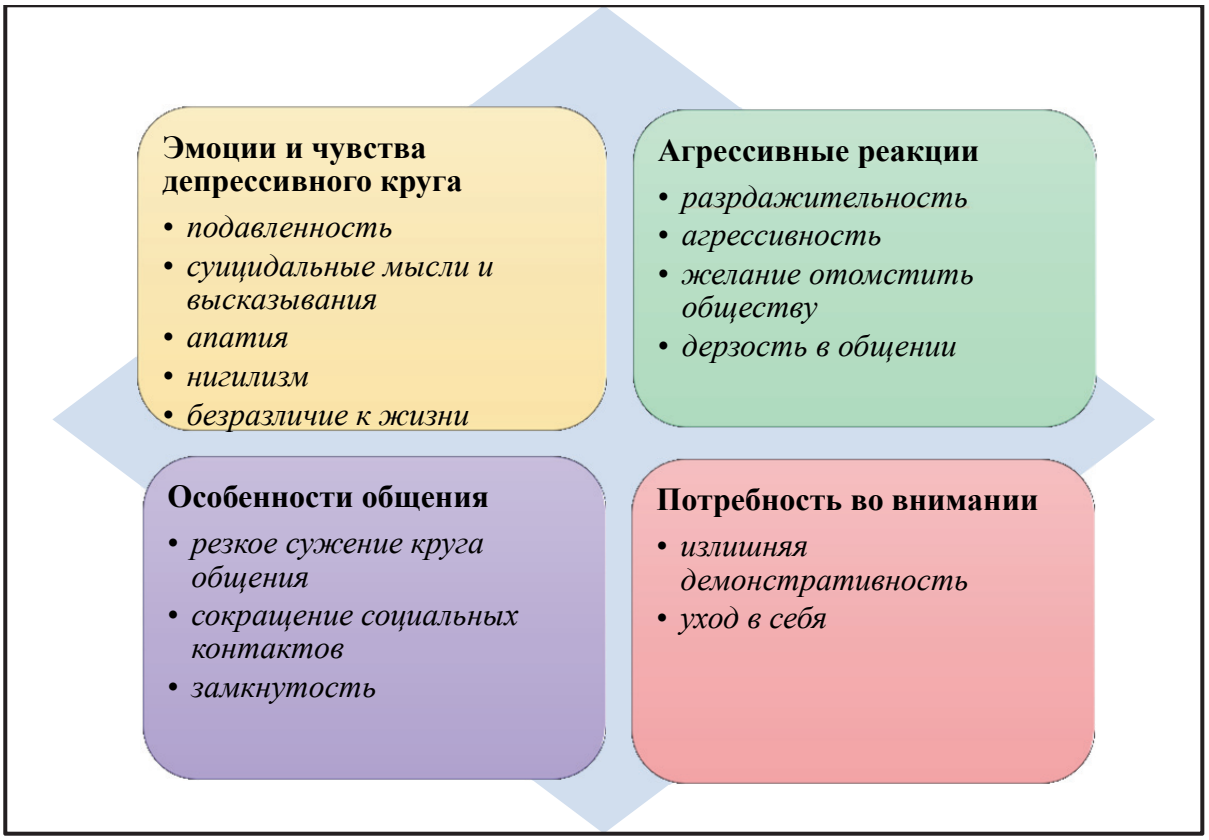

Рис. 1. Признаки ресурсного истощения

К метаресурсами относят такие интегративные психологические образования: надежда, душевная сила (мужество), рациональная вера, причастность к социуму, самоценность, вера в добро, субъективное благополучие, жизненная успешность, смысл жизни и т.п. В данном случае наибольший интерес для нас представляет метаресурс жизненной успешности.

В сложной системе саморегуляции личности, успех занимает одно из ключевых мест и является это необходимым элементом любой деятельности. Можно сказать, что он

[1] Марков В.Н. Ресурсный подход к психологической диагностике: основные принципы // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2010. № 4. С. 5–10.

[2] Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей. Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 4 С. 62–78.

представляет границу взаимодействия человека и мира, дает нам понять, что мы есть, существуем. При этом масштаб целей деятельности не важен. Порой достигнуть успеха в каком-то небольшом деле имеет огромное значение для личности.

В рамках ресурсного подхода, жизненная успешность понимается как интегративное психологическое образование (объединяющее в себе рефлексивные механизмы, личностные качества и эмоциональные переживания), проявляющееся в субъектной активности, осуществляющее функцию рефлексивного соотнесении предвосхищаемых и уже достигнутых целей и результатов субъектной активности в пространстве ценностно-смыслового поля личности с учетом складывающихся социокультурных условий[1] на основании морально-нравственных принципов. В современном «сложном социуме», когда происходит уход от однолинейной модели развития и возрастает необходимость определения собственных ценностно-смысловых координат жизненной успешности, построения проекта жизни, актуальность данного метаресурса возрастает. Жизненная успешность представляет собой способность человека определять приоритеты в жизни, осознавать значение ценностей и в соответствии с этим ставить цели и достигать их, приносить пользу обществу посредством своего посильного вклада. Жизненная успешность как сформированный метаресурс выступает показателем психологического здоровья личности. Это тот инструмент, который помогает справляться со сложными жизненными ситуациями, негативными психическими состояниями, делать осознанный выбор и достигать поставленных целей. Она помогает оставаться собой в непростом мире и, хотя бы отчасти влиять на ситуацию. Успешная личность выстраивает свой жизненный путь принимая во внимание складывающие обстоятельства и берет на себя ответственность за принятые решения, а трудности воспринимает как новые возможности для развития. Быть жизненно успешным – проживать подлинную жизнь, понимать ее самые простые смыслы, уметь реализовывать

[1] Деева Н.А. Субъективные представления россиян о жизненной успешности // Национальный психологический журнал. 2022. № 2(46). С. 14–24.

свои способности, уметь видеть прекрасное и понимать, что сегодняшний день уже не повториться. Если человек не соизмеряет, не осмысливает и не определяет координаты своей жизненной успешности, то ему извне предоставляются готовые варианты.

Таким образом, личность со сформированным метаресурсом жизненной успешности будет проявлять качества субъектности (ответственность, самостоятельность, инициативность и т. п.) при совершении поступка, осуществлении выбора, определении жизненных приоритетов. В свою очередь, экстремистская направленность характеризуется несформированностью, либо истощением данного метаресурса, когда содержание ценностей и выстраиваемые координаты жизни характеризуются попытками личности найти свой успех (как границу своего существования) в асоциальных контекстах.

Лапсарь Маргарита Владимировна,
адъюнкт 1 курса
Краснодарского университета МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ «КОЛУМБАЙН»

На сегодняшний день проблема распространения среди несовершеннолетних идеологии движения «Колумбайн» является одной из наиболее актуальных проблем, затрагивающей деятельность не только правоохранительных органов, но и в особенности психологов, педагогов, социальных служб. Пропагандируемое представителями «Колумбайн» мировоззрение, основанное на оправдании ненависти и насилия как единственно возможного отношения к обществу и действительности, представляет собой угрозу как для нормального функционирования общества, так и для развития личности несовершеннолетнего. В данном контексте особую актуальность приобретают различные научные исследования сущности и отдельных аспектов идеологии движения «Колумбайн».

Благодаря уже проведенным ранее исследованиям идеологии «Колумбайн», мы можем с уверенностью отнести ее к деструктивным идеологиям. Такой вывод сделан благодаря, в том числе, исследованиям В.О. Карпова[1], Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов[2].

В основании каждой деструктивной идеологии лежит одно или комплекс патологических состояний психики. Например, в основании наркотических субкультуры и идеологий лежат шизофренические установки сознания. В свою очередь, практика криминального суицида опирается на параноидальные установки участников «групп смерти», тогда как оправдание педофилии характерно для соответствующей девиантной идеологии и имеет в своем фундаменте нарциссические наклонности. Наконец, в основании идеологии движения «Колумбайн» специалисты выявляют психопатические установки сознания.

Деструктивной характер идеологии движения «Колумбайн» делает необходимым рассмотрение ее психологического аспекта. Данная необходимость вытекает из самой структуры деструктивной идеологии, в которой психологическая составляющая непосредственно или опосредованно обусловливает формирование всех последующих уровней. И действительно, для того чтобы негативные ценности, концепты и модели поведения, входящие в состав той или иной противоправной идеологии, могли быть отобраны или сформированы, они должны опираться на определенные установки. В данном случае функции отбора и формирования выполняют психопатические состояния, важнейшими из которых являются:

– параноидальность, проявляющаяся не столько в убеждении индивида в том, что против него направлен заговор и за ним следят, но в стремлении быть абсолютно независимым и занять предельно высокий социальный статус;

---

[1] Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4(34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kult-kolumbayna-osnovnye-determinanty-massovyh-ubiystv-v-shkolah (дата обращения: 21.11.2022).

[2] Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/massovye-ubiystva-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah-mehanizmy-prichiny-profilaktika (дата обращения: 21.11.2022).

– антисоциальность, выражающаяся в принципиальном неподчинении моральным, социальным и правовым законам и правилам;

– нарциссизм, основывающийся на завышенной самооценке индивида и вызывающий негативную реакцию индивида на любое проявление своей слабости и своего несовершенства;

– садизм, заключающийся в переживании возбуждения и получении удовлетворения от страданий других людей или животных;

– шизоидность, проявляющаяся в наличии у индивида «бреда величия» и галлюцинаций.

Перечисленные выше психопатические состояния далеко не всегда свойственны одной личности. Более того, некоторые из них исключают друг друга, вместе с тем именно психопатические состояния могут лежать в основании мировоззрения представителей движения «Колумбайн», поэтому анализ разделяемых ими концепций не должен носить чисто когнитивный характер, но может быть связанным с психологическим анализом личности.

Важность психологической составляющей самосознания как лиц, совершивших акты скулшутинга, так и сторонников движения «Колумбайн», заключается в том, что причины совершения противоправных действий и наличие девиантного мировоззрения носят не внешний, а внутренний характер. Другими словами, далеко не всегда приверженность идеологии движения «Колумбайн» обусловлена так называемым булингом – травлей в школе – или сложными семейными обстоятельствами обучающегося или его замкнутостью. Часто внешнее поведение индивида не дает оснований для подозрений о наличии психологических и мировоззренческих отклонений в его сознании. По этой причине в некоторых случаях идеологический анализ мировоззрения подростков, в том числе их интересов, позволяет своевременно зафиксировать наличие определенных отклонений в их сознании.

Исследование психологической составляющей идеологии скулшутинга может способствовать установлению следующих юридически важных аспектов:

– эмпирическому определению характера личности лица, совершающего акты скулшутерства, посредством анализа динамики ее формирования в семье, школе и других социальных средах;

– фиксации психопатического типа скулшутера посредством его отнесения к одному из трех основных типов:

1) психопатическому типу, для которого характерна потеря эмпатии, сочувствия к другим людям, что способствует с одной стороны, получению наслаждения от страданий других людей, а с другой – свободе от чувства вины;

2) психотическому типу, характеризуемому чувством отрешенности от других людей и определением себя в качестве изгоя;

3) травматическому типу, формирующемуся под влиянием перенесенной ранее определенной психической или физической травмы;

– раскрытие влияния социально-психологических стереотипов на формирование мотивов совершения преступления, например наличие социальных или культурных представлений, признающих допустимость убийства в качестве средства решения проблем.

Важность использования психологической составляющей при анализе деструктивных идеологий в целом и идеологии движения «Колумбайн» в частности заключается в том, что она на основе анализа различных речевых материалов и изображений позволяет зафиксировать стадию готовности к совершению насильственных действий, что придает идеологическому анализу источников субкультуры практическую значимость. Основными этапами готовности индивида к совершению противоправных действий следует признать:

– хроническую деформацию, для которой характерно чувство разочарования в жизни и нахождение в состоянии социальной изоляции;

– неконтролируемую деформацию, которая характеризуется повышенной степенью оторванности индивида от социума и его невосприимчивостью к средствам социальной коррекции;

– острую деформацию, имеющую краткосрочный характер и связанную с пережива нием индивидом какого-либо социального поражения;

– стадию планирования, представляющую собой этап продумывания индивидом своих будущих преступных действий, которому свойственно фантазирование по поводу будущих событий;

– стадию осуществления, предполагающую либо совершение, либо попытку совершения противоправных действий насильственного характера в образовательной организации с применением оружия или взрывчатых веществ.

Как уже было сказано, прохождение данных стадий выражается как на когнитивном, так и на субкультурном уровнях сознания скулшутера, что требует повышенного внимания как к поведению подростков или молодых людей, так и к мониторингу информационного пространства. Важнейшими признаками, свидетельствующими о психологической деформации сознания подростка или молодого человека, являются:

– собирание различных изображений скулшутеров;

– обыгрывание их образов в разных формах фанатского творчества;

– посещение сайтов, рассказывающих или предлагающих приобрести различные виды оружия;

– повышенный интерес к веб-страницам, на которых размещаются и обсуждаются видео и фото скулшутинга в различных образовательных организациях;

– составление плейлиста, содержащего музыкальные композиции с явно деструктивным содержанием;

– наличие в высказываниях подростка различных намеков либо фантазий по поводу возможного совершения акта скулшутинга, либо свидетельства реальной подготовки подобных действий.

В завершение краткого анализа психологической составляющей идеологии движения «Колумбайн» следует подчеркнуть, что, хотя она играет существенную роль в определении характера ее концептуального уровня, сведение взглядов представителей данной субкультуры к психологии невозможно. Это означает, что в профилактике противодействия идеологии движения «Колумбайн» следует применять не только психологические и правовые меры, но и меры чисто идеологического характера.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИЙ РАДИКАЛЬНОЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Таганова Анна Александровна,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
кандидат психологических наук, доцент

О РОЛИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СИСТЕМ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

В системе социального функционирования современной личности информационно – коммуникативные системы занимают все более значимое место, при этом неограниченные возможности данной системы имеют неоднозначные последствия для пользователя. Практически неконтролируемый информационный поток интернет-ресурсов существенно влияет на поведенческие ориентации личности, определяя, как их социально одобряемые, так и социально опасные, маргинальные формы. В большей степени риску интернет угроз подвержены пользователи, не обладающие достаточной зрелостью личностных черт, прежде всего лица подросткового и юношеского возраста. Распространение получает вовлечение несовершеннолетних в сетевые группы, пропагандирующие экстремистские установки (суицидальные, аддиктивные и пр.). Доказательством данного факта является валообразное количество материалов по соответствующей категории дел, фигурантами которых выступают лица подросткового и юношеского возраста. Проблема девиантного поведения (в том числе экстристско-террористические установки) молодежи в информационно-коммуникативных системах несет не только персональную опасность – она затрагивает общественные устои,

подрывает, деформирует генофонд нации, ставит под угрозу государственную безопасность.

В современных условиях информационно-коммуникативные технологии стали эффективным средством социально научение и закрепление у несовершеннолетних нормальности и приемлемости делинквентного поведения. Так изобилие сюжетов демонстрирующих физическое насилие, моральное уничижение личности глубоко врезаются в сознание несовершеннолетних, воспринимаются как должное, а затем занимают приоритетное место в иерархии ценностей и мотивов поведения подрастающего поколения. Массовое распространение информации деструктивного содержания, искажение традиций и ценностных ориентаций, создание постоянного ощущения опасности и неблагополучия, вербовка в деятельность экстремистского характера несовершеннолетних ориентированных на деструктивное поведение, стремление подростков к саморазрушению на всех уровнях своего существования, все это является целями вовлечение в преступную деятельность по средствам информационно-коммуникативных технологий.

Наиболее распространенное понимание сущности вовлечения несовершеннолетнего в деструктивную деятельность по средствам формирования экстремистско-террористических установок, означает создание решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасных противоправных действий, направленных на реализацию преступного умысла. При этом, вовлечение предполагает активные действия взрослых, связанные с физическим и психологическим воздействием на несовершеннолетнего. Вовлечение выражается в виде внушения несовершеннолетнему мысли о необходимости совершения деструктивного действия[1].

В связи с этими обстоятельствами особую тревогу вызывают статистические данные за 2021 год свидетельствующие о том, что более 90% несовершеннолетних проживающих в Российской Федерации зарегистрированы и являются активными пользователями социальных сетей, причем

[1] Дамаскин О.В., Красинский В.В. Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность // Государство и право. 2020. № 8. С. 41–54.

большинство из них имеет несколько активных аккаунтов. Первый, назовем его «официальный» аккаунт предназначен для демонстрации и взаимодействия со значимыми взрослыми в жизни несовершеннолетнего (родителями, родственниками, учителями). Второй аккаунт представляет собой личное пространство несовершеннолетнего, в котором отсутствует контроль и оценка действий несовершеннолетнего со стороны взрослых.

Анализ ряда междисциплинарных работ зарубежных и отечественных исследователей в области противодействии экстремизма и терроризма позволил сделать вывод о том, что нет единого комплексного криминально-психологического портрета потенциального экстремиста, не смотря на наличие сходных характеристик. Однако, можно выделить некое сочетание качества личности, позволяющие более легко сформировать у него экстремистско-террористические установки и направить на разрушающее поведение. Так, высокий уровень интеллекта, высокой самооценка, стремлением к самоутверждению в сочетании с низким уровнем социального интеллекта, и проблемами в репрезентации себя в обществе могут легко привести принятию поведения экстремистского характера, как формы реализации своего «Я». Другой пример, это личность неуверенная в себе, воспринимающая себя как неудачник со слабой «Я-концепцией». Подсознательное желание такой личности быть в составе сильной группы, испытывать чувство полезности, может легко подтолкнуть к принятию экстремистско-террористических установок. Высокий уровень агрессии по отношению к миру, стремление самоутвердиться за счет других, фанатизм и преданность делу – те качества, которые объединяют приведенные выше примеры.

Работа по данному направлению позволила нам выделить следующие характеристики (технологии) распространении экстремистско-террористических установок в молодежной среде.

1. В социальных сетях, в массовых пабликах (например, «4ch») и маленьких специализированных сообществах (например, «Natural selection или «Комбикорм») активное продвижение активного продвижения многочисленных мемов, популяризующих «идеи», «героев» и «ситуации». Героизируется

как само криминальное деяние, так и личность его свершившее (особо внешний вид).

2. Распространение агрессивно-депрессивного контента. Еще лет пять назад, у нас не было «своего» контента и в информационно-коммуникативных системах использовали информацию из западных социальных сетей, то в настоящее время увеличивается «база» Российского контента, который очень быстро приобретает характер вирусного.

3. Привлечение аудитории через менее «безобидные» паблики. Так, например через «маньяческие» паблики, которые являются более обезличенными и позволяют расширить аудиторию пользователей. Например, в «ВК» существует более трехсот аккаунтов под никами «Влад Росляков», «Ильназ Галявиев», «Андрес Брейвик», «Клиболд», «Харрис» и т. д.

4. С помощью информационно-коммуникативных систем осуществляется «бесконтактная вербовка» молодежи в деструктивные организации и привлечение к деструктивным субкультурам. Механизмы данного вида вербовки по содержанию воздействия (создание специализированных сайтов или страничек в социальных сетях конкретных блогеров; с помощью таргет-рекламы; с помощью мессенджеров и т. д.) ставят под сомнение устои морали, традиционные ценности, формируют иррациональное восприятие действительности и внушают мысль о том, что жизнь человека не принадлежит ему, судьба его – не в его руках.

Социальные сети позволяли не только размещать информацию, но и поддерживать интерактивное общение, осуществлять «точечный» поиск полезных людей. Для этого анализировались публикации на личных страничках, составлялся психологический портрет человека, оценивалась возможность его вовлечения в секту. Особое внимание уделялось темам, которые поднимали в социальных сетях, взглядам и убеждениям пользователя.

Необходимо выделить и типовую схему вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность выглядит следующим образом: подбор несовершеннолетнего; формирование в качестве приемлемой модели антиобщественного поведения и противоправных установок; укрепление желания

совершить конкретное преступление или антиобщественное действие; сокрытие участия взрослого в совершении преступления или антиобщественного действия.

Вовлечение несовершеннолетних в деструктивную деятельность, в том числе в деятельность запрещенных в Российской Федерации движений, обусловлено комплексов факторов и причин. При этом часто не возможно выделить какой-либо один или группу маркеров (критериев), наличие которых однозначно свидетельствовал бы о вовлечении несовершеннолетних, в ту или иную деструктивную деятельность. Кроме того, вовлечение в деструктивную деятельность посредствам информационно-коммуникативных технологий может характеризоваться различным набором действий, например, эпизодическое чтение и репост соответствующих текстов экстремистской тематики, с одной стороны и непосредственное участие в совершении преступления – с другой. Следовательно, определения степени вовлеченности несовершеннолетнего носит индивидуальный характер, однако можно проследить и оценить, так называемые уровни готовности несовершеннолетнего к деструктивному действию экстремистского характера. Так, на базовом уровне происходит размышления о возможности совершить деяние гипотетически. Несовершеннолетний высказывается о том, что «возможно когда-нибудь попробовал такое» или о том, что «такое может произойти и рядом». На втором уровне происходит процесс формирования и осознания желания совершить деяние. Несовершеннолетний говорить о том, что хочет попробовать, хочет повторить поступок и возможности и т. д. На третьем уровне вовлечения, несовершеннолетний планирует совершение конкретного поступка с продумыванием методов и средств, сообщая об инциденте в будущем фразами «когда я уничтожу весь биомуссор», «вот когда я буду уничтожать черных» и т. д.

При этом на каждом из выделенных уровней у несовершеннолетнего будут проявляться поведенческие признаки (маркеры) участия в течении экстремистского характера в информационно-коммуникативной среде. Так на базовом уровне поведенческие признаки участия в течении экстремистского характера единичны. На уровне формирования желания –

поведенческие признаки становятся выраженнее. На третьем уровне присутствует большенсто из поведенческих признаков.

Опыт работы по раскрытию преступлений экстремистского характера совершенных с участием несовершеннолетних, а так же анализ конкретных случаев вовлечения несовершеннолетних в экстремистско-террористическую деятельность позволил выделить и сгруппировать критерии (маркеры) вовлечения несовершеннолетнего на основе анализ его аккаунта в сети Интернет. В первую группу вошли маркеры позволяющие оценить частоту посещения несовершеннолетним интернет-сайтов (страниц, форумов и т. д.) экстремистско-террористического характера и время, проводимое на них: интерес несовершеннолетнего к сайтам (группам, форумам, сообществам) с «шок-контентом»; интерес несовершеннолетнего к расовой теории, которая основывается на постулате о том, человеческие расы различаются и их можно разделить на высшие имеющие превосходство над низшими; интерес и оправдание культа жестокости и насилия, выраженные, в том числе, в поисках и сохранении фото и видеоматериалов неспортивного насилия; интерес несовершеннолетнего к культуре употребления наркотических веществ, к высказыванием известных людей о собственном положительном опыте употребления запрещенных веществ; интерес и романтизация самоубийств.

Вторая группа маркеров позволяет проанализировать содержания контента аккаунтов в социальных сетях принадлежащие несовершеннолетнему на степень принятия деструктивного поведения и (или) принадлежность к определенному маргинальному сообществу. Анализу подвергаются текстовые, фото- и видеоматериалы. Необходимо так же подвергнуть анализу содержания комментариев несовершеннолетних в социальных сетях как показатель положения деструктивной деятельности в системе его собственных ценностей. Определить круга общения несовершеннолетнего (друзья, подписчики) и выявить в нем лиц с выраженными деструктивными направленностями, а так же определить отношения несовершеннолетнего к этим лицам, через реакцию одобрения, позитивные высказывания в их адрес. Наличие у несовершеннолетнего закрытого круга общения в сети

Интернет (участие в закрытых форумах, группах) и т. д. Важным аспектом является и оценка не сформированности у несовершеннолетнего позитивных интересов, наличия интереса к биографии конкретных террористов, популяризация и оправдание их преступной деятельности, посредством размещения сообщений и комментариев в сети Интернет.

В рамках реализации противодействия распространению экстремистско-террористических установок в подростковой среде выделяются следующие направления деятельности органов внутренних дел: выявление противоправного контента в информационно-коммуникативных системах по средствам постоянного мониторинга; выявление «администраторов» и «кураторов» создаваемых сайтов, аккаунтов деструктивного характера и занимающихся вербовкой несовершеннолетних; проведение информационно-просветительской работы в образовательных учреждениях не только с несовершеннолетними, но и с родителями и учителями; проведение мероприятий информационно-пропагандистской направленности с вовлечением несовершеннолетних; создание позитивного контента в информационно-коммуникативных системах способствующего формированию и развитию правосознания и правовой культуры современных подростков и т. д.

В целях противодействия вовлечению несовершеннолетних в деструктивные группы в сети Интернет на территории Российской Федерации осуществляет свою деятельность рабочая группа, созданная распоряжением МВД России от 21 марта 2017 г. № 1/3236 из числа представителей служб и подразделений МВД России, заинтересованных в выработке и реализации неотложных мер, направленных на совершенствование механизма выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с деятельностью лиц, склоняющих несовершеннолетних к деструктивному поведению посредством оказания психологического воздействия через Интернет.

Для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в социальных сетях необходимо обеспечить постоянное взаимодействие между оперативными подразделениями и общественными объединениями, осуществляющими мониторинг противоправного контента в сети

Интернет. В сложившейся ситуации необходима реализация комплексного проекта, направленного на изучение интернет-привычек современных подростков, а также факторов, влияющих на проявление ими девиаций в сети. Полученные сведения о интернет-поведении способствуют планированию комплексных превентивных мер, направленных на минимизацию интернет-угроз, созданию и реализации психолого-педагогических программ, нацеленных на формирование интернет- культуры. Можно выделить следующие задачи, которые должны быть реализованы как в учебно-методическом так и в научном направлении деятельности образовательных организаций находящиеся в введении МВД России: разработка и реализация комплексной системы направленной на выработку навыков безопасной интернет-коммуникации, за счет формирования интернет культуры у несовершеннолетних; методическое и научное обеспечение правоохранительной деятельности по антитеррористической (антинаркотической, антисуицидальной деятельности); расширение дидактического инструментария сотрудников органов внутренних дел за счет реализации программ профессионального обучения (повышения квалификации).

Луо Хунвэй,
доцент
Китайского народного полицейского университета

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ С КИТАЙСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Базы данных по борьбе с терроризмом делятся на три категории по содержанию:

Базы данных, которые сосредоточены на идентификации террористов, называемые «базами данных людей»;

Базы данных, которые сосредоточены на регистрации информации о террористических организациях, называемые «базами данных организаций»;

И базы данных, которые сосредоточены на регистрации террористических инцидентов, называемые "базами данных инцидентов".

Из трех категорий – наибольшее внимание уделяется базам данных инцидентов. Поэтому мы сосредоточились на базах данных террористических инцидентов.

Сравнение глобальных баз данных о террористических инцидентах

Базы данных инцидентов в основном представляют собой описательные тексты, преобразованные в цифры путем подсчета и индексации из литературы с описательной записью, в основном новостных сообщений

Поскольку в нем записаны события, происходившие в прошлом, теоретически он открыт для публики.

В настоящее время существуют три основные международно признанные и известные базы данных по терроризму, которые регистрируют широкий спектр событий, открыты для исследователей и к которым можно получить доступ для получения информации

来自美国的“兰德公司世界恐怖主义事件数据库” (Rand Database of Worldwide Terrorism Incidents，简称RDWTI)

База данных Rand по террористическим инцидентам в мире

из США (Rand Database of Worldwide Terrorism Incidents, Сокращенно RDWTI).

Терроризм в Западной Европе: база данных инцидентов из Норвегии (Terrorism in Western Europe:Events Data, Сокращенно TWEED)

Глобальная база данных по терроризму из США (Global Terrorism Database, Сокращенно GTD)

Сравнивая эти три базы данных событий, мы обнаруживаем, что RDWTI и TWEED больше не обновляются, и если нам нужна база данных с полными историческими данными, которые постоянно обновляются до настоящего времени, мы должны выбрать GTD, которая является одной из наиболее цитируемых публичных баз данных в научных кругах сегодня.

В последние годы международные данные о борьбе с терроризмом, на которые обратили внимание китайская общественность и научно-исследовательские институты, в основном поступают от GTD.

GTD была впервые создана в 1970 году американской охранной компанией《Служба глобальной разведки Пинкертона》

В 2001 году Пинкертон отправил копию оригинальных данных GTD в Университет Мэриленда, и после того, как оригинальные данные были переданы и профинансированы грантом Национального института юстиции, исследователи Университета Мэриленда разработали код базы данных и веб-платформу ввода данных для создания цифровой базы данных.

С тех пор, база данных находится в ведении Национального альянса по изучению терроризма и стратегий реагирования (START) при Университете Мэриленда.

Будучи академическим учреждением, в настоящее время Национальный альянс по изучению терроризма и стратегий реагирования (START) является одним из 12 исследовательских центров передового опыта Министерства внутренней безопасности США, объединяющим высококвалифицированных экспертов и исследователей для решения проблем внутренней безопасности Америки.

II. Идентификация террористических инцидентов по Глобальной базе данных о терроризме (ГБД)

Известно, что существует множество различных определений терроризма. и природа и причины терроризма горячо обсуждаются как правительствами, так и учеными.

Хотя существует общее согласие относительно некоторых общих элементов терроризма, таких как преднамеренное применение насилия, многие другие элементы (например, должны ли жертвы терроризма быть некомбатантами) все еще обсуждаются в международном сообществе.

Даже при наличии определенного консенсуса на самом широком уровне, разногласия часто возникаютпо деталям.

GTD определяет террористический инцидент как угрозу или фактическое применение негосударственными субъектами незаконной силы и насилия для достижения политических, экономических, религиозных или социальных целей посредством страха, принуждения или запугивания.

В частности, этот тип террористического инцидента требует одновременного выполнения трех условий: во-первых, инцидент должен быть преднамеренным; во-вторых, он должен включать в себя определенную степень насилия или прямую угрозу насилия, включая насилие против собственности и людей; и в-третьих, виновником инцидента не может быть суверенное государство.

Кроме того, должны быть соблюдены два из следующих трех критериев: во-первых, насилие направлено на достижение политической, экономической, религиозной или социальной цели; во-вторых, насилие содержит доказательства намерения принудить, запугать или передать какое-то другое послание более широкой аудитории (или нескольким аудиториям), чем непосредственная жертва; и в-третьих, насилие выходит за рамки норм международного гуманитарного права.

Хотя понятие терроризма четко описано в ГТД, фактическая идентификация террористических событий полагается на субъективное суждение исследователей, поэтому события, попадающие в базу данных по терроризму, часто не соответствуют фактам, что требует нашего внимания. Например, ни один из террористических инцидентов, перечисленных в базе данных как произошедшие в Китае в 2020 году, не был

официально идентифицирован как террористический инцидент китайским правительством в китайских новостных сообщениях.

III. Применение и продвижение Глобальной базы данных по терроризму (ГБД)

Глобальный индекс терроризма (GTI) – это тема, которая в последние годы ежегодно становится предметом шумихи в СМИ разных стран. Этот индекс публикуется австралийским аналитическим центром под названием Институт экономики и мира (IEP), но его источником данных является GTD.

«Глобальный индекс терроризма» оценивает и ранжирует страны, пострадавшие от терроризма, создавая визуальную карту глобального распределения террористических инцидентов, в частности, ежегодный рейтинг стран, пострадавших от терроризма во всем мире. Китай занимает очень высокое место в этом индексе, постоянно колеблясь между 20-м и 25-м местом в 2010–2015 годах и между 33-м и 53-м местом в 2016–2020 годах.

Рейтинг Китая в GTI на самом деле сильно отличается от субъективного восприятия китайского народа. В 2020 году Gallup провел ежегодный опрос о восприятии безопасности в 144 странах с населением 175 000 человек. Китай занял 3-е место среди самых безопасных стран, США – 37-е место, а Австралия – 38-е место. Другими словами, китайцы субъективно считают, что в стране очень безопасно.

Аквит Виктория Сергеевна,
преподаватель кафедры
социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Васькин Егор Сергеевич,
курсант 2 курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Информация и способы ее передачи еще с самых древних времен играли большую роль в жизни общества. С развитием средств производства и смены экономических формаций происходило качественное развитие средств и методов, с помощью которых люди передавали информацию друг другу. Современный человек, а в особенности молодые люди, получают большую часть информации из телекоммуникационной сети «Интернет». Потребляя и усваивая такого рода информацию, человек складывает на ее основе мнение и позицию. Однако, к сожалению, большая часть из них не занимается проверкой достоверности данной информации, что ведет к ложным выводам, а затем действиям, в результате чего непосредственный вред общественному правопорядку не исключен.

Для того чтобы этого избежать, правоохранительные органы должны осуществлять соответствующие меры в информационном пространстве по борьбе с информацией, несущей в себе экстремистский посыл в общество. Поток большого количества информации требует контроль не только со стороны гражданского общества, но и государственных структур.

Информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по

линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники[1].

Экстремистские материалы – это имеющая влияние на материальный мир информация, которая побуждает к деятельности экстремистского характера.

Экстремизм в сети «Интернет» – представляет собой форму экстремистской деятельности, которая осуществляется в Интернете[2].

Причины распространение экстремистских материалов в сети интернет:

– низкий уровень государственного контроля данной сфере;

– отсутствие целостного подхода к деятельности по противодействию экстремизму в сети Интернет;

– быстрая скорость распространения недостоверной информации;

– отсутствие контроля национального характера в форме цензуры;

– сложность в установление лица, разместившего материалы экстремистского характера в связи с наличием средств и технологий для конспирации.

Меры, которые необходимы для эффективного противодействия экстремизму:

1. Создание предпосылок для автоматизации нахождения незаконных материалов в социальных сетях, использование нейросетей.

2. Активное использование общественных организаций, которые смогут выполнять профилактическую функцию в социальных сетях.

3. Увеличение штата сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность в данном направлении.

4. Создание систематизированных методик для выявления противоправной информации и их интеграция.

---

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022).

[2] Овчинский В.С. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом. Хрестоматия. М., 2017. 76 с.

5. Обеспечение необходимым оборудованием и повышение квалификаций сотрудников органов внутренних дел.

6. Концентрация деятельности правоохранительных органов на уже известных опасных экстремистских организациях.

7. Усовершенствование законодательства в сфере контроля за размещением экстремистской информации в сети «Интернет».

Особенности экстремизма в сети Интернет для Российской Федерации.

К специфичным аспектам, которые относятся к Российской Федерации можно отнести следующие:

1. По данным «Росстат» на территории Российской Федерации проживает более восьмидесяти народов[1], которые имеют различные культурные особенности. Многонациональность и многоконфес-сиональность страны порождают «плодотворную» почву для межнациональных конфликтов в социуме. Этот аспект активно используется лицами, желающими посеять межнациональную рознь между гражданами Российской Федерации с помощью размещения провокационных материалов.

2. Нестабильная экономическая ситуация в мире подталкивает граждан, в том числе и законопослушных обращать внимание на недостоверные источники информации в сети «Интернет».

Как мы видим, в Российской Федерации проблема экстремизма в сети Интернет более чем важна, так как она имеет благоприятные условия для своего существования и развития. Именно поэтому правоохранительные органы должны принимать соответствующие меры по противодействию. Заместитель начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ Вячеслав Михеев утверждает, что четверть из выявленных в 2021 году террористических преступлений совершены с использованием сети Интернет[2]. Для 2022 года это не менее актуально.

Зарубежный опыт борьбы с экстремистскими материалами в сети Интернет.

---

[1] Национальный состав России: этногруппы и статистика. URL: https://rosin-fostat.ru/natsionalnyj-sostav

[2] ТАСС [Электронный ресурс] https://tass.ru/obschestvo/11854929

Актуальные методы по противодействию экстремизму в информационной среде на сегодняшний день существуют во многих странах мира. Например, в 2010 году был принят комплекс мер по борьбе с экстремисткой деятельностью в сети Интернет. В Великобритании Общенациональное спецподразделение по борьбе с терроризмом в области Интернета (CTIRU) обратилось к населению с рекомендацией информировать о наличии в Интернете материалов, которые могут содержать информацию экстремистского характера. Для этого пользователю предоставляется возможность нажать на «Стоп» после чего он будет перенаправлен на специализированный веб-сайт, где необходимо будет ввести адрес интернет – страницы, на которой был замечен подозрительный материал при условии его полной анонимности. CTIRU анализирует и проверяет приобретенные данные, в течение 36 часов осуществляет их удаление, в случае, если они являются противоправными и опасными для общества в соответствии законом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Интернет на данный момент является самой популярной средой для распространения незаконной информации, чему способствует политико-экономическая ситуация в Российской Федерации. Необходимо помнить, что при помощи сайтов, содержащих материалы экстремистского и террористического характера преступники активно пропагандируют различные идеологии. Именно поэтому правоохранительным органам необходимо усовершенствовать способы и методы противодействия в соответствии с требованиями, предъявляемыми в настоящее время.

Башлуева Наталья Николаевна,
доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

Мельников Никита Сергеевич,
курсант 3-го курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ЭКСТРЕМИЗМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

Возможности интернета и средств массовой информации по контролю за общественным сознанием граждан безграничны. Используя эти два канала связи, террористы и экстремисты, возглавляющие целые движения (или государства, чья политика по отношению к Российской Федерации является террористической и русофобской) пытаются оказать идеологическое и психологическое воздействие на сознание наших граждан.

Такая ситуация стала особенно острой после 24 февраля 2022 года, когда Президент Российской Федерации объявил о начале проведения специальной военной операции на территории Украины. И до этой сакральной даты в российском информационном пространстве действовали экстремистские группы и течения, однако большая часть из них пропагандировала идеологию, не связанную с разрушением государственности Российской Федерации, а лишь свои мелкие политические интересы.

Сам по себе информационный экстремизм является такой активной деятельностью, которая имеет своей целью неправомерное воздействие путем оказания деструктивного

социально-психологического и идеологического влияния через сеть интернет и средства массовой информации[1]. Такая форма воздействия хоть и носит вербальный и опосредованный характер, способна оказать несколько видов ущерба:

1. Моральный вред причиняется лицам, узнавшим ту информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. В качестве примера может выступать распространение экстремистской литературы – «труды» Адольфа Гитлера, Сирийских террористов и т. д.

2. Вред правам, свободам и законным интересам граждан. Как можно говорить о реализации права на равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка и т. д., когда «Исламское государство» (другие названия «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское государство Ирика и Шама»)[2] до 2015 года пропагандировало идеи джихада всем «неверным» идее радикального исламизма, патриархата, расизма, национализма и женоненавистничества[3].

3. Физический и материальный вред причиняется в том случае, когда экстремист, завербовав в свои ряды гражданина, оказывает на него влияние с целью, во-первых, имущественных и денежных пожертвований на деятельность этой экстремистской организации, во-вторых, отдает распоряжения по нанесению ущерба собственности и (или) гражданам, государственным органам и органам местного самоуправления Российской Федерации.

Такая совокупность пугающих факторов безусловно не была не замечена законодателем Российской Федерации, благодаря чему одной из ключевых функций Министерства Юстиции

---

[1] Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: Автореф. дис...канд. юридич. наук. Ростов-н/Д., 2007.

[2] Признано в Российской Федерации экстремистским.

[3] Решение Верховного Суда РФ т 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С – признать международные организации «Исламское государство» и Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) террористическими и запретить их деятельность на территории Российской Федерации.

России является ведение, опубликование и размещение в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов[1].

Механизм признания какого-либо материала экстремистским, следующий (см. приложение 1).

Деятельность Министерства юстиции Российской Федерации по осуществлению противодействия экстремизму основана в том числе и на разработанной в 2014 году Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года[2], в которой в 2014 году было пророчески прописано то, что реализуется сегодня по отношению к Российской Федерации: деятельность некоторых политических альянсов (в лице Европейского союза и государств Северной Америки), осуществляемая иностранными и международными неправительственными организациями по дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации, инспирирование «цветных революций» в государствах-бывших членах Союза Советских Социалистических Республик и, главное, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Остановимся на духовно-нравственных ценностях более подробно. Для нашего государства и общества эта тема является крайне чувствительной, поэтому в рамках проводимой информационной войны против нашего государства вышеуказанными политическими альянсами основной упор делается на экстремизм, направленный на разрушение традиционных ценностей Российской Федерации. В ответ на это Отечественный законодатель усиливает меры государственного контроля за информацией, направленной на семейное благополучие, морально-нравственное воспитание детей, самого института отцовства и материнства. Речь идет о внесении законопроекта[3], предусматривающего существенные санкции за

---

[1] Положение о Министерстве юстиции РФ утверждено Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 / "СЗ РФ", 18.10.2004, № 42, ст. 4108.

[2] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344.

[3] Законопроект № 217471-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений).

пропаганду нетрадиционных сексуальных ценностей и (или) предпочтений, а именно, педофилии, демонстрации ЛГБТ-контента и позывов к смене пола среди подростков. Нововведение в первую очередь коснется Интернета и средств массовой информации. Осознавая критическую значимость таких изменений, 27.10.2022 Государственная Дума в первом проекте приняла законопроект.

Следует также рассмотреть Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1], в который и вносятся указанные выше изменения. Настоящий нормативный правовой акт предусматривает возможность досудебного ограничения доступа к информации и/или информационным ресурсам по требованию Генерального прокурора и подчиненным ему прокурорам к федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в случае если блокируемая до судебного решения информация содержит в себе призывы к совершению массовых беспорядках (или к участию в массовых мероприятиях, которые проводятся с нарушением существующего административно-правового порядка), осуществлению экстремистской деятельности.

Несмотря на целый комплекс мер, принятых законодателем для контроля экстремистской информации в сети Интернет, существует ряд проблемных вопросов, которые сейчас находятся в стадии разрешения[2]:

1. Фундаментальные вопросы понимания сущности и правовой характеристики экстремизма.

2. Комплексный анализ источников появления угроз информационной безопасности личности, общества и государства как форма правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

---

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022).

[2] Козлов В.Е., Геронин В.Н. Проблемные вопросы осуществления противодействия экстремизму в сети интернет // Борьба с преступностью: теория и практика: Тезисы докладов VI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД, Могилев, 2–3 апреля 2018 года / отв. ред. Ю.А. Матвейчев. Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2018. С. 370–372.

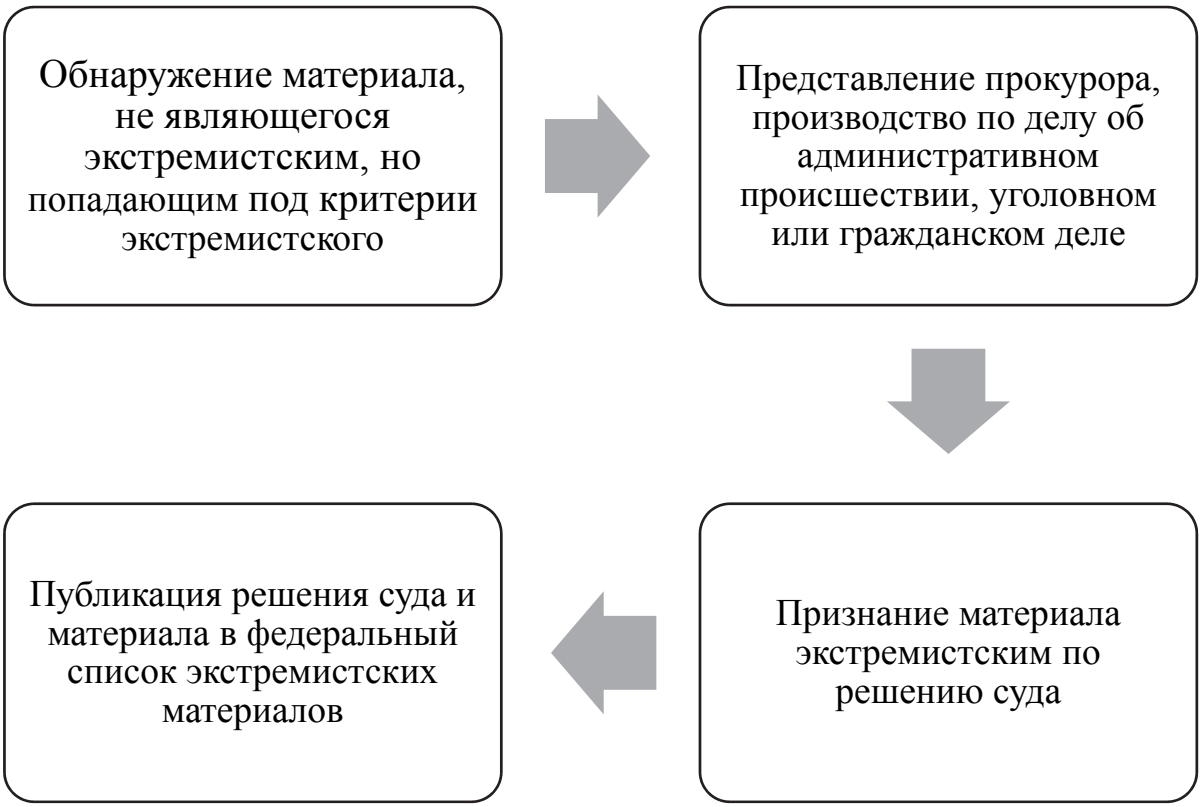
3. Взаимосвязь «информационной безопасности» и «компьютерной безопасности», а также создание и функционирование профильных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации.

4. Совершенствование тактики и методики расследования экстремистских преступлений, совершенных в сети Интернет. Обеспечение органов внутренних дел достаточным материальным и теоретическим уровнем для комплексного расследования и предотвращения таких преступлений.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что в настоящее время в Российской Федерации создана и функционирует комплексная система обеспечения контрэкстремистской безопасности в сети интернет, законодатель и государственные органы оперативно и «в духе времени» реагируют на возникающие вызовы и угрозы безопасности личности, государства и общества, дополняя существующие нормативные правовые акты, предоставляя органам государственной власти и профильным службам соответствующие компетенции и делегируя им обязанность по полному, всестороннему и объективному рассмотрению дел по таким эпизодам однако отдельные вопросы, возникающие в ходе практической деятельности по предотвращению распространению экстремизма нуждаются в теоретической и материальной доработке.

Приложение 1

Механизм признания материала экстремистским

Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ТЕЛЕВИДЕНИЯ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД РФ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ

Одним из важнейших условий эффективной работы сотрудников подразделений по противодействию экстремизму является наличие поддержки широких слоев российского общества. Такую поддержку не следует рассматривать как нечто само собой разумеющиеся или предписываемое нормативно-правовыми актами. Она является результатом долгой кропотливой и целенаправленной работы, осуществляемой как руководством Главного управления МВД РФ, так и сотрудниками его центрального аппарата и региональных подразделений. Реализация данной работы предполагает умелое использование средств воздействия на общественное сознание, которыми располагают средства массовой информации.

Именно средства массовой информации, как новые, так играют важнейшую роль в формировании отношения граждан к сотрудникам правоохранительных органов в целом, и работникам подразделений по противодействию экстремизму в частности. Данные процесс обладает достаточно сложной структурой и включает в себя следующие элементы:

– *виды СМИ,* выступающие в качестве субъектов формирования общественного мнения о деятельности полиции в целом и подразделений по противодействию экстремизму в частности и могущие как взаимодействовать с соответствующими подразделениями органов внутренних дел, так освещать их деятельность самостоятельно;

– *подразделения органов внутренних дел*, ответственные за осуществление взаимодействия со средствами массовой

информации и в ряде случаев выступающие в качестве заказчика на формирование определенного образа сотрудника полиции;

– *общественное сознание различных социальных групп* и российского общества в целом, формирующее у себя динамически развивающееся представление о деятельности сотрудников полиции, в том числе и специализирующихся в области противодействия экстремистской угрозе;

– *нормативно правовая база*, регулирующая взаимодействие органов внутренних дел с представителями средств массовой коммуникации в области освещения профессиональной деятельности полиции.

– *представление о сотрудниках полиции в целом* и представителях конкретных служб в частности, существующее в общественном сознании и подлежащее либо подтверждению, либо опровержению посредством формирования медийного образа;

– *медийный образ*, формируемый средствами массовой информации либо самостоятельно, либо совместно с соответствующими подразделениями органов внутренних дел;

– *методология и методика формирования* медийного образа в профессиональной деятельности и образа сотрудников органов внутренних;

– *профессиональная деятельность сотрудников полиции*, подлежащая освящению и служащая материалом для конструирования медийного образа сотрудника органов внутренних дел.

Процесс формирования образа сотрудника сотрудников подразделений ОВД РФ по противодействию экстремизму как в общественном сознании, так и в средствах массовой информации заключает в себе ряд общих и специфических черт. По этой причине представляется целесообразным рассмотреть общую характеристику средств массовой информации как субъекта формирования образа сотрудника полиции.

В самом общем виде средства массовой информации можно определить как систему различных органов, осуществляющих сбор, обработку и распространение информации, предназначенной для массовой публикации в различных формах. В настоящее время средства массовой информации весьма

разнообразны по своим видам и формам. В силу данного обстоятельства в научно-исследовательской и учебно-методической литературе[1] их принято разделять на:

– традиционные;

– новые;

– новейшие.

Под традиционными СМИ или массмедиа принято понимать периодически печатные издания, первую очередь, газеты и журналы. В свою очередь за радио и телепередачами закрепилось наименование новых СМИ. Наконец, к числу новейших средств массовой информации принято относить совокупность информационных ресурсов сети Интернет. При этом, следует подчеркнуть, что часть из них представляет собою интернет версии старых и новых массмедиа, а отчасти представлены новыми видами средств массовой информации, такими как: блоги, различные электронные издания, сайты и другие ресурсы.

Существует определенная социальная дифференциация пользователей традиционными и новейшими массмедиа. Так, старые и новые средства массовой информации популярны среди представителей старшего и среднего поколения, тогда как новейшие массмедиа пользуются популярностью среди молодежи, а также представителей старшего и среднего поколения, для которых они представляют профессиональных интерес.

Занятие средствами массовой информации особого положение в современном обществе, получившем по этой причине наименование «информационного» обусловлено их способностью выполнять целый ряд социальных функций. Важнейшими из них следует признать:

– информационную,

– коммуникационную,

– идеологическую функции.

Среди социальных функций массмедиа информационную функцию следует признать основополагающей. Данное

[1] Ситковский А.Л. Формирование «медийного образа» сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: учебное пособие / под ред. А.Л. Ситковского. М.: Академия управления МВД России, 2019. 72 с.

обстоятельство объясняется тем, что именно она реализует основное предназначение средств массовой информации. Кроме того, что именно на основе результатов деятельности информационной функции осуществляться работа всех остальных функций массмедиа. Успешная же реализация массмедиа своей основной функции предполагает предоставление актуальных сведений о социально значимой ситуации или процессе. Применительно к деятельности органов внутренних реализация массмедиа данной функции предполагает адекватное освещение состояния борьбы с преступностью. При этом освещение криминальной темы в средствах массовой информации требует соблюдения целого ряда норм. Важнейшими требованиями как к ведомственным, так и неведомственным массмедиа, освещающим различные аспекты деятельности сотрудников подразделений ОВД РФ по противодействию экстремизму следует признать:

– соответствие информации реальной криминогенной ситуации;

– социальную востребованность предоставляемой информации, исключающую при этом скандальную сенсационность;

– подтвержденность распространяемых сведений фактами и логически не противоречивыми аргументами;

– гармоничное сочетание рациональной и эмоциональной составляющей в оценке событий, имеющих юридическое или социальное значение;

– подчинение содержания информационного сообщение целям борьбы с преступностью;

– коммуникативность изложения информации, выражающаяся в подчеркивании возможности социального диалога по проблемам противодействию преступности;

– представление излагаемой информации в объем контексте борьбы с преступностью в целом и с конкретными видами противоправных деяний в частности.

Успешная реализация информационной функции массмедиа в сфере освещения событий связанных с противодействием как криминальной, так и экстремистской преступности во многом зависит от формы подачи информации. В настоящее время

наиболее распространенной формой освещения криминальных тем как ведомственных, так и вневедомственных СМИ следует признать гипотетическую схему подачи сведений. Данная схема обладает трехчленной структурой, включающей в себя следующие элементы:

– вопрос-гипотеза;
– дополнительный отбор сведений;
– заключение.

Кратко охарактеризуем данную схему подачи информации. Ее первый элемент – вопрос-гипотеза содержи в себе основную идею информации, которая наряду с изложением конкретно факта содержит в себе определенную оценку события, ориентированную как на интересы аудитории, так и на профессиональные потребности правоохранительной системы в области противодействия распространению экстремизма.

Второй элемент подачи информации по криминальной тематике – дополнительный отбор сведений представляет собой, по сути, формирование аргументов, фактов и правовых оценок, поддерживающих идею, сформированную в рамках вопроса-гипотезы. Специфика темы информационного освещения предполагает, широкое привлечение к отстаиваемой позиции в оценке освещаемого факта ведомственных информационных ресурсов, таких как: сайты ГУВД и МВД РФ. В целом же второй элемент подачи информации подчиняется основным правилам формирования достоверного знания и предполагает опору на факты и логически не противоречивые аргументы.

Заключение как третий элемент подачи информации, подводя итог текущему состоянию рассматриваемой проблеме, связанной с противодействием различным видам преступности, а в частности преступлениям экстремистской направленности, как правило, реализует одну или несколько задач. По своему характеру именно данный элемент подачи информации позволяет различным массмедиа давать итоговую оценку деятельности органов внутренних дел, как в конкретном правовом случае, так и по состоянию на настоящий момент времени в целом. При этом данная оценка может быть не только положительной или сбалансированной, но и ситуативно или принципиально негативной.

Во многом характер оценки деятельности сотрудников подразделений ОВД РФ по противодействию экстремизму зависит от идеологического характера средств массой информации. По этой причине сотрудникам органов внутренних дел ответственным за работу по освещению профессиональной деятельности полиции необходимо учитывать возможные идеологические интерпретации конкретных юридических фактов и формировать подачу информации таким образом, чтобы избежать негативных последствий для правоохранительной системы.

Говоря о формировании образа или имиджа сотрудников подразделений по противодействию экстремизму ОВД РФ, необходимо помнить, что в нынешних светских реалиях он существенным образом зависит от конкретного вида массмедиа. Так, информация о российской полиции, предлагаемая телевидением, печатными и электронными изданиями, а также интернет-ресурсами существенным образом отличаются друг от друга. Наиболее критичными в этом отношении следует признать интернет-ресурсы, некоторые, из которых специализируется на негативной информации о сотрудниках данных подразделений. Более сдержанными в этом отношении следует признать печатные и электронные издания газет и журналов.

Так, авторы научно-исследовательской статьи «Средства массовой информации, как один из основных механизмов формирования имиджа сотрудника полиции» Браженская Н.Е. и Чернобродов Е.Р., на основании проведенного ими социологического анализа публикаций о профессиональной деятельности сотрудников ОВД отмечают, что «… около 70% информации, размещенной в газетах, содержит негативные примеры работы сотрудников полиции. Лишь 32% размещенной в газетах и журналах информации демонстрирует положительные примеры, связанные с подвигами сотрудников: спасением людей при пожаре, наводнении»[1].

Если кинематографическое искусство в настоящее время формирует в целом неоднозначный образ сотрудников

[1] Браженская Н.Е., Чернобродов Е.Р. Средства массовой информации как один из основных механизмов формирования имиджа сотрудника полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 3(78).

подразделений ОВД РФ по противодействию экстремизму, то новостные телевизионные ресурсы, как правило, нацелены на формирование в общественном сознании положительного представления о сотруднике полиции, в общем. В большинстве случаев, в новостных выпусках информация подается таким образом, чтобы в широких слоях населения поддерживались идеи открытости правоохранительной системы, ее эффективности, нацеленности на реализацию идей неотвратимости наказания за совершенное преступление, беспристрастности по отношению к лицам, совершившим правонарушение, в не зависимости от их социального положения. В целом, телевидение, как в художественном, так и в информационном аспектах формирует сбалансированный образ сотрудника полиции. Данный образ с одной стороны, далек от идеальности, а с другой – нацелен на реализацию идеи о справедливости в непростых социальных условиях.

В противоположность телевидению интернет-ресурсы нацелены преимущественно на критическое отношение к деятельности правоохранительной системы. Во многом это обусловлено тем, что телевидение далеко не всегда вскрывает негативные явления, как в социальной жизни российского общества, так и в деятельности правоохранительной системы. По этой причине сегмент интернет-пространства, специализирующийся на анализе деятельности правоохранительных органов, носит преимущественно негативный характер.

Помимо сказанного следует подчеркнуть, что критически настроенные интернет-ресурсы, как правило, нацелены на придание широкой огласке правонарушений, совершаемых как сотрудниками правоохранительных органов, так и работниками подразделений по противодействию экстремизму. В частности так автор аналитического обзора «Критические материалы деятельности полиции в средствах массовой информации как специфическая форма коммуникации между ОВД и обществом» ссылаясь на мнение авторитетного социолога А.А. Маркова подчеркивает: «Критические материалы о деятельности ОВД в СМИ в общей массе своей касаются либо конкретных сотрудников, либо в общем министерства. Наиболее типичными

поводами для появления критических материалов в СМИ, по мнению А.А. Маркова, являются:

– непродуманная публичная фраза или высказывание;
– внутренний конфликт в организации;
– скандальная ситуация;
– непрофессиональные производственные (служебные) действия;
– результаты проверок;
– чрезвычайное происшествие;
– правонарушение;
– неадекватное публичное поведение;
– достоверные сведения компрометирующего характера;
– некомпетентное управленческое решение»[1].

Из сказанного следует, что негативный образ сотрудника, формируемый критично настроенными интернет-ресурсами, концентрируется не вокруг профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов и н степени эффективности самой системы, а вокруг конкретных фактов их несоответствия идеалу законности. Данное обстоятельство приводит руководство правоохранительной системы в целом и органов внутренних дел в частности к требованию неукоснительного соблюдения сотрудниками норм действующего законодательства и профессиональной этики.

В частности еще в 2013 году глава МВД генерал полиции А.В. Колокольцев отметил, что: «Реформы в российской полиции будут идти по всем направлениям, в том числе по изменению имиджа сотрудников правоохранительных органов. Об этом заявил глава МВД Владимир Колокольцев, выступая в программе "Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым", отрывки которой были показаны в эфире телеканала "Россия-24"»[2].

Завершая краткий анализ влияния массмедиа, телевидения и интернет-ресурсов на формирование имиджа сотрудников

[1] Марков А.А. Теория и практика массовой информации: Конспект лекций. СПб.: СПбГИЭУ, 2011.

[2] URL: https://rg.ru/2013/04/28/reforma-site.html. Колокольцев пообещал радикально изменить имидж полицейских – Российская газета.

подразделений ОВД РФ по противодействию экстремизму необходимо подчеркнуть, что оно является одним из важнейших средств выявления общественного мнения о деятельности правоохранительной системы в целом и данных подразделений в частности. С другой стороны, такое влияние можно признать вполне самостоятельным видом социальной власти, способным существенно воздействовать на формирование социальных отношений в современном российском обществе, от которых непосредственно зависит возникновение и распространение экстремистских идей и взглядов в обществе.

Ли Ци,
доцент
Китайского народного полицейского университета

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ, РАЗВИТИЕ И ОТВЕТ НА КИБЕРТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

I. Текущая ситуация и развитие кибертерроризма

В последние годы ситуация с глобальным терроризмом становится все более сложной. Будь то экстремистский религиозный терроризм или правый терроризм, такой как группы «неонацистов» и «белого супремасизма», все они могут найти место для выживания и развития в интернете. Интернет уже давно стал «главным полем боя» для стран, борющихся с терроризмом. Риски, связанные с объединением терроризма и интернета, становятся одной из самых значительных угроз глобальной безопасности.

Интернет стал основным пространством для деятельности международного терроризма.

Террористические организации постепенно переходят от традиционной офлайновой деятельности к онлайновой, используя Интернет для осуществления различных видов деятельности, таких как пропаганда, финансирование, обучение, планирование и осуществление террористических атак в глобальном масштабе. Развитие и рост группировки «Исламское государство» и ее

частые террористические атаки «одинокого волка» в Европе основаны на использовании интернета. Террористические группы также используют интернет для привлечения «ненавистных» и «недовольных» людей со всего мира, позволяя различным группам найти чувство «принадлежности» и направление действий в процессе радикализации.

Эпидемия короновируса усиливает распространение терроризма в интернете.

Эпидемия короновируса усилила распространение терроризма в киберпространстве, расширив пространство для деятельности кибертеррористов и позволив шире распространять их идеологию. Более половины членов ИГИЛ на допросе заявили, что они «заразились радикализмом, просто посмотрев что-то в интернете для развлечения». Кроме того, крайне правые террористические силы, представленные «белым супремасизмом», которые распространились в США в последние годы, также были особенно активны в киберпространстве во время эпидемии. Экстремистские группы распространяют теории заговора, пропагандируют расовую ненависть и призывают к насилию в интернете.

Развитие сетевых технологий может вызвать глубокие изменения в виде террористических атак.

В настоящее время появление технологии 5G значительно способствовало развитию интернета вещей (IoT), и многие отрасли, такие как транспорт, здравоохранение и промышленность, станут автоматизированными и интеллектуальными. Эти изменения, оказывая глубокое влияние на жизнь людей, также предоставят возможности для террористических организаций. Как контроль, так и атаки на смарт-устройства путем проникновения в сеть будут напрямую угрожать жизни людей в реальном мире.

II. Трудности в международном управлении кибертерроризмом

Во-первых, нет единого мнения относительно определения кибертерроризма.

В настоящее время страны еще не пришли к единому мнению относительно идентификации преступлений кибертерроризма, среди которых основные разногласия заключаются в том, как отличить кибертерроризм от обычного

«хакерства». Пока не будет достигнут консенсус, нет возможности бороться с этим видом киберпреступности на глобальном уровне.

Во-вторых, неравенство суверенитета в киберпространстве и отсутствие общих правил и стандартов.

Развитые страны, по сути, стали доминирующими игроками в текущем международном нормотворчестве в киберпространстве и контроле над основными ресурсами, в то время как развивающиеся страны не имеют равного голоса и участия в ведущем управлении киберпространством.

Неравенство суверенитета в киберпространстве проявляется в практике кибергегемонии, что делает сотрудничество на международном уровне в борьбе с кибертерроризмом гораздо менее эффективным. В настоящее время международное сообщество еще не имеет общепризнанных международных правил и стандартов для информационной безопасности и поведения в киберпространстве.

В-третьих, влияние «эффекта лужи» и «разрыва в кибербезопасности».

В настоящее время остатки организации «Исламское государство» продолжают перемещаться в страны и регионы со слабым антитеррористическим потенциалом, а Африка, Южная и Юго-Восточная Азия, становятся «очагами» борьбы с терроризмом.

Разница между севером и югом в силе сетевых технологий в этих странах также очень очевидна, по сравнению с развитыми странами, существует очень большой «разрыв в кибербезопасности». Чем больше будет «разрыв», тем больше развивающихся стран станут «короткой доской» в «теории бочки», эффективность международного антитеррористического сотрудничества будет значительно снижена.

III. Предотвращение и борьба с кибертерроризмом требуют срочного глобального управления

Во-первых, страны должны договориться о концепции создания сообщества судьбы в киберпространстве.

Сообщество судьбы в киберпространстве – это китайское решение проблемы глобального сотрудничества и управления в киберпространстве. Необходимо уважать национальный киберсуверенитет всех стран как основной принцип, сформулировать общепризнанные правила управления, укреплять

обмены и сотрудничество, участвовать вместе, проводить многосторонние консультации, отказаться от мышления с нулевой суммой и двойных стандартов в борьбе с терроризмом и сформировать скоординированную систему и механизм международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в киберпространстве, основой которого является безопасность всего человечества.

Во-вторых, страны должны использовать глобальную конвенцию против киберпреступности как руководство к действию.

В декабре 2019 года 74-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН официально открыла переговорный процесс по созданию глобальной конвенции против киберпреступности, приняв резолюцию «Борьба с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», соавторами которой выступили 47 стран, включая Китай и Россию.

Глобальная конвенция против киберпреступности будет основываться на Конвенции о киберпреступности, т. е. Будапештской конвенции, учитывать реалии всех стран, разрушать политические барьеры на пути кибербезопасности, делиться возможностями для киберразвития и добиваться здорового и устойчивого развития глобального киберпространства в качестве фундаментальной потребности, эффективно координировать действия в области криминализации киберпреступности, юрисдикции и международного сотрудничества, а также еще больше углублять борьбу с кибером Для дальнейшего углубления сотрудничества в области глобального управления в борьбе с киберпреступностью, такой как терроризм, и другими видами киберпреступлений, необходимо эффективно координировать криминализацию киберпреступности, юрисдикцию и международное сотрудничество.

В-третьих, страны должны стремиться к обеспечению общего развития и безопасности.

Мы будем настаивать на совместном сотрудничестве в области глобального управления кибертерроризмом в рамках ООН, добиваться консенсуса по вопросу обеспечения суверенитета развивающихся стран в киберпространстве,

укреплять профилактику рисков кибербезопасности и стремиться к сотрудничеству в углублении киберконтртеррористических операций. В то же время мы должны продолжать усиливать помощь странам и регионам, отстающим в развитии сети и цифровой экономики, чтобы преодолеть «цифровой разрыв» и в конечном итоге добиться общего развития и безопасности в киберпространстве.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫМ ФОРМАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чапурко Татьяна Михайловна,
профессор социально-гуманитарных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
доктор политических наук,
кандидат юридических наук, профессор

Чикаленко Наталья Борисовна,
аспирант
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Государственная политика России в отношении несовершеннолетних независимо от этапов развития общества всегда ориентировалась на воспитательную и предупредительную функцию и была адресована ко всем категориям детей. Такой подход не потерял своей актуальности и в современном обществе и особенно он важен в отношении несовершеннолетних, которых вовлекают как в качестве непосредственных участников преступлений, так и в роли потерпевших при преступлениях, совершаемых в их отношении.

Однако данный принцип реализации профилактики на уровне государства в определенный момент утратил свое основное предназначение в силу ошибок реализации и чрезмерном акцентировании на одних проблемах и охлаждении к другим. Внимание общества было слишком однобоким, что привело к росту новых форм реализации преступности.

Для того, чтобы принцип профилактики в отношении не только преступлений, но и широкого спектра девиантного

поведения несовершеннолетних стал носить реальный характер, а не только был декларативно озвучен, необходимым условием является качественное преобразование на политическом, правовом, научно-информационном, организационном и идеологическом уровнях[1].

В современном этапе борьбы с преступностью коренным изменениям должны подвергнуться политико-правовые, социально-экономические, социо-культурные, воспитательно-педагогические и этнические процессы в стране для достижения высокой эффективности профилактики преступной девиантности несовершеннолетних.

Основные силы и средства современного общества направлены непосредственно на борьбу с самой преступностью, при этом данные затраты реализовываются не в полной мере.

С нашей точки зрения, без акцентировании на причинах и условиях, лежащих в основе преступлений экстремистской направленности, особенно с участием несовершеннолетних, невозможно создать принципиально новую систему профилактики. Острая необходимость в такой реорганизации продиктована не только возрастание случаев вовлечения несовершеннолетних, сколько потребностями самого общества в целом, где основная роль отводится региональным органам государственной власти и основополагающим его институтам семье и школе.

Переосмысляя криминологические аспекты профилактики преступности несовершеннолетних, ученые разных поколений сходятся во мнении, что «профилактика – это самое гуманное средство поддержания правопорядка, обеспечения безопасности право-охраняемых ценностей. Осуществление профилактической деятельности обеспечивает наряду с защитой общества от преступных посягательств также защиту неустойчивых членов общества от дальнейшего морального падения, не дает им стать преступниками, а тем самым избавляет от практически неизбежного наступления уголовного наказания»[2].

---

[1] URL: http://lawtheses.com/prestupnaya-deviantnost-nesovershennoletnih-i-ee-profilaktika#2

[2] Там же.

Наиболее ранняя профилактика на общем социальном уровне не просто прерывает в процессе реализации генезис преступного поведения, а пресекает саму возможность появления девиации[1].

Реализация программы профилактики преступлений экстремистской направленности возможна только при комплексном подходе и совместных усилиях законодательных и исполнительных властей, правоохранительных органов, других государственных органов как общая задача общества в целом[2].

Рассматривая профилактику включения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность с позиции девиантности можно обозначить две встречные задачи. Во-первых, в правовой защите от дисфункционального влияния институтов социализации с негативными последствиями нуждаются интересы все группы несовершеннолетних. Во-вторых, общество как субъект социализации само нуждается в защите от девиаций несовершеннолетних.

Мы солидарны с мнением А.Г. Сапрунова относительно важности социального аспекта профилактики, который базируется на следующих подходах:

1. Определение несовершеннолетних в особую возрастную группу с соответствующим правовым статусом.

2. Понимание профилактики девиаций несовершеннолетних экстремистской направленности должно носить приоритетный характер, поскольку напрямую влияет на стабильность и безопасность на государственном уровне[3].

3. Создание ювенальной юстиции как особой системы правосудия для несовершеннолетних и их семей.

4. Комплексность, так как социальная профилактика представляет собой систему мер экономического, социально-политического, правового, психолого-педагогического, воспитательного и организационного характера[4].

---

[1] URL: http://shr.receptidocs.ru

[2] URL: http://dlib.rsl.ru/rsl01002000/rsl0100262000/rsl01002620298/rsl0102620298.pdf

[3] Косенко А.А. Теоретические и практические аспекты: дис. ... кан. юр. наук: 12.00.08 Краснодар, 2003. URL: http://dlib.rsl.ru

[4] Сапрунов А.Г. Теория и методология исследования проблем профилактики социальных отклонений несовершеннолетних. М., 2001. С. 14.

На сегодняшний день с позиции девиантности несовершеннолетних можно обозначить приоритетные направления развития социальной политики с учетом детерминант преступлений экстремистской направленности, включающие в себя:

– социальный институт семьи нуждается в многостороннем укреплении для эффективной реализации задач формирования личности несовершеннолетних;

– дети-сироты и детей, оставшиеся без попечения родителей должны быть обеспечены в полной мере реабилитацией, образованием и воспитанием;

– необходимо создавать условия для реализации системы противодействия распространению наркотиков и вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков и психотропных веществ[1];

– формирование системы комплексного гражданского воспитания как реальной альтернативы криминально-экстремистскому образу жизни несовершеннолетних.

Важными аспектами системы гражданского воспитания, направленного на просвещение всех социально-демографических слоев населения посредством средств массовой информации являются:

– повышение правовой культуры общества, ограничение и постепенное преодоление правового нигилизма населения, усиление общественной нетерпимости к криминалу, искоренение взглядов о моральной допустимости и даже привлекательности (особенно в глазах подростков) асоциальных, и прежде всего преступных, форм поведения[2];

– демонстрацию стабильности правовой нормы и неотвратимости ее применения, повышение престижа правовой системы общества в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних и преступлений против несовершеннолетних;

– обеспечение осведомленности населения о тенденциях развития преступных девиаций несовершеннолетних и их детерминантах, а также о мерах, предпринимаемых государством и общественностью по профилактике последних;

---

[1] URL: http://shr.receptidocs.ru/v2191/?download=3

[2] Там же.

– формирование позитивного общественного мнения о деятельности субъектов системы профилактики преступной девиантности несовершеннолетних и убежденности населения в необходимости и профессионализме их работы, создание благоприятной социально-психологической атмосферы этой деятельности;

– информационную поддержку проводимых мероприятий по профилактике преступных девиаций несовершеннолетних;

– информационное противодействие криминогенному потенциалу и негативному влиянию СМИ на общественное правосознание, опровержение недостоверной информации, дегероизация формируемого рядом коммерческих радиостанций и газет образа преступника[1].

Ключевым моментом современного этапа развития российской государственности, по нашему мнению, является принципиально новый вектор в сознании гражданского общества относительно преступности экстремистской направленности, ориентированной на вовлечение несовершеннолетних, который должен учитывать ряд факторов:

– меры профилактики борьбы с преступностью должны неразрывно сочетаться с применением мер уголовного наказания несовершеннолетних, а не только ограничиваться уголовными мерам как до недавнего времени;

– внести в статью 282/1 Уголовного кодекса РФ часть 4 – с конкретной формулировкой по склонению, вербовке или иному вовлечению лица в деятельность экстремистского сообщества – непосредственно совершенных в отношении несовершеннолетних.

Данная позиция в полной мере находит свое сочетание с положениями, высказанными Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года, а также в Концепции современной демографической политики Российской Федерации[2].

[1] Косенко А.А. Теоретические и практические аспекты: дис. ... кан. юр. наук: 12.00.08 Краснодар, 2003. URL: http://dlib.rsl.ru

[2] К вопросу о понятии стратегии борьбы с преступностью. URL: http://elibrary.ru

Корников Денис Игоревич,
заместитель начальника отдела
14 Управления «А» ГУПЭ МВД России

Досумов Серимжан Тулеуович,
докторант
Кыргызско-Российского Славянского университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кандидат юридических наук

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАПАДЕНИЯМИ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Одной из важнейших задач, стоящих перед правоохранительными органами является защита жизни и здоровья граждан. Для современного, в том числе и российского общества, одной из главных аспектов данной задачи служит защита образовательных организаций от различных преступных посягательств. Такого рода посягательства могут осуществляться как террористическими организациями, так и отдельными лицами, а также самими учащимися либо лицами, недавно закончившими обучение. Среди перечисленных выше угроз, наибольшую актуальность получила последняя угроза.

Для подразделений по противодействию экстремизму, защита жизни и здоровья подрастающего поколения, несомненно, являться одной из приоритетных задач, как в силу своей социальной, так и нравственно-этической значимости. По этой причине ГУПЭ МВД России было инициировано проведение целого ряда научно-исследовательских работ, преследующих двойственную цель. С одной стороны, установления состояния угрозы, исходящей от деструктивно настроенных лиц и сообществ, нацеленных на совершение актов вооруженного насилия в образовательных учреждениях, а с другой – решить вопрос о необходимости внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

В настоящее время проблема совершения массовых убийств в различных образовательных учреждениях, совершаемых

учащимися или лицами, недавно окончившими обучение, является актуальной как для российского общества, так и для юридической науки и практики. Востребованность научного исследования различных аспектов данного феномена, получившего наименование «скулшутинг», обусловлена его повешенной социальной опасностью. Специфика социальной опасности данного феномена заключается в том, что он ставит под угрозу жизни одного из самых беззащитных слоев населения – несовершеннолетних, от благополучия которых зависит будущее общества в целом. В определенном смысле совершение массовых убийств в образовательных учреждениях является более резонансным, нежели совершение террористических актов, поскольку осознанно создает угрозу жизни и здоровью детей, тогда как в террористических актах жертвы среди несовершеннолетних являются чаще всего случайными.

Из близости характеров феноменов скулшутинга и терроризма вытекает научно-практическая актуальность рассматриваемой проблемы. В частности, в настоящее время остаются открытыми вопросы о:

– необходимости правового определения феномена скулшутинга;

– соотношения понятий «скулшутинг» и «террористический акт»;

– признании экстремистскими организациями движений и субкультур, оправдывающих и пропагандирующих совершение массовых убийств в образовательных учреждениях;

– разработке и реализации мер, направленных на противодействие угрозе, исходящей от феномена «скулшутинг».

Социальная, теоретико-научная и практическая актуальность исследования феномена скулшутинга послужила причиной выхода большого числа публикаций как в зарубежной, так и в отечественной научно-исследовательской литературе. К числу наиболее известных зарубежных публикаций следует отнести книги и статьи таких авторов как: Дейв Каллен, Марике Нийкамп, В свою очередь, среди отечественных исследователей феномена скулшутинга можно выделить: Горлова И.Ю., Кузнецова О.З., Карпов В.О., Орлова Ю.Р., Пастыка Е.А.,

Питанова М.Е., Суходольская Ю.В., Чунин А.С. Особую группу источников по исследуемой проблеме составляют дневники и публикации лиц, совершивших акты массовых убийц в образовательных организаций. К числу такого рода источников относятся дневники Эрика Харриса, Дилана Клиболда, Брентона Тарранта, Владислава Рослякова.

Наличие большого числа источников, раскрывающих различные стороны феномена скулшутинга, определило цель и задачи предлагаемой статьи. Цель – рассмотреть феномен скулшутинга через призму основных предметов криминологии, что позволит представить его в целостном виде. Из указанной цели вытекают и основные задачи предлагаемой работы:

– осуществить криминологический анализ преступлений, связанных с нападениями на образовательные организации;

– раскрыть основные условия и причины, рассматриваемого вида правонарушений;

– представить целостную характеристику личности правонарушителей, осуществляющих акты скулшутинга и предложить систему мер по правовому противодействию проявлениям массового насилия с использованием оружия в образовательных учреждениях.

Целостное рассмотрение феномена «скулшутинг», включающее анализ социальных, культурных и психологических причин совершения актов массовых убийств в образовательных учреждениях, позволяет утверждать, что во многом данное противоправное деяние совершается в определенном социокультурном контексте, в котором служит определенная деструктивная субкультура, за которой закрепилось наименование международно-общественного движения «Колумбайн». Говоря о соотношении понятий «скулшутинг» и «Колумбайн», необходимо подчеркнуть, что первое выступает синонимом совершения противоправного деяния, заключающегося в массовых убийствах в образовательных учреждениях. Тогда как термином «Колумбайн» обозначают совокупность идеологических обоснований и моделей поведения лиц, оправдывающих совершение массового насилия в образовательных учреждениях.

Необходимость реализации указанных целей и задач потребовала применения следующих подходов и методов:

– *системного подхода*, позволившего рассматривать феномен скулшутинга как результат существования определенной деструктивной субкультуры, и показать влияние данной субкультуры на формирование личности преступника и характер совершенного им противоправного деяния;

– *дескриптивного метода,* раскрывшего основные аспекты социальной структуры, субкультурных особенностей и противоправной деятельности международного общественного движения «Колумбайн»;

– *биографического метода,* предполагающего изучение различного биографического материала того или иного лица, использованного как при реконструкции личности известных скулшутеров, так и культа их личности в интернет-сообществах международного движения «Колумбайн»;

– *метода анкетирования,* проводившегося среди сотрудников региональных центров по противодействию экстремизму с целью установления готовности данных подразделений к противодействию угрозе совершения актов вооруженного насилия в образовательных организациях;

– *метода анализа нормативно-правовых актов,* применявшегося с целью установления возможностей действующего законодательства противодействовать угрозе, исходящей от феномена скулшутинга и определения необходимости проявления соответствующей законодательной инициативы.

Для российской правоохранительной системы угроза скулшутинга возникла сравнительно недавно. Однако сразу же превратилась в одну из наиболее социально-резонансных угроз. Данное обстоятельство привело к озабоченности данной проблемой руководства российской правоохранительной системы. В частности, секретарь Совбеза РФ Николай Патрушев на совещании 19 февраля 2019 года в Тюмени озвучил статистику случаев насилия в учебных заведениях, повлекших ранения и гибель людей в 2017–2018 годах в России: «В период с 2017 по 2018 годы в 18 субъектах Российской Федерации в образовательных учреждениях учащимися совершено 24

резонансных преступления с использованием оружия и взрывных устройств, повлекшие причинение ранений различной тяжести преподавателям и обучающимся, а также гибель людей, включая детей»[1].

Несмотря на социальный резонанс преступлений, связанных с вооруженными нападениями на образовательные организации, совершаемые учащимися либо лицами, недавно окончившими обучениями, криминологическая характеристика «скулшутинга» как вида противоправного деяния представляет собой большие сложности. В первую очередь это обусловлено тем, что не существует правового закрепления понятия «скулшутинг» и поэтому в настоящее время данный термин носит рамочный и неправовой характер. Данным термином принято объединять достаточно широкий спектр противоправных действий, осуществляемых по разными мотивам в образовательных учреждениях несовершеннолетними и молодыми людьми. В связи с этим криминологическую характеристику скулшутинга как вида преступности следует признать наиболее сложной. В частности, акты совершения вооруженного нападения на образовательные организации могут квалифицироваться по различным статьям УК РФ. Наиболее часто используется диспозиция статей 105 «Убийство» и 205 «Террористический акт», однако возможны и другие квалификации в зависимости от каждого конкретного случая.

Для того чтобы говорить о «скулшутинге» как о юридическом феномене, необходимо соответствующее правовое закрепление. Однако введение такого рода норм вызывает определенные сомнения, связанные с тем, что действующее законодательство способно противодействовать данной угрозе существующими правовыми средствами.

Если же говорить о возможности правового закрепления понятия «скулшутинг», то в случае его реализации наиболее оптимальным представляется внесение соответствующих изменений в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», поскольку главным мотивом совершения соответствующих

[1] URL: https://www.interfax.ru/russia/651125 (дата обращения: 13.12.2021).

правонарушений является социальная ненависть к человечеству в целом. Наличие такого рода корректировки федерального закона при условии внесения соответствующих изменений в Уголовный кодекс позволило бы рассматривать феномен скулшутинга не только в качестве социально-опасного, но и правового феномена.

Как и любой другой криминологический феномен, феномен скулшутинга предполагает наличие определенных условий и причин своего возникновения. Важнейшими из них следует признать:

– наличие негативной социальной обстановки как в семьях, так и в ближайшем социальном окружении лиц, совершаемых рассматриваемый вид преступного деяния, так называемых, «скулшутеров»;

– существование культа насилия в современной массовой культуре;

– развитие определенной субкультуры (МОД «Колумбайн»), осуществляющей оправдание и пропаганду актов скулшутинга;

– возможность пересечения негативных социальных условий и психологической неадекватности субъекта совершения рассматриваемого нами вида преступных деяний;

– недостаточно высокий уровень системы безопасности в образовательных учреждениях, а также доступность оружия и компонентов взрывчатых веществ.

Говоря об условиях и причинах совершения вооруженных нападений на образовательные учреждения, хотелось бы подчеркнуть, что далеко не всегда ограничение доступности приобретения стрелкового оружия и взрывчатых веществ служит средством ограничения угрозы обществу со стороны деструктивно настроенных лиц. Так большое распространение получило совершение актов скулшутинга с применением холодного оружия и бытовых предметов.

Для сотрудников подразделений по противодействию экстремизму участие в мероприятиях по предупреждению и пресечению нападений на образовательные организации с применением оружия, представляет интерес идеологическая составляющая феномена скулшутинга, поскольку именно данная обстоятельство позволяет отнести данный вид противоправных деяний к преступлениям экстремистской направленности. И действительно, условия и причины идеологического характера,

так же составляют важнейший фактор совершения рассматриваемого вида преступлений.

Идеология субкультуры «Колумбайн» несмотря на то, что носит примитивный характер, при определенных психологических условиях оказывает огромное негативное воздействие на сознание подрастающего поколения. Для правильно понимания характера идеологии движения «Колумбайн» необходимо помнить, что в ее основе лежит не определенный вид преступления, как это имеет место в криминальных идеологиях и не политическая доктрина, что характерно для радикальных и экстремистских идеологий, а психопатическая установка сознания. Данное обстоятельство приводит к необходимости рассмотрения личности скулшутера в качестве главной составляющей криминологического исследования вооруженных нападений на образовательные организации.

Специалисты в области психологии подростков при анализе сознания скулшутеров и участников движения «Колумбайн», т. е. лиц, еще не совершивших акты насилия с использованием оружия, но оправдывающих их совершение, выделяют несколько сфер, часто совпадающих с идеологическими кругами, рассмотренными выше. Несмотря на некоторое сходство идеологического и социально-психологического анализа участников движения «Колумбайн», между ними имеется целый ряд существенных различий, важнейшим из которых является нацеленность на рассмотрение не столько идей и когнитивных установок, а на эмоциональное состояние подростка и отношение к своему социальному окружению. Важнейшими областями социально-психологического анализа представителей субкультуры «Колумбайн» следует признать исследование определенных сфер сознания некоторых подростков:

- мышления и интеллекта;
- самосознания;
- эмоций;
- ценностных ориентиров;
- мировоззрения;
- поведенческих моделей;
- характера социальных отношений.

На основе последовательного анализа данных сфер специалисты–психологи делают заключение о наличии и характере отклонений в развитии сознания подростка и их причинах. Рассмотрим указанные выше сферы социально-психологического анализа личности участников движения «Колумбайн» более подробно.

Мышление подростков, в той или иной степени вовлеченных в движение «Колумбайн», характеризуется наличием определенных шаблонов, замкнутостью, узким кругом идей, категоричностью суждений, что выражается в наличии определенных речевых клеше. Прямым следствием замкнутости или шаблонности мышления подростков, находящихся под влиянием рассматриваемой субкультуры, является отсутствие у них интереса к образованию и, как следствие, низкий уровень интеллекта в целом. В свою очередь, косность мышления и отсутствие желания к саморазвитию частично обусловлены инфантильностью сознания, которая проявляется в стремлении «спрятаться за чью-нибудь спину», нежелании решать возникающие проблемы самостоятельно и адекватным способом. Попадание подростка в субкультуру движения «Колумбайн», его подчинение извращенным ценностям обусловлены стремлением замкнуться в собственном мирке, в котором отсутствует критическое отношение к самому себе и в котором господствует представление о своей правоте и исключительности[1]. Бессознательное понимание своей слабости и несовершенства при одновременной зацикленности на самом себе выражается у подростков в потребности обрести точку опоры в своем замкнутом мире. Такой внутренней точкой опоры становится культ лидеров скулшутинга, который компенсирует собственную несостоятельность подростка.

Психологическое самосознание лиц, вовлеченных в субкультуру движения «Колумбайн», может характеризоваться как завышенной, так и заниженной самооценкой. В основании заниженной самооценки лежит чувство неполноценности, неприятие подростком самого себя. Данное неприятие опирается

[1] Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4(34). С. 442–443.

на субъективный негативный опыт общения с другими людьми, который, с одной стороны, порождает в подростке боязнь проявлять свои чувства и эмоции, а с другой – формирует у него зависимость от мнения других людей, которое подростком всячески маскируется посредством вызывающего поведения. В свою очередь, завышенная самооценка подростка вытекает из его изолированности от общества, позволяющей ему занимать позицию «иммунизации от критики» и потому выступать в качестве судьи как своего ближайшего социального окружения, так и социума в целом.

В свою очередь, важнейшей особенностью эмоциональной сферы участников субкультуры «Колумбайн» следует признать низкую личностную тревожность, позволяющую избегать угрызений совести и цинично относиться к возможности совершения актов массового убийства. Вместе с тем подросток не может полностью пребывать в состоянии эмоциональной изоляции. Средством компенсации эмоционального страха является участие в различных интернет-сообществах, посвященных деструктивным идеологиям и практикам. Наконец, третьей доминирующей чертой эмоционального состояния участников движения «Колумбайн» следует признать маскировку ими переживаемого чувства вины и стыда различными проявлениями агрессивности и жестокости.

Ценностные ориентиры потенциальных и реальных скулшутеров выстраиваются вокруг определенной категории ценностей, а именно благ, представляющих интерес для рассматриваемой категории лиц, носят либо гедонистический, либо извращенный характер. К числу гедонистических ценностей следует отнести:

– игру;
– секс;
– наркотики;
– возбуждающую музыку;
– различные виды экстрима.

В свою очередь, к извращенным ценностям следует отнести наслаждение чужим страхом и болью, собственным гневном, унижением окружающих, вседозволенностью, властью над жизнью и судьбой других людей.

Психологический анализ мировоззренческой составляющей сознания участников движения «Колумбайн» существенным образом отличается от идеологического анализа и включает в себя отношение к различным сферам социальной жизни. По отношению к обществу в целом сознание участников субкультуры «Колумбайн» характеризуется низким уровнем личной ответственности. Главную причину этого следует искать в отсутствии у подростка стремления к получению социального статуса, поскольку его мировоззренческие установки носят ярко выраженный социально нигилистический характер. В свою очередь, отсутствие самореализации в социальной сфере приводит к повышенному интересу подростка к сексуальной проблематике. Гиперболизация интереса к гедонистической сфере сопряжена в сознании скулшутеров с отвращением к любому виду трудовой деятельности. Особое значение для психологического анализа личности подростков, принадлежащих к субкультуре движения «Колумбайн», следует признать фиксацию и исследование поведенческих моделей. При этом сами поведенческие модели необходимо разделить на две группы: относительно нормальная и девиантная.

Отсутствие реальных достижений в социальной сфере не мешает наличию у подростков завышенной самооценки, которая выражается в различных способах привлечения к себе внимания и в позерстве. С этой моделью поведения связаны поступки, совершающиеся по мотивам самоутверждения как в собственных глазах, так и в глазах ближайшего социального окружения, в том числе и субкультурной группы, даже если она имеет виртуальный характер. С поведенческими моделями самоутверждения закономерно связаны конфликтные модели, основанные на потребности подростка в проявлении своей оппозиционности и вечном поиске противника. Психологическая опора в постоянном конфликте с окружающими обнаруживается посредством подражания тому или иному авторитетному лицу, в качестве которого выступает символический герой движения «Колумбайн». Социальная изолированность подростка, его погруженность в виртуальную реальность и внутренний мир проявляются как в трудности его интеграции в деятельность

нормальной социальной группы, так и в его увлечениях[1]. Одним из наиболее распространенных развлечений участников движения субкультуры «Колумбайн» следует признать игроманию, которая носит ярко выраженный насильственный характер. Другими проявлениями замкнутости подростка являются: ведение дневников; создание различных изображений, в том числе и средствами компьютерной графики; размещением различных аудио- и видеозаписей на своей интернет-странице, так или иначе связанных с протестом против ближайшего социального окружения; выражение агрессии; одобрение актов массовых убийств, насилия и т. д. Данные действия служат средством выражения эмоций подростка, не находящего контакта с обществом. В свою очередь, к числу девиантных моделей поведения, которые могут сопровождать вовлечение подростка в субкультуру движения «Колумбайн», следует отнести:

– пропуски учебных занятий;
– употребление алкоголя;
– побеги из дома;
– совершение хулиганских действий;
– активное участие в драках, а в некоторых случаях воровство и поджоги.

Особое место среди девиантных моделей поведения, свидетельствующих о возможном вовлечении в рассматриваемую субкультуру, занимает жестокое обращение с животными и участие в различных протестных акциях.

Девиантные модели поведения, характерные для подростков, находящихся в зависимости от идеологии движения «Колумбайн» и вовлеченных в его субкультуру, очень часто обусловлены социальной средой, в которой находится подросток. Можно выделить несколько типов семей, наиболее часто формирующих потенциальных скулшутеров. К их числу следует отнести семьи, в которых:

– один или несколько членов страдают наркоманией или алкогольной зависимостью;

[1] Орлова Ю.Р. Актуальные вопросы организации органами внутренних дел предупреждения насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в образовательных учреждениях // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 43–46.

– семьи бывших осужденных или лиц, отбывающих наказание;

– семьи, в которых один или несколько членов страдают психическими расстройствами;

– многодетные и малоимущие семьи;

– семьи, в которых имеются тяжелые больные или инвалиды.

Последовательный анализ перечисленных выше сфер сознания и моделей поведения подростка позволяет зафиксировать наличие или отсутствие у него определенных психологических травм, чаще всего служащих катализатором противоправных действий, характерных для движения «Колумбайн». Психологические травмы возникают, как правило, в следствие:

– физических издевательств над подростком;

– актов сексуального насилия;

– травли в среде ровесников и одноклассников;

– испытания подростком морального унижения;

– нездоровых отношений в семье, сопровождающихся актами насилия по отношению к ее членам.

Многообразие социальных и психологических причин, способствующих попаданию подростков в группу лиц, потенциально склонных к вовлечению в движение «Колумбайн», делает затруднительным создание универсального социально-психологического портрета скулшутера. По этой причине было бы корректнее говорить о наличии нескольких психотипов, упомянутых выше, – психопатического типа, психотического типа, травматического типа. Психопатологический тип того или иного участника движения «Колумбайн», а также степень его реализации в конкретном лице могут быть определены только профессиональным психологом. По этой причине в процессе противодействия как распространению идеологии движения «Колумбайн», так и конкретным случаям подготовки или реализации актов скулшутинга, сотрудникам оперативных подразделений необходимо тесно взаимодействовать с профессиональными психологами.

Помимо тесного взаимодействия с психологами к числу необходимых мер по противодействию угрозе вооруженных нападений на образовательные организации следует отнести:

– усиление мер защиты образовательных организаций, включая технические средства и специальную подготовку сотрудников охраны;

– ужесточение контроля над оборотом оружия, в том числе, разработка ряда мер об ограничении доступа к нему подростков и молодежи;

– активизация мониторинга за Интернет-пространством с целью выявления различного контента деструктивного характера в целом и Интернет-сообществ представителей субкультуры «Колумбайн» в частности;

– осуществление криминологической экспертизы действующих нормативно-правовых актов с целью выяснения их эффективности в области противодействия скулшутингу и распространения деструктивной идеологии «Колумбайн».

Завершая краткий криминологический анализ скулшутерства в целом и движения «Колумбайн» в частности, нельзя оставить без внимания тот факт, что 2 февраля текущего года Верховный суд удовлетворил иск Генеральной прокуратуры и признал движение «Колумбайн» (другое название – «Скулшутинг») террористической организацией и запретил его деятельность на территории России[1]. Данное обстоятельство позволяет квалифицировать феномен скулшутерства как преступление террористического характера.

Для скулшутинга, как преступления террористической направленности, характерна двойственность преследуемой цели. С одной стороны лица, совершающие нападения на образовательные организации стремятся к уничтожению своего ближайшего социального окружения, а с другой нацелены на самоутверждение в определенной молодежной субкультуре с помощью современных виртуальных технологий. По этой причине можно констатировать, что скулшутинг имеет неоднозначный, противоправный характер средств.

[1] URL: https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2022/02/d45737

Неоднозначность преступного характера средств, применяемых скулшутерами, заключается в комбинации средств устрашения и «самопиара». К числу первых следует отнести совершение массовых убийств с использованием холодного и огнестрельного оружия, применение отравляющих веществ, производство взрывов и поджогов образовательных учреждений в момент осуществления образовательно-воспитательного процесса. При этом лица, решившиеся на совершение актов скулшутинга, ставят перед собой задачу уничтожения как можно большего числа людей, поскольку именно от этого зависит поднятие их имиджа в субкультурной среде.

К числу средств «самопиара» применяемых участниками движения Колумбайн следует отнести:

– запугивание своего ближайшего социального окружения;

– формирование представлений о себе, как об особенном существе или «Боге», имеющим право распоряжаться жизнями других людей;

– осуществление различных форм идеологической солидаризации с актами массового насилия и убийств с целью доказательства обществу своей безнаказанности.

Данные и другие формы самопиара, как правило, осуществляются представителями движения скулшутинга в различных социальных сетях и форумах, что способствует пропаганде их деструктивной идеологии в подростковой и молодежной среде. Слияние насильственных и пропагандистско-идеологических средств воздействия на общество, используемых участниками движения «Колумбайн», создает в нем атмосферу страха перед возможными противоправными деяниями. Таким образом, используемые скулшутерами средства реализации своих противоправных целей соответствуют уголовно-правовой характеристике преступлений террористической направленности.

При сопоставлении практики представителей субкультуры «Колумбайн» с правовым определением понятия «терроризм» прослеживается целый ряд соответствий. Например, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ[1] определяет

[1] О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021).

террористическую деятельность, в том числе как «организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта». Данное определение в полной мере соответствует характеру применения вооруженного насилия в образовательных организациях последователями субкультуры «Колумбайн», поскольку носит не спонтанный, а заранее спланированный характер.

Как правило, применению вооруженного насилия предшествуют действия также указанные в соответствующем Федеральном законе. Так, одним из определений террористической деятельности названа: «пропаганда идей терроризма, распространений материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности, либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности»[1]. Доказательством сопряженности применения вооруженного насилия в образовательных учреждениях бывшими или действующими обучающимися с пропагандой терроризма, служит тот факт, что представители движения скулшутинга осуществляют информационное сопровождение своих противоправных действий. К числу такого рода сопровождения следует отнести: солидаризацию с лицами, уже совершившими данное противоправное действие, распространение экстремистских материалов, выражение угроз в адрес своего ближайшего социального окружения и т. д.

Как правило, информационное сопровождение террористического акта осуществляется в сети Интернет. Так один из исследователей феномена скулшутинга В.Д. Никишин подчеркивает, что: «По данным компании «Квибрум», по состоянию на 2019 г. на территории России в различных социальных сетях действовало более 300 аккаунтов (групп), в которых размещены публикации о намерении напасть на образовательную организацию или совершить иные поступки экстремистского характера. По оценкам экспертов, общее число участников движения «колумбайн» в Рунете по состоянию на

[1] О противодействии терроризму: ст. 3 федер. закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021).

2019 г. составляло 470 000, среди них подростков – 112 000; прирост только за год с марта 2018 г. по март 2019 г. составил, соответственно, 125 000 и 20 000 человек. По данным Центра анализа и профилактики информационных угроз в молодежной среде РТУ МИРЭА (далее – ЦАПИ), по состоянию на май 2021 г. распространение идеологии скулшутинга в социальных сетях «ВКонтакте» (агрессивная агитация) количественно явно выражено в следующих показателях: 662 сообщества, 430 166 подписанных аккаунтов; количество аккаунтов в социальной сети Instagram, в которых упоминается скулшутинг, – 4 140»[1].

Для отнесения практики скулшутинга к террористическим преступлениям большое значение имеет ее соответствие правовому определению терроризма. Так, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму» дает следующее определение (ПРЕДЛОЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНО):

«терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»[2].

В данном определении большое значение имеет характеристика терроризма как практики «воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями». Указанная характерная черта терроризма вступает в определенное противоречие с идеологией и практикой скулшутинга, поскольку лица, совершающие вооруженные нападения на образовательные организации не ставят перед собой целью оказать непосредственное воздействие на государственную власть. Однако, как показал анализ целей и средств, преследуемых лицами, совершающими рассматриваемый вид противоправных деяний, непосредственным предметом воздействия практики

[1] Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика. Lex Russica, no. 11(180), 2021, С. 62–76.

[2] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (с изм. и доп.).

скулшутинга выступает общество в целом. Данное обстоятельство позволяет дать правовую характеристику скулшутинга как противоправного деяния террористической направленности.

Правовое определение скулшутинга как преступления террористической направленности, должно оказать существенное положительное воздействие на организацию противодействия данному виду противоправной деятельности, так как с одной стороны, снимает проблематичность правовой квалификации актов скулшутинга и деятельности поддерживающих их субкультур, а с другой – помогает разрешить проблемы разграничения компетенции различных субъектов противодействия экстремизму и терроризму.

Башлуева Наталья Николаевна,
преподаватель кафедры
социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Карташов Илья Андреевич,
курсант 2 курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: АСПЕКТЫ РОТИВОДЕЙСТВИЯ

Существует множество способов борьбы с действующим государственным устройством, некоторые из них уходят своими корнями в далекое прошлое, но есть и новые способы. Политический терроризм – это один из древнейших способов борьбы с государственной властью путем террора. Зачастую такие методы использовались реакционными политическими

партиями. Неспособные получить власть законными способами, например путем выборов или референдума, они прибегли к террору. Политический террор может носить как массовый, так и индивидуальный характер. Индивидуальный политический террор обычно направлен против конкретного человека, чаще всего занимающего важную государственную должность, либо имеющего высокое звание. Гораздо большую опасность представляет массовый политический террор, осуществляемый как правило путем терактов с множеством жертв[1]. Террористы таким путем желают вынудить государственную власть принимать выгодные им решения под угрозой массовой гибели мирного населения. К сожалению, политический терроризм нередко может маскироваться или даже сливаться с другими видами террора. Радикалы могут использовать религиозный контраст населения для разжигания недовольства, нарастания социальной напряженности. Таким образом политический терроризм может быть замаскирован под религиозный. Подобное сращивание актуально в основном для стран с пестрым национальным и религиозным составом. Дополнительные трудности для правоохранительных органов может доставить слившийся с нацизмом политический терроризм. Известны случаи, когда для завоевания власти реакционные политические партии и объединения провозглашали целый «крестовый поход» против представителей определенной национальности. Примечателен тот факт, что никакой из видов терроризма не способен существовать без наличия поддержки и социальной базы, в некоторых случаях терроризм финансируется международными корпорациями и даже целыми государствами. Необходимо также отметить, что по своей идеологической направленности данный вид терроризма делится на левый и правый. Первый в основном осуществляют коммунистически ориентированные группировки, имеющие в своем составе так называемое «боевое» крыло, занимающееся подготовкой и осуществлением террористических актов. Ультраправый вид

[1] Политический терроризм. URL: Политический терроризм (allbest.ru) (дата обращения: 27.10.2022).

политического терроризма зачастую основывается на почве расовой дискриминации.

Обратимся к исследованию исторического аспекта политического терроризма. Будучи одним из самых древних видов террористической деятельности, он в той или иной форме присутствовал почти во всех странах. Таким образом своих врагов и политических оппонентов устраняли властители Рима, Османской империи, Французского королевства.

Самой первой группировкой, начавшей практиковать политический терроризм была секта Сикариев. Религиозные фанатики, неспособные побороть римскую власть на территории Палестины путем народного восстания, принялись за осуществление индивидуального политического террора[1]. Жертвами Сикариев становились представители высшей еврейской знати, выступавшие за союз с римскими властями и организацию строгой системы соподчинения. Свое название данная секта получила благодаря орудию, которым они осуществляли свою деятельность – короткого кинжала, именуемого сикой. Итогом деятельности данной группировки стал полный провал. Свергнуть власть римлян террористическими методами не удалось, как собственно и настроить низы против верхов.

Крайне интересен опыт политического терроризма Китая. Раздираемый множеством внутренних потрясений, Китай стал крайне хорошей базой для осуществления террористической деятельности. Так называемые «Триады» появились в конце 17 века и представляли собой по сути оформленные террористические ячейки, боровшиеся против господства манчжуров. Однако патриотические идеи очень быстро сменились на криминальные. Триады захватывая власть переходили к банальному разбою и рэкету. Манчжуры и британцы отреагировали на террор в отношении собственных представителей ответным террором[2]. Множество китайцев было подвергнуто удушению, казни через отсечение головы,

[1] Сикарии – террористы I века до нашей эры? URL: Сикарии – террористы I века нашей эры?: sergeyurich – ЖЖ (livejournal.com) (дата обращения: 27.10.2022).

[2] Китайская мафия: из кого состоят Триады Гонконга? URL: Китайская мафия: из кого состоят триады Гонконга? | Пикабу (pikabu.ru) (дата обращения: 27.10.2022).

закапыванию заживо. Однако пошатнуть могущество «Триад» не удалось и уже к 1911 году на Земле появилось первое государство так или иначе управляемое членами тайных криминальных сообществ, использующих террор для устранения политических конкурентов.

Важным моментом в истории политического терроризма считается 19 век. Время оформления двух доктрин, оправдывающих террор – «Философия бомбы» и «Пропаганда делом». «Философия бомбы» представляла собой созданную К.П. Гейнценом доктрину, согласно которой количество жертв, принесенное для достижения «великой» цели не имеет значение. Больший интерес представляет собой «Пропаганда делом», провозгласившая террор главным методом достижения политических и большей частью личных целей. Террористы отрицали необходимость существования сильной государственной власти и ратовали за неограниченную свободу каждой личности. Неудивителен тот факт, что таким видом терроризма в основном занимались обычные уголовники и бандиты, желавшие легкой наживы.

Ради достижения поставленных задач террористы могули покуситься на жизнь практически любого человека от обычного гражданина до императора, так например в 1881 году террористами из организации «Народная воля» был убит российский император Александр второй. Также в конце 19 века получили распространение террористы – одиночники, основным родом деятельности которых было убийство чиновников, судей, финансистов[1]. Политические теракты нередко приводили к огромным потрясениям, таким образом начало Первой Мировой войны положило убийство австрийского эрцгероца Франца – Фердинанда террористами из организации «Млада Босна»[2]. Свое продолжение указанные выше доктрины получили в начале 20 века с установлением в Германии и Италии фашистских режимов. Созданный А. Гитлером аппарат управления предполагал активное использование всех видов политического

[1] Грачев А.С Политический терроризм: корни проблемы. М, 1982 (дата обращения: 28.10.2022).

[2] Витюк В.В. Эфиров С.А «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.

терроризма для уничтожения оппозиции, например немцев – антифашистов из «Белой Розы». Крайне прискорбно осознавать, что терроризм превратился в полноценный политический инструмент. Разберем важный аспект использования политического терроризма в наше время.

В настоящее время к политическому терроризму прибегают довольно часто, в основном это связано со стремлением отдельных правительств и личностей установить собственный контроль над неподконтрольными территориями. С 24 февраля 2022 года Российская Федерация проводит специальную военную операцию на Украине, которая уже привела к ряду как положительных так и отрицательных итогов. К положительным можно отнести: освобождение ряда территорий снижение уровня напряженности на границе. Однако есть и отрицательный аспект – развитие политического терроризма.

20 августа 2022 года на Можайском шоссе недалеко от Москвы прогремел взрыв. В результате срабатывания взрывного устройства погибла российская журналистка Дарья Дугина. Как установит следствие заказчиками данного террористического акта выступали украинские специальные службы, что свидетельствует об их переходе к политическому террору. На этом точка поставлена не была. 8 октября 2022 года прогремел еще один взрыв уже не в Москве, а в Крыму, то был теракт, направленный на частичное повреждение, а может даже и уничтожение Крымского моста. Данное действие было справедливо квалифицировано Следственным Комитетом Российской Федерации, как акт политического терроризма, направленный на подрыв международного престижа и авторитета РФ. Отличительной чертой современного политического терроризма можно смену вектора выбора целей. Целью для террористов выступают уже не знаменитые правители, купцы, банкиры или финансисты, а скорее представители СМИ, репортеры, администраторы различных интернет – порталов. Данный факт свидетельствует о том, что терроризм как метод политической борьбы нисколько не потерял свою актуальность, а лишь приспособился к современности.

Если говорить о противодействии терроризму, то можно отметить, что разделение общественного мнения на два лагеря.

Сторонников силовых и несиловых методов соответственно. Силовыми методами общество борется с терроризмом уже долгое время, что позволяет сделать вывод об их малой эффективности. Чтобы выявить наиболее эффективный метод борьбы с террористами необходимо понять, что такое пагубное явление не возникло на пустом месте и представляет собой реакцию людей на определенные социальные изменения. Решение данной проблемы путем создания более жестких законов тоже скорее всего будет ошибочно. Террористы - это убежденные в своей правоте люди, уже решившиеся на данное преступление, суровое наказание мало кого напугает[1]. Наиболее эффективными на мой взгляд способами борьбы с терроризмом являются превентивные меры, ведь предотвратить теракт гораздо легче, чем потом исправлять его последствия.

Однако стоит отметить, что специальным службам крайне сложно перехватывать информацию о терактах в виду редкости возможных утечек. Также к наиболее эффективным способам относят внешнее воздействие на страны – пособники терроризма. К таким сейчас относят: Кубу, Ливан, Ирак, Иран и так далее.

Состояние антитеррористической защищенности в Российской Федерации на данный момент довольно высокое. Специальным службам удается эффективно предотвращать теракты путем взаимодействия с Министерством Обороны и Службой Внешней разведки. По данным НАК за первое полугодие было предотвращено 60 террористических актов[2], как массового, так и индивидуального характера. Отмечается, что в отдельных регионах были арестованы целые подпольные группы и террористические формирования, занимающиеся распространением нацисткой символики, идеологии и вербовкой сторонников. Необходимо упомянуть и тот факт, что за организацией многих террористических актов стояли

[1] Anderson S, Stephen S. Historical Dictionary of Terrorism, 1995 (дата обращения: 29.10.2022).

[2] НАК сообщает о предотвращении более 60 террористических преступлений в РФ в первом полугодии. URL: НАК сообщает о предотвращении более 60 террористических преступлений в РФ в первом полугодии. Новости. Первый канал (1tv.ru) (дата обращения: 29.10.2022).

специальные службы иного государства – Украины, Великобритании, США.

Таким образом, как демонстрирует исторический анализ образования и развития политического терроризма, борьба против него велась и ведется по сей день. Единственное, способы этого противодействия становятся более сложными. Однако лучше проводить превентивные мероприятия, чем бороться с последствиями политического терроризма.

Луо Хайлун,
доцент
Китайского народного полицейского университета

ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ

Религиозный экстремизм, являющийся основным идеологическим источником современного международного терроризма, превратился в злокачественную опухоль, угрожающую международному сообществу и создающую серьезную угрозу миру и развитию во всем мире. Опыт и уроки, извлеченные из работы по Дерадикализации и предотвращением терроризма, которую все страны изучают В настоящее время религиозная экстремизм продолжает распространяться, международный терроризм продолжает свирепствовать, что порождает консерватизм и ксенофобию. Об управлении по Дерадикализации, необходимо глубоко проанализировать, решить проблему и найти новые пути и средства.

I. Точно оценить сущность религиозного экстремизма и ее отождествлению религиозного экстремизма с какой-либо конкретной религией или национальностью

Религиозный экстремизм означает использование некоторыми заинтересованными группами во имя религии для достижения своих политических целей и интересов, искаженное и экстремистское толкование религий этими группами и разжигание фанатизма и экстремистских идей, Эти группы прибегают к крайним средствам для создания идеологии и

системы поведения, которые подрывают нормальный общественный порядок и стабильность, имеет сильную иррациональность, исключительность и запутанность. Религиозный экстремизм по своей сути уже не является религией, существенно отличается от обычной религии по содержанию и форме. Религиозный экстремизм используется только для прикрытия своих политических целей под прикрытием религии, которая выходит за рамки религии, а является чисто политическим вопросом.

Теория «ограниченной безопасности» Копенгагенской школы является для нас важным откровением, вопрос «безопасности» не является чем лучше, тем лучше, и его следует рассматривать в качестве особого средства в нетрадиционных условиях. Вопрос о «безопасности» следует рассматривать не как нечто большее, а как особый инструмент в необычных условиях, а скорее как «ограниченную или селективную» безопасность, которая должна быть исключена из повестки дня в области безопасности и рассматриваться на выборочной и дифференцированной основе с учетом различных факторов и аспектов. Таким образом, можно использовать теорию «ограниченной безопасности», проведение различия между религиозным экстремизмом и обычной деятельностью религий во избежание политизации религиозных вопросов и привязки терроризма к какой-либо конкретной религии или национальности. Мы используем различные средства для содействия борьбе с терроризмом и деэкстремизмом, используя политические средства для решения политических проблем и религиозные средства для решения религиозных проблем, защищая и направляя нормальную деятельность и развитие религий, а также ведя точную борьбу с религиозным экстремистским терроризмом.

II. Поддерживать принцип разнообразия цивилизаций и обмена опытом и выступать против «теории столкновения цивилизаций»

«Теория столкновения цивилизаций» в хантингтоне, «теория столкновения цивилизаций», в которой говорится только о «столкновении цивилизаций». В этой доктрине игнорируются общие тенденции в области обмена и интеграции между цивилизациями и ставится под сомнение международная борьба с

терроризмом, что противоречит теме мира, развития и сотрудничества в современном международном сообществе.

В хантингтоновской теории «столкновения цивилизаций» говорится только о «столкновении цивилизаций», но игнорируется общая тенденция обмена и интеграции между цивилизациями и ставится под сомнение международная борьба с терроризмом, что противоречит теме мира, развития и сотрудничества в современном международном сообществе.

С точки зрения развития мировой цивилизации, культурный обмен и интеграция являются главным способом развития цивилизации, основные цивилизации в процессе развития поглощают и интегрируют лучшие результаты других цивилизаций. Терпимость, присущая многокультурному единству, стремление к единству, умеренная гармония, естественный иммунитет от религиозного экстремизма могут эффективно противодействовать таким экстремистским актам, как нетерпимость, фанатизм и насилие. Китайская цивилизация является важным ресурсом в сокровищнице мировой культуры, в которой дух и философия умеренной терпимости, взаимного обогащения и гармонии являются мощным инструментом борьбы с религиозным экстремизмом.

III. Стимулировать экономическое развитие и ликвидировать почву для экстремизма

В основе религиозных предрассудков лежат нищета и невежество. Международный опыт борьбы с терроризмом показывает, что экстремизм легко процветает и распространяется в бедных и отсталых странах и регионах . Экстремистские организации используют желание бедного населения изменить статус-кво для распространения экстремистских идей и осуществления идеологического контроля. Развитие экономики и улучшение условий жизни населения играют важную роль в ликвидации религиозного экстремизма. Необходимо твердо придерживаться курса лечения, стимулировать экономическое развитие, всемерно улучшать благосостояние людей, добиваться экономического процветания и общего благосостояния. Модернизация материальной жизни, несомненно, коренным образом изменит менталитет и образ жизни людей, лишит почву для существования экстремистских религиозных взглядов.

IV. Твердо придерживаться верного курса, развивать религиозную активную и социальную функцию, чтобы противостоять экстремистской идеологической эрозии

Религия как идеология, ее социальная функция носит двойственный, позитивный и негативный характер. Каждая религия была создана для того, чтобы побудить людей делать добро как отправной пункт, отказаться от злых идей, есть также позитивные элементы религиозной этики, играть роль духовного, сдерживающего действия и психологического утешения. Например, элементы патриотизма, добродетели и добродетели в этическом и нравственном сознании ислама, которые в определенной степени согласуются с национальными законами и нормативными актами, а также с принципами справедливости современного общества. Поэтому необходимо правильно понимать социальную функцию религии и в полной мере использовать силу и роль законной религии, направлять религию на службу социально-экономическому развитию, твердо держаться курса на устранение зла, расширять правду, правильные голоса и влияние, рассеять экстремистские идеи правильными истинами и правильными идеями, освободить массы от контроля над экстремистскими религиозными идеями.

V. Развивать дело культуры и образования, повышать научное и культурное качество всей нации

Отсталость в культурном образовании является важным фактором распространения экстремистских идей. Для того чтобы ликвидировать почву, на которой зарождается экстремистская религиозная идеология, необходимо энергично развивать культуру и образование и повышать научное и культурное качество всей нации. Во-первых, необходимо увеличить объем инвестиций в базовое образование, особенно в менее развитых в экономическом отношении районах, с тем чтобы реально повысить культурный уровень образования для всех народов . Во-вторых, всемерно развивать дело культуры, обогащать культурную жизнь масс, всемерно развивать такие культурные объекты, как библиотеки, музеи, кинотеатры и другие, организовывать культурно-развлекательные мероприятия с большим разнообразием народных масс, такие, как пение, танцы, национальная атлетика. Изменить старые привычки и пропагандировать цивилизованный и здоровый

образ жизни, чтобы противостоять проникновению экстремистских религиозных идей.

Короче говоря, дерадикализация является долгосрочным, систематическим проектом. Решая проблемы, необходимо исходить из принципа одновременного устранения причин и последствий с системной точки зрения, используя различные политические, экономические, военные, культурные и религиозные средства для решения проблемы комплексно и с неослабевающей бдительностью для достижения желаемых результатов.

Козыренко Римма Николаевна,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности
факультета милиции учреждения образования
«Могилевский институт МВД Руспублики Беларусь»,
магистр политических наук

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ И АТРИБУТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Одной из негативных тенденций современного мира является возрождение в ряде европейских стран национал-социализма, сопровождающееся пропагандой нацистских идей и ценностей, героизацией нацистских преступников, а также прославлением совершенных ими преступлений. На постсоветском пространстве предпринимаются множественные попытки восхваления германского оккупационного аппарата управления, с одновременным объявлением сотрудничавших с нацистами коллаборационистов и их лидеров национальными героями, а также переноса национал-социалистических идей в сферу политических действий. Одним из отличительных признаков данной деятельности является использование нацистской символики и атрибутики как совокупности символов, образующих знаковую систему национал-социализма и неонацизма, а также предметов, связанных с указанными идейными доктринами.

Нацизм (национал-социализм) – тоталитарная идеология, политическое движение, а в 1933–1945 гг. и государственный режим в Германии, придавшие при диктатуре А. Гитлера законную силу наиболее агрессивным устремлениям правого экстремизма и расизма[1].

Как идеология национал-социалистической рабочей партии Германии, пришедшей к власти в 1933 г., национал-социализм сочетает расизм, шовинизм, антикоммунизм с элементами государственного социализма. Для этой идеологии характерны также антидемократизм и реваншизм[2].

Наиболее полное воплощение идеология национал-социализма и практика ее применения получили во время Великой Отечественной войны. Так, на оккупированных гитлеровской Германией территориях Беларуси реализовывался целенаправленный план геноцида белорусского народа, разграбления его материального достояния и природных ресурсов. Гитлеровцы и их пособники из числа коллаборационистов уничтожили около 3 млн. чел, 380 тыс. чел. вывезли на каторжные работы в Германию, сожгли и разрушили 209 городов и районных центров, 9 200 деревень, из которых 186 после войны не возродились[3].

Несмотря на то, что вопросы противодействия распространению нацистской символики и атрибутики не получили достаточного освещения в современной политической науке, опасность использования данной символики и атрибутики в политических целях очевидна. В отношении национал-социалистических убеждений не применимы демократические принципы свободы слова и многообразия мнений, поскольку на Нюрнбергском процессе (1945–1946) осуждены не только лидеры и члены национал-социалистической рабочей партии Германии, но и сама эта партия признана преступной организацией,

---

[1] Беляков А.В. и др. Национал-социализм // Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. С. 200–201.

[2] Мельник В.А. Политические идеологии: учеб. пособие. Минск: Выш. шк., 2009. С. 290.

[3] Лемешонок В.И. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Республика Беларусь: Энциклопедия: в 6 т. Т. 2 / редкол.: Г.П. Пашков и др. Мн: БелЭн, 2006. С. 609.

подлежащей полной ликвидации. Победа советского народа в Великой отечественной войне – это историческая победа над идеологией национал-социализма, руководствуясь которой национал-социалисты совершали преступления против человечества.

В настоящее время нацистская символика вовлечена в качестве политической символики в политический процесс в ряде государств и используется наряду с иными средствами политики, преимущественно в целях формирования определенных политических установок и ориентаций, противодействия институтам политической системы, радикализации политических режимов, обеспечения деструктивной активности организаций, формирований и отдельных лиц, в том числе в информационной сфере.

Очевидно, что использование такой символики, призванной выполнять коммуникативную и интеграционную функции, способствует формированию групповой идентичности и влияет на эффективность политических решений.

Осознание угрозы, которую представляет для национальной безопасности Республики Беларусь распространение нацистской символики и атрибутики как средства выражения идей нацизма и неонацизма, побуждающего к политическим действиям организации и группировки, а также отдельных лиц, придерживающихся и распространяющих данные идеи, диктует необходимость реализации политико-правовых мер противодействия такому распространению.

Важность указанных мер объясняется также тем, что данная символика и атрибутика используются для поддержания устойчивой идеологической связи с нацизмом времен Великой Отечественной войны, тема которой, равно как и тема геноцида белорусского народа, является одной из главных тем общественно-политического дискурса в Республике Беларусь. «Нам никогда не забыть страшные истории Великой Отечественной войны. Мы никогда не простим жестокость, бесчеловечность и бесчинства врага на нашей земле. Мы помним

это и в этом наша сила», – констатировал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко[1].

Необходимо отметить, что в Республике Беларусь общественные отношения, складывающиеся в сфере сохранения исторической правды, выделены в качестве самостоятельного объекта правовой охраны.

Так, Конституцией Республики Беларусь установлено, что государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Долгом каждого гражданина Республики Беларусь является сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа[2].

Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь закреплено, что попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие национальные духовно-нравственные традиции, оцениваются как основные потенциальные либо реально существующие угрозы национальной безопасности Республики Беларусь[3].

В Республике Беларусь последовательно реализуется государственная историческая политика. В русле этой политики, в соответствии с Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь выстраиваются в качестве доминирующей и закрепляются в Беларуси и за ее пределами белорусская национальная концепция исторического прошлого и белорусская модель памяти[4].

---

[1] Умпирович Д. О чем говорил Президент на митинге-реквиеме в Хатыни / Д. Умпирович, А. Захаров // Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. 2022. Режим доступа: https://www.sb.by/articles/kak-tolko-my-zabudem-pogibnem-kak-narod-.html (дата обращения: 22.11.2022).

[2] Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

[3] Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: указ Президента Республики Беларусь, 09.11.2010 № 575 (в ред. от 24.01.2014). ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

[4] Об Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № 1. ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

Геноцид белорусского народа, совершенный нацистскими преступниками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (до 1951 года), юридически признан в Республике Беларусь Законом Республики Беларусь «О противодействии реабилитации нацизма» (далее – Закон)[1].

В статье 1 Закона получило закрепление правовое понятие «нацистская символика и атрибутика». К такой символике и атрибутике относятся символика и атрибутика, использовавшиеся Национал-социалистской рабочей партией Германии, Национальной фашистской партией Италии, другими государственными, военными и иными структурами либо организациями, сотрудничавшими с такими структурами на оккупированной территории СССР в годы Второй мировой войны, если эти структуры и организации признаны преступными либо виновными в совершении преступлений приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала (далее – трибуналы), а также другими организациями, сотрудничавшими с такими структурами и организациями. Законодательно установленный перечень нацистской символики и атрибутики включает эмблему, гимн Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) и ее символы (свастику, нацистское партийное приветствие), эмблемы ее военизированных формирований (СА и СС), флаг Третьего рейха, эмблемы Национальной фашистской партии Италии, атрибуты униформы членов СС и войск СС и сотрудников спецслужбы НДСАП (СД), а также изображения лиц, признанных вышеуказанными трибуналами виновными[2].

В соответствии со статьей 3 Закона, определяющей основные принципы недопущения реабилитации нацизма, Министерством внутренних дел Республики Беларусь указанный перечень нацистской символики и атрибутики конкретизирован и детализирован. В него законно и обоснованно, помимо свастики,

---

[1] О недопущении реабилитации нацизма: закон Республики Беларусь от 14.05.2021 № 103-З. ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

[2] Там же.

гимна НСДАП, нацистского партийного приветствий, флага Третьего рейха, атрибутов униформы членов СС, войск СС, сотрудников СД, включены также эмблемы НСДАП, фашистской партии Италии, СС, СА, а также формирований СС, коллаборационистское приветствие; приведено детальное описание этой символики и атрибутики. Одновременно Министерством внутренних дел Республики Беларусь определен перечень организаций и иных структур, использовавших нацистскую символику и атрибутику. В него включены не только организации и иные структуры, перечисленные в статье 1 Закона, но и военизированные формирования НСДАП (СС, СА), политическая полиция (ГЕСТАПО) и спецслужба гитлеровской Германии (СД), военизированные добровольческие коллаборационистские структуры, созданные для осуществления карательных функций на оккупированной территории СССР в годы Второй мировой войны и выполнявшие преступные приказы руководства СС и СД (Охрана службы порядка и 13-й Белорусский полицейский батальон при СД), а также использовавшаяся в антипартизанских целях 30-я гренадерская (пехотная) дивизия Ваффен-СС[1].

Таким образом, приняты конкретные меры по совершенствованию правовой основы недопущения реабилитации нацизма, в том числе противодействия распространению нацистской символики и атрибутики, в целях сохранения исторической памяти о великой Отечественной войне, недопущения фальсификации ее истории.

Среди мер административно-правового принуждения, направленных на противодействие распространению нацистской символики и атрибутики, особое место занимают меры административной ответственности. Указанная символика и атрибутика являются предметом административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.10 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь

[1] Об установлении перечней организаций и иных структур, нацистской символики и атрибутики постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 28.10.2022 № 271. ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

(далее – КоАП)[1]. Нормы данной статьи КоАП содержат прямой запрет на совершение конкретных действий – пропаганды или публичного демонстрирования, изготовления, распространения нацистской символики или атрибутики.

Согласно части 1 данной статьи КоАП, административную ответственность влекут следующие альтернативные действия: пропаганда, публичное демонстрирование, изготовление, распространение, хранение, приобретение нацистской символики или атрибутики. При этом законодатель установил, что пропаганда или публичное демонстрирование нацистской символики или атрибутики, а равно ее публичное демонстрирование влекут административную ответственность и в случаях, когда они совершены с использованием глобальной компьютерной сети Интернет. Хранение, а равно распространение такой символики или атрибутики признаются административным правонарушением в случаях, если совершены с конкретной целью – распространение этой символики или атрибутики[2].

В части 2 данной статьи КоАП содержится квалифицированный состав правонарушения, предусмотренного частью 1 этой статьи. Квалифицирующим признаком является совершение данного административного правонарушения повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такие же нарушения[3].

Субъектами административной ответственности могут являться любые физические лица, достигшие 16-летнего возраста, вменяемые, а также индивидуальные предприниматели и юридические лица. Санкциями указанных частей статьи КоАП предусмотрена возможность применения в качестве дополнительного административного взыскания конфискации предмета административного правонарушения, а также орудий и средств его совершения.

---

[1] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 91-З; принят Палатой представителей 18.12.2020; одобр. Советом Респ. 18.12.2020 (в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022). ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

[2] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 91-З; принят Палатой представителей 18.12.2020; одобр. Советом Респ. 18.12.2020 (в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2022). ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

[3] Там же.

Согласно примечанию к данной статье КоАП, не являются административным правонарушением предусмотренные частями 1 и 2 статьи деяния, при осуществлении в соответствии с законодательством отдельных видов деятельности. К такой деятельности законодатель отнес деятельность в области культуры (театрального, музыкального, циркового и изобразительного искусства, библиотечного дела, кинематографической деятельности, музейного дела, организации и проведения культурно-зрелищных, зрелищных и иных культурных мероприятий), издательского дела, образовательной и научной деятельности, коллекционирования культурных ценностей, средств массовой информации. При этом обязательным условием признания правомерными вышеуказанных отдельных видов деятельности, осуществляемой в общественно полезных целях и регулируемой государством, является отсутствие в этой деятельности признаков пропаганды нацистской символики и атрибутики[1].

Что касается уголовной ответственности за деяния, посягающие на установленный порядок обращения символики и атрибутики, то, согласно статье 341-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), физическое виновное лицо подлежит уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных частью 1 статьи 19.10 КоАП, в случае их неоднократного совершения. Для целей настоящей статьи УК деяние признается совершенным лицом неоднократно, если это лицо дважды в течение одного года подвергалось административному взысканию за совершение административных правонарушений, предусмотренных указанной статьей КоАП, и в течение года после наложения второго административного взыскания за такие деяния вновь их совершило[2].

Таким образом, установленные законодательством Республики Беларусь отдельные меры по недопущению

[1] Там же.

[2] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022. ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

распространения нацистской символики и атрибутики направлены реализацию одного из основных принципов недопущения реабилитации нацизма – защиту прав и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов организаций. Они призваны, наряду с иными политико-правовыми мерами, обеспечить сохранение исторической правды, недопущение реабилитации нацизма, в том числе возрождения национал-социалистической идеологии, лежащей в основе фальсификации событий Великой Отечественной войны, обесценивания Победы советского народа в этой войне, а также неотвратимость наказания за реабилитацию нацизма.

Определяющим фактором их применения является необходимость реализации идеи единства белорусского народа, а также основных национальных интересов Республики Беларусь – обеспечения эффективного функционирования государственных институтов в интересах общества, снижения уровня преступности и криминализации общества[1].

[1] Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: указ Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 / в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014. ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

Магомедова Зара Изберовна,
доцент кафедры
административной деятельности
Тверского филиала
Московского университета МВД России,
кандидат юридических наук,
мировой судья в отставке

«ГРАЖДАНЕ-СУВЕРЕНЫ» – СЕКТА ИЛИ ПОЗИЦИЯ?

Из различных электронных источников, а также правоприменительной практики известно о распространении в Российской Федерации движения «суверéнных живых граждан (СССР)»[1]. «Sovereign citizen movement» – неформальное общественное движение, зародившееся в Канаде под названием «Свободный человек на земле», и существующее ныне в США. Эти «граждане» известны тем, что, живя в стране, являясь де-юре гражданами государства, не выполняют свои обязанности по уплате налогов, отрицают любые полномочия правоохранительных органов и органов судебной власти, мотивируя свой отказ тем, что на определенном историческом этапе государство утратило с ними государственно-правовые отношения, дальнейшее существование государства и связанных с ним правовых институтов надстройки является незаконным. Такие граждане объединены в организованное движение, которое помогает им в оформлении документов, выстраивании правовой позиции в суде и правоохранительных органах, при этом постоянное участие в данном движении необязательно, явно выраженное членство отсутствует, однако периодически активистами движения проводятся некие обучающие семинары, конференции и съезды. В США данное движение от пассивного неповиновения (например, в виде неуплаты налогов) перешло к более активным действиям (например, подаче заведомо безосновательных исков и заявлений в судебные и

[1] См., например, URL: Граждане_СССР // neolurk.org›wiki. (дата обращения: 29.10.2022).

правоохранительные органы), а затем и к террору (покушению на убийство судьи)[1].

В органах миграции Российской Федерации с 2010 года, а в судах Российской Федерации примерно с 2016 года также массово стали появляться граждане, которые отрицали факт гражданства Российской Федерации и статус «физическое лицо», именовали себя «живорожденными мужчинами и женщинами». Данная категория лиц преимущественно «проявлялась» в гражданских процессах в качестве истцов либо в качестве ответчиков по делам о взыскании задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг, о взыскании задолженности по кредитным договорам, либо в качестве истцов (реже) по заведомо безосновательным искам. Такие ответчики препятствуют правильному и своевременному рассмотрению гражданского дела, то есть, реализации задач гражданского судопроизводства, указанных в статье 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Чаще всего, тактика таких «живорожденных» заключается в злоупотреблении своими процессуальными правами путем затягивания процесса. Еще во вводной части судебного заседания они заявляют отводы судье, зачитывая заготовленные объемные ходатайства, указывая на то, что судья нелегитимен, не является гражданином, предлагают предъявлять им документы, подтверждающие полномочия судьи. Также одним из приемов «граждан-суверенов» является заявление ходатайств о направлении материалов дела в правоохранительные органы на предмет возбуждения уголовных дел, в связи с наличием фальсифицированных документов – доказательств по делу. В ходе рассмотрения дела по существу «суверены» зачитывают объемные объяснения, стараются использовать видеозапись судебного заседания, чтобы выкладывать ее в сеть «Интернет» для дискредитации судебной власти. Одним из приемов таких «граждан» является неполучение судебной корреспонденции, возврат ее в суд с надписями о отказе в принятии оферты, поскольку все действия суда воспринимают реальными только при добровольном к ним

[1] Мельников В. Движение «живых людей-суверенов» // Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского. URL: ru/Wikipedia.org (дата обращения: 29.10.2022).

присоединении (акцепте оферты). Также в арсенале «живорожденных» обжалование во все инстанции действий судья и судебных постановлений, как подлежащих, так и не подлежащих обжалованию. Некоторые «граждане СССР» идут дальше, вынося «приговоры» судьям всех уровней, а также приходят на прием к председателям судов и высказывают неконкретные суждения о возможной смене власти и возмездии, в том числе физическом, для представителей современной судебной власти[1].

Безусловно, что указанная категория лиц представляет потенциальную опасность для демократического общества с установившейся системой разделения властей, несет скрытую угрозу для осуществления независимой судебной власти.

Проявления указанного движения разнообразны, тактика действий меняется, серьезных исследований правовой, политической и социологической природы указанного явления не имеется, в связи с чем, попробуем первоначально обобщить имеющиеся на сегодняшний день данные:

19.08. 2022 года на основании решения Самарского областного суда от 16.06.2022[2] Министерство юстиции Российской Федерации внесло «Граждан СССР» в реестр экстремистских организаций[3]. Немного о деле:

Прокурор Самарской области, действуя в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц обратился в Самарский областной суд с административным исковым заявлением о признании межрегиональной общественной организации «Граждане СССР» (иные наименования «Держава Союз Советских Светлых Родов», «Совет Советских Социалистических Районов», «Совет Союза Советских Социалистических Районов», «Верховный Совет Союза Советских Социалистических Районов», «Верховный Совет Воинов Державы Союза Советских Светлых Родов»,

[1] См., например, Белкин А. Отделение секты «СССР» накрыли на Ямале // Российское информационно-аналитическое агентство «SM-News URL: ru/Wikipedia.org (дата обращения: 29.10.2022).

[2] Дело № 3а-1201/2022 ~ М-625/2022 URL: // Самарский областной суд. Официальный сайт (дата обращения: 29.10.2022).

[3] Pravo.ru // URL: https://parvo.ru/news/242578

«Сверхдержава Союз Советских Светлых Родов», «Верховный Совет Воинов Сверхдержава Союз Советских Светлых Родов», «ВСВ держава СССР», «Союз Советских Социалистических Республик») экстремистской организацией и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации. Интересно, что представитель административного ответчика Захаров Ю.Н. не возражал против удовлетворения заявленных требований, пояснив, что организация существует с 2019 года и изначально ее возглавляло лицо, которое передало полномочия на проведение выборов в «Совет Народных депутатов СССР» ему, а также еще двум лицам. 05.03.2021 был проведен первый «съезд Народных депутатов СССР», в котором приняли участие около 300 человек из многих регионов. На съезде он был избран на должность председателя «Президиума Верховного Совета СССР», сформированы органы управления – «правительство» и «Верховный Совет СССР». С 06.03.2021 он является руководителем межрегиональной общественной организации «Граждане СССР», в наименование которой неоднократно вносились изменения. Целью деятельности организации изначально являлось объединение граждан СССР и возвращение к правопреемственности Конституции СССР 1977 года, отказ от исполнения действующего законодательства. Из-за произошедших внутри организации конфликтов, в том числе в связи с изменением наименования и введением поземельно-шнуровых книг, в которые вносились сведения о государственном и личном имуществе граждан, с апреля 2022 года он не участвует в деятельности организации, однако, свои полномочия никому не передавал. Полагает, что на данный момент организация позиционируется как секта и действия ее носят экстремистский характер, поскольку связаны с мошенничеством и направлены на воспрепятствование деятельности и дезорганизацию работы существующих органов власти.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что межрегиональная общественная организация «Граждане СССР», имеющая также иные наименования – «Держава Союз Советских Светлых Родов», «Совет Советских Социалистических Районов», «Совет Союза Советских Социалистических Районов»,

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Районов», «Верховный Совет Воинов Державы Союза Советских Светлых Родов», «Сверхдержава Союз Советских Светлых Родов», «Верховный Совет Воинов Сверхдержава Союз Советских Светлых Родов», «ВСВ держава СССР», «Союз Советских Социалистических Республик» действует с августа 2019 года и не зарегистрирована в качестве юридического лица; с 06.03.2021 ее руководителем является Захаров Ю.Н. Организация осуществляет свою деятельность на территории не менее 30 субъектов Российской Федерации, в которых имеются ее структурные подразделения. Идеологической основой, объединяющей членов межрегиональной общественной организации, является отрицание распада Союза Советских Социалистических Республик (СССР) как государства. Организация призывает к отказу от гражданства Российской Федерации и ставит своей целью смену конституционного и политического строя в стране на режим, схожий с существовавшим в СССР. Межрегиональная координация деятельности организации обеспечивается посредством издания «Правительством Верховного Совета Союза Советских Социалистических Районов», «Председателем Президиума ВС СССР» «указов», «постановлений» и «Державных грамот», которые доводятся до членов организации путем размещения в сети Интернет, направления электронной почтой и иными средствами связи. Для пропаганды идей и координации деятельности межрегиональной общественной организации активно используются интернет-ресурсы. 30.05.2021 создан канал «Держава Союз Советских Светлых Родов» (https://youtube.com/channel/UCOemUEx_
6CFnM14WUNVPREA/featured), который насчитывает более 1,5 млн просмотров и 11,3 тыс. подписчиков. В соответствии с «Положением о статусе Народных Депутатов СССР, представителей Родов», вступление в члены организации происходит в особых условиях на основании представленной кандидатом в избирательную комиссию автобиографии в письменной форме, подписанного бланка присяги и видеоматериала с произнесением присяги. Деятельность организации характеризуется устойчивостью, что выражается в

высокой степени организованности, стабильности состава, четком распределении обязанностей, наличием в составе руководителя с организаторскими и координирующими функциями, тесном взаимодействии членов организации между собой посредством социальных сетей и телефонной связи. Руководителем организации Захаровым Ю.Н. в социальной сети «Вконтакте» были размещены материалы (видеоролик «Законные открытые всесоюзные выборы в Совет Народных депутатов СССР – Представителей Родов!!!» и текст), которые, согласно актов экспертных исследований, содержат признаки возбуждения ненависти, вражды в отношении группы лиц, выделенной по национальному признаку. Судом был установлен факт распространения агитационных материалов указанной организации ее членами через видеохостинг, в банковских организациях, на территориях военных, правоохранительных организаций и администраций районов.

Деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии экстремизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе является угрозой государственной и общественной безопасности.

Говорить о численности приверженцев вышеуказанной экстремистской организации сложно, поскольку многие не являются ее официальными членами, при этом просматривают соответствующие материалы в сети «Интернет», берут их на вооружение с целью затянуть судебные процессы, уйти от ответственности. Например, в блоге «Кавказский Узел» называется около 1 200 человек[1], однако представляется, что численность сильно занижена.

В соответствии с п. 1-2 ч. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями), под экстремистской деятельностью понимается насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение

[1] URL: https://www.kavkaz-uzel.org/blogs/119/posts/56027 (дата обращения: 29.10.2022).

территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица,

замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг, а экстремистской организацией считается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Самарский областной суд принял решение о признании организации экстремистской, в частности потому, что организация «призывает к отказу от гражданства Российской Федерации и ставит своей целью смену конституционного и политического строя в стране на режим, схожий с существовавшим в СССР», «члены организации не подчиняются действующим законам и противодействуют органам государственной власти Российской Федерации по причине убежденности в их нелегитимности, а также подконтрольности лицам еврейской национальности».

Итак, организацию признали экстремистской, ее деятельность запрещена, однако вопросы остались. Как мы видели, название организации неоднократно менялось, идеологическая база различных последователей данной организации весьма неоднородна (кто-то во главу угла ставит славянские этнические мотивы, кто-то религиозные – псевдохристианские, кто-то-политические), единственное, что объединяет этих лиц – противодействие осуществлению правосудия путем злоупотребления своими процессуальными правами.

Запрет экстремистской организации не положил конец деятельности ее членов, поскольку, как указывалось выше, организация многолика, может скрываться под личиной славянофильской, религиозной организации, политической партии.

В практической деятельности судов, рассматривающих конкретные гражданские дела (о взыскании задолженности по жилищно-коммунальным платежам, кредитным договорам), несмотря на признание «граждан СССР» экстремистской организацией, на настоящий момент нет действенного механизма защиты против данной категории граждан, поскольку основания для отказа в приеме исковых заявлений или возвращения исковых заявлений указаны в ст. 134-135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), толковать их расширительно судья не может. Истец (или ответчик) не указывает в иске или в своих возражениях на иск о том, что он является членом запрещенной в РФ экстремистской организации «Граждане СССР», а даже, если бы и указал, судья не может на основании действующего законодательства ограничить его в процессуальных правах. Единственная на настоящий момент возможность противодействовать распространению вышеуказанных вредоносных взглядов – это вынести частное определение в порядке ст. 226 ГПК РФ, что само по себе не предотвращает появление в материалах гражданского дела экстремистских материалов, как письменного характера (иска или возражений), так и в форме аудиозаписи судебного заседания.

В связи с вышеизложенным, на данный момент представляется обоснованным дополнить ч. 1 ст. 134 ГПК РФ пунктом 4 об отказе в приеме искового заявления, поданного членом организации, признанной в установленном порядке экстремистской, либо имеющего экстремистское содержание, а также уточнить положения ч. 1 ст. 159 ГПК РФ о мерах, применяемых в нарушителям порядка в судебном заседании, расширив полномочия председательствующего по ограничению выступления участника судебного разбирательства, имеющего экстремистскую направленность.

Боярский Дмитрий Евгеньевич,
курсант 3-го курса
факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России

Добрыдина Алина Игоревна,
курсант 4 курса
факультета по подготовке специалистов
для подразделений полиции
Краснодарского университета МВД России

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО СИМВОЛИЧЕСКИМ ИЗОБРАЖЕНИЯМ

В настоящее время экстремистская угроза остается одной из важнейших угроз, с которой приходится сталкиваться современному обществу. Масштабы распространения данной угрозы носят глобальный характер и затрагивают не только российское государство и общество, но подавляющее количество стран. Во многом масштабы распространения экстремисткой преступности связаны с использованием деструктивно настроенными силами информационно-телекоммуникационных технологий. Формы использования возможностей сети интернет в экстремистских и террористических целях весьма разнообразны, важнейшими из них следует признать:

– информационное обеспечение экстремистской и террористической деятельности;

– обеспечение функционирования сетевых экстремистских сообществ;

– вовлечение и вербовка в экстремистские и террористические организации;

– разведка и сбор информации с целью осуществления экстремистской деятельности и совершения террористических актов;

– осуществление актов кибертерроризма;

– финансирование экстремистской и террористической деятельности.

По своему характеру преступления экстремисткой направленности существенным образом отличаются от общекриминальных преступлений. Важнейшими специфическими чертами экстремисткой преступности следует признать их направленность:

– *идеологическую;*

– *социальную;*

– *политическую.*

Специфика идеологической составляющей преступлений экстремистской направленности заключается в том, что в их основании всегда лежит определенного рода идеология, направленная на кардинальное и насильственно изменение в действующей системе правопорядка. Различного рода идеологические концепции и доктрины, лежащие в основании преступлений экстремистской направленности, используются правонарушителями для оправдания своих действий служению социальным, национальным, религиозным и каким либо иным идеалам. В результате этого экстремисты стремятся изобразить себя в качестве правонарушителей, а как «альтруистов и мучеников за идею».

В свою очередь социальная составляющая преступлений экстремистской направленности проявляется в том, что радикальная или откровенно экстремистская идеология всегда, так или иначе действует от имени определенной социальной группы и исходит из представления о нарушении ее законных прав и позиционирует себя в качестве ее защитницы. Важнейшим моментом любой радиально и экстремистской идеологии служит создаваемый в ней образ врага, в качестве которого выступает одна или несколько социальных групп. Непосредственным результатом такого рода социального позиционирования является рост социальной напряженности в обществе, приводящий к разжиганию расовой, национальной, религиозной и иной социальной ненависти, переходящей в совершение различных административных правонарушений и преступлений.

Наконец, политическая составляющая преступлений экстремисткой направленности заключается в том, что данного

рода противоправные деяния, так или иначе, сопряжены с борьбой за политическую власть. Такого рода борьба может быть напрямую связана с попытками незаконного захвата деструктивно настроенными политических силами государственной власти. Помимо этого, незаконная политическая борьба, приводящая к совершению противоправных деяний, может быть связана с негосударственной сферой политической жизни общества, а, именно, с борьбой партий или с борьбой внутри какого-либо политического сообщества. Например, убийства по политическим мотивам могут быть совершены для устранения политических конкурентов как из числа лиц, принадлежащих к противоположной политической группе, так и из числа лиц собственной политической группы. Но, в любом случае, борьба за политическую власть в различных ее формах является неотъемлемой частью преступлений экстремистской направленности.

Среди перечисленных выше видов осуществления экстремистской деятельности распространение идеологии экстремизма посредством символических изображений занимает особое положение, поскольку его следует признать одним из наиболее часто встречающихся противоправных деяний.

Статья *20.3 КоАП РФ: «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.*

Общественная опасность данного противоправного деяния предусмотренного во много связана с особенностями сознания человека, склонного к более быстрому усвоению идей выраженных, не в теоретическом, форматизированном виде, а чувственно-наглядным образом – виде различных символических изображений. Наличие в структуре символических изображений смысловой и эмоциональной составляющих позволяет им в равной степени воздействовать на рациональную и иррациональную стороны сознания человека. Данное обстоятельство создает предпосылки быстрого распространения экстремистских идей и моделей поведения в обществе. С развитием информационно-телекоммуникационных технологий

способность символических изображений к быстрому распространению в социальной среде многократно усилилась, что при определенных социально-экономических и политических условиях может создать серьезную угрозу действующей системе правопорядка. Общественная опасность правонарушений, связанных с производством, распространением и публичной демонстрацией экстремистской символики требует подробного рассмотрения юридического определения данного понятия.

Специфика правового определения понятия «экстремистская символика», приведенного в *114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности»*, заключается в том, что оно приводится в связи с понятием «нацистская символика».

Необходимость связи понятий «нацистская» и «экстремистская атрибутика и символика» объясняется тем, что целый ряд радикально и экстремистски настроенных сил используют в своей пропагандисткой и противоправной деятельности атрибутику и символику исторических государственных образований – нацисткой Германии (1933–1945) и фашистской Италии (1922–1943, 1945), а также политических партий данных государственных образований. В силу данного обстоятельство представляется необходимым отдельно рассмотреть понятия «нацистская» и «экстремистская символика».

Так, неопределенность понятия нацистская символика приведенного в ФЗ №114 потребовала от законодателя дальнейшей конкретизации данного юридического термина, в частности в Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов».

В данном нормативном-правовом акте, особое внимание обращает на себя следующие важные моменты, учитывающие нацеленность деструктивно настроенных политических сил обходить российское антиэкстремистское законодательство в области запрета на публичную демонстрацию экстремисткой символики:

– признание нацистской, а, следовательно, запрещенной атрибутикой и символикой изображений имеющих различные степени сходства с символикой нацистской Германии;

– приравнивания к нацистской символике атрибутики и символики государств, являющихся союзниками и сателлитами фашистской Германии.

– отнесение к нацисткой символике атрибутики и символики организаций, признанных Нюрнбергским Международным трибуналом преступными организациями:

руководящий состав Национал социалистической германской рабочей партии (НСДАП);

охранные отряды (СС);

государственную тайную полицию (гестапо);

службу безопасности рейхсфюрера СС (СД).

Еще одной специфической чертой выявления материалов экстремисткой направленности по символическим изображениям является сложность определения символики и атрибутики экстремистской направленности в силу ее многообразия и постоянной изменчивости.

В самом общем виде под «экстремисткой атрибутикой и символикой» понимается официальная атрибутика и символика организаций решением суда признанных экстремистскими. Такого рода определение приводит к содержательному многообразию понятия «экстремистская символика, и, действительно, если к нацисткой атрибутике и символике относятся идеологически стилистически близкие изображения, то экстремистская символика не обладает такого рода единством, а представляет собою совокупность самых различных атрибутов и символов. Тем не менее, данное многообразие подлежит упорядочиванию и классификации. В основании такого рода классификации может быть положено идеологическая типологизация экстремизма, представленная в стратегии противодействию экстремизму.

В частности, в данном нормативно-правовом акте указывается, что: «*Наиболее опасные виды экстремизма – националистический, религиозный и политический – проявляются в возбуждении ненависти либо вражды по признакам пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего через информационно-*

телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, в вовлечении отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций или групп, в проведении несогласованных акций, организации массовых беспорядков и совершении террористических актов[1]*».* Из приведенного выше фрагмента Стратеги по противодействию экстремизму следует, что экстремистские организации, а, соответственно, и их атрибутика и символика могут быть разделены по идеологическому основанию на:

– националистические;

– религиозные;

– политические.

Однако практическая деятельность подразделений по противодействию экстремизму демонстрирует неудобства такого рода классификации. Поэтому сотрудники соответствующих подразделений, как правило, классифицируют экстремистские организации и сообщества на:

– праворадикальные;

– леворадикальные;

– религиозно-политические (включая исламистские);

– радикально-либеральные (связанные с организацией Цветных революций);

– деструктивные (МОД Колумбайн, группы Смерти);

– криминальные (движение А. У. Е.).

Даная классификация представляется более удобной для организации и выявления пропаганды экстремизма посредством различного рода атрибутики и символики, поскольку позволяет зафиксировать в ней общие идеологическую направленность. Для понимания предлагаемой типологизации представляется целесообразным дать краткие определения каждому из приведенных выше понятий. Так, под *праворадикализмом* следует понимать совокупность радикальных и экстремистских идеологий в основании которых лежит принцип этноцентризма, то есть рассмотрение *нации или расы в качестве высшей ценности*, допускающей насильственные и вооруженные

[1] URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/Strategiya_protivodeystviya_ekstremizmu_v_Rossiyskoy_Federacii.pdf

средства их защиты. Многообразие наций и этносов приводит к тому, что существуют различные формы праворадикальной идеологии. В настоящее время в Российской Федерации выявлены экстремистские организации, основанные на идеологии:

– русского национализма;
– неонацизма (белый расизм);
– украинского национализма;
– татарского национализма;
– крымско-татарского национализма;
– башкирского национализма.

В свою очередь *леворадикализм* можно определить, как идеологию, оправдывающую насильственные методы борьбы за построение бесклассового, лишенного эксплуатации общества. Объектом противоправных действий леворадикальных организаций, как правило, являются органы государственной власти и представители высшего и среднего слоев общества.

Религиозно политический экстремизм представляет собой общее определение для целого ряда религиозных доктрин, стремящихся к насильственному переустройству общества на принципах насильственного изменения современного светского общества.

В настоящее время российской правоохранительной системой были зафиксированы экстремистские организации, базировавшиеся на идеологии:

– исламизма (радикального ислама);
– православного фундаментализма (славянского и германо-скандинавского неоязычества);
– бурханизма (этнической религии алтайцев);
– новых нетрадиционных религий.

Радикальный либерализм представляет собой идеологию оправдывающую практику гражданского неповиновения и организацию массовых беспорядков с целью незаконного захвата государственной власти. В настоящее время радикальный либерализм выступает в качестве рамочной идеологии, объединяющей различные деструктивно настроенные политические силы с целью реализации политтехнологии, получившей наименование Цветной революции, представляющей

собою вариант организации государственного переворота. Следует особо подчеркнуть, что экстремистские организации, выявленные правоохранительными органами и признанные таковыми решением суда, действовали под видом различных фондов и правозащитных организаций.

Идеология *деструктивизма* представляет собою термин для объединения различных асоциальных, религиозных, псевдонаучных и псевдопсихологических доктрин, создающих угрозу личности и обществу. Так, среди организаций, признанных экстремистскими можно выделить различные сообщества, создававшие угрозы, личности и обществу посредством:

– доведения человека до суицида;

– оправдания массовых убийств по мотивам человеко-ненавистничества;

– причинение вреда физическому и психическому здоровью путем реализации псевдомедицинских и псевдопсихологических практик;

– манипуляции с сознанием индивида с помощью псевдорелигиозных доктрин.

По своему характеру *криминальная идеология*, оправдывая и предписывая профессиональную преступную деятельность, создает угрозу не государству и отдельным личностям, а обществу в целом. В целях борьбы с организованной преступностью и оправдывающей ее деятельность криминальной идеологией российским законодательством был разработан ряд мер по несению уголовной ответственности за принадлежность к высшей уголовной иерархии и солидаризацию с идеологией движения А.У.Е., которая представляет собою, как внутри-тюремное движения, так и ориентированную на него молодежную криминальную субкультуру[1].

Еще одним правовым источником противодействия распространению экстремисткой атрибутики символики следует

[1] http://rsuzhur.ru/otvetstvennost-za-propagandu-libo-publichnoe-demonstrirovanie-simvoliki-dvizhenij-aue-i-kolumbajn/

признать списки запрещенных в РФ организаций, которые имеют право формировать три правовых инстанции:

– Министерство юстиции РФ;
– Генеральная прокуратура РФ;
– Суды РФ.

Правомерность внесения существенных изменений в антиэкстремистское законодательство в сфере противодействия распространению нацисткой и экстремисткой символики и атрибутики является обоснованным, поскольку соответствует данному виду противоправных деяний и Федеральному закону от 14.07.2022 N 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1].

Завершая краткий анализ законодательства в области противодействия пропаганде нацизма и экстремизма посредством соответствующей символики и атрибутики, представляется целесообразным представить основные нормативно-правовые акты, предусматривающие ответственность за данный вид противоправной деятельности (14):

– Конституция Российской Федерации (ст. 8);
– Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ст. 1, 8, 13);
– Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 282.4, 354.1);
– Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (ст. 20.3, 20.29);
– Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов» (ст. 6);
– Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ст. 24);
– Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

[1] http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140023

Приведенный, далеко не полный список нормативно-правовых актов, регулирующих антиэкстремистское законодательство в области противодействия пропаганде экстремизма и разжигания различных форм социальной ненависти посредством соответствующей атрибутики и символики, свидетельствует о распространенности и социальной опасности, исходящей из данного вида противоправных деяний.

Содержание

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНОВ РАДИКАЛИЗМА, ФУНДАМЕНТАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

Ладушкин С.И. Логическая аномия и когнитивный экстремизм……... 3

Филиппов А.А. Подростковый и студенческий экстремизм как социологический маркер дисфункциональности института образования…… 11

Новосельцева В.А., Султыгов А.М. О методологии противодействия экстремизму в России……... 16

Некрасов Д.Е. Идеологические и мотивационные составляющие экстремизма……... 20

Стрелецкий Я.И. Русофобия и терроризм – причины специальной военной операции Российской Федерации на Украине…… 24

Янбухтин Р.М. Религиозный экстремизм и радикализм: противодействие распространению……. 30

Никулин А.Г. Вопросы профилактики распространения экстремизма в образовательных организациях…… 35

Царь В.В., Давидович В.В. Противодействие экстремизму и терроризму……. 40

Тимченко А.А., Маркин А.В. Философско-культурологический анализ как средство выявления религиозного фундаментализма…… 46

Батымбетов А.Р. Религиозный экстремизм и формы его проявления в военной среде…… 51

Кочкин А.А. На пути к пониманию девиации: интерсубъективная призма символического интеракционизма……. 59

Аквит В.С., Токарева А.А. Экстремизм и терроризм: зарубежный опыт…… 64

Березнев А.В. Проблема воспроизводства деструктивных моделей социальной активности (на примере практики скулшутинга)……. 69

Никитин К.И., Южанинов В.С. Отделы и отделения общественных связей ОВД как субъект формирования образа сотрудника ГУПЭ МВД РФ……... 74
Гончарова В.А., Борисова С.В. Языковая политика Великобритании в свете борьбы с экстремизмом…… 84
Седых А.В., Иванов П.В. К вопросу о методике профилактики экстремизма среди обучающихся ведомственных образовательных организаций: педагогический аспект…… 88
Смирнова Л.Я., Маркин Д.О. Современные проблемы борьбы с терроризмом в России…….. 92
Матчанов А.А. Особенности организации духовно-просветительской работы по противодействию экстремизму в Академии МВД Республики Узбекистан…… 97
Плотников В.В., Тумин А.Ю. Служение Отечеству как форма развитого патриотизма……. 106
Тюнь А.П. Построение эффективного взаимодействия полиции с гражданами как профилактика экстремистских тенденций в обществе……. 111
Глущенко О.П., Некрасова А.В. Отличительные признаки внешнего вида участников праворадикального движения…….. 120
Олейник О.С. Генезис религиозных экстремистских организаций в России……. 129
Кипреев С.Н. Работа по формированию командирами курсантских подразделений духовно-нравственных ценностей у учащихся образовательных организаций МВД России как средство противодействия экстремизму……... 136

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНОВ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Килимник Е.В. Морально-психологическая подготовка военнослужащих ВС Украины как угроза национальной безопасности России…….. 143
Душанов Р.Х. Психологические аспекты борьбы с терроризмом…….. 147

Чернова И.Б. Религиозный экстремизм и духовная безопасность в современной России……. 152
Деева Н.А. Проблемы жизненной успешности и субъектности в контексте экстремистской направленности личности……... 162
Лапсарь М.В. Психологический аспект деструктивной идеологии движения «Колумбайн»…….. 168

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИЙ РАДИКАЛЬНОЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Таганова А.А. О роли информационно-коммуникативных систем в распространении экстремистско-террористических установок в подростковой среде……. 174
Луо Хунвэй. Исследование глобальной базы данных по борьбе с терроризмом с китайской точки зрения…….. 182
Аквит В.С., Васькин Е.С. Аспекты противодействия экстремизму в информационной сфере для правоохранительных органов…… 186
Башлуева Н.Н., Мельников Н.С. Экстремизм в сети Интернет: политико-правовой взгляд……... 190
Самойлов С.Ф. Влияние средств массовой информации, телевидения и интернет-ресурсов на формирование имиджа сотрудников подразделений ОВД РФ по противодействию экстремизму…….. 196
Ли Ци. Текущая ситуация, развитие и ответ на кибертерроризм в контексте глобального управления….. 204

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫМ ФОРМАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чапурко Т.М., Чикаленко Н.Б. Политико-правовые вопросы профилактики преступлений экстремистской направленности, совершаемых с привлечением несовершеннолетних…….. 209

Корников Д.И., Досумов С.Т. Социально-правовой анализ преступлений, связанных с нападениями на образовательные организации…….. 214
Башлуева Н.Н., Карташов И.А. Политический терроризм как угроза государственности: аспекты противодействия……. 230
Луо Хайлун. Исследование модели управления дерадикализации……. 236
Козыренко Р.Н. Об отдельных мерах противодействия распространению нацистской символики и атрибутики в Республике Беларусь…… 240
Магомедова З.И. «Граждане-суверены» – секта или позиция? …….. 249
Боярский Д.Е., Добрыдина А.И. Нормативно-правовые основания выявления материалов экстремистской направленности по символическим изображениям……. 258

Научное издание

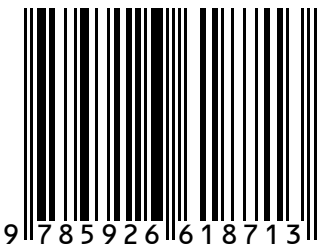
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ: ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Материалы
IX Международной научно-практической конференции

(24 ноября 2022 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1871-3

Подписано в печать 29.11.2022. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 17,0. Тираж 100 экз. Заказ 90.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.